

Михаил Соболев

Статуэтка СОКРОВИЩА ДЖУРДЖЕНЕЙ

16+

Михаил Викторович Соболев

Статуэтка. Сокровища чжурчжэней

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«Никогда не знаешь, что ждет тебя завтра – новое утро или новая жизнь», – гласит тибетская пословица.

Чужая интернет-переписка изменит жизнь и окунет в историю, произошедшую 800 лет назад.

Почему Чингисхан велел уничтожить подданных империи Цзинь? Где и кто спрятал сокровища чжурчжэней? Кто охотится за сокровищами в наши дни? Кто считает путешественника Арсеньева иностранным шпионом? Разве удэгейцы мало знают о прошлом? Как прошлое переплетается с настоящим и влияет на будущее?

На эти и другие вопросы ищет ответы главный герой, чтобы выжить и найти сокровища древнего народа. А, может, не стоит их искать? Может, сокровища – не самое ценное?

Содержание

Начало пути	6
Шаманка	26
Возвращение из тайги	152
Конец ознакомительного фрагмента.	202

Михаил Соболев

Статуэтка. Сокровища чжурчжэней

* * *

«Никогда не знаешь, что ждет тебя завтра – новое утро или новая жизнь», – гласит тибетская пословица.

Чужая интернет-переписка изменит жизнь и окунет в историю, произошедшую 800 лет назад.

Почему Чингисхан велел уничтожить подданных империи Цзинь? Где и кто спрятал сокровища чжурчжэней? Кто охотится за сокровищами в наши дни? Кто считает путешественника Арсеньева иностранным шпионом? Разве удэгейцы мало знают о прошлом? Как прошлое переплетается с настоящим и влияет на будущее?

На эти и другие вопросы ищет ответы главный герой, чтобы выжить и найти сокровища древнего народа. А, может, не стоит их искать? Может, сокровища – не самое ценное?

* * *

«К сожалению, собранные различными исследователями

материалы по ранней истории Приморья обычно не обрабатывались и не публиковались, а оседали мертвым грузом в музеях и иногда бесследно исчезали.

Загадочно исчезла сводная рукопись В.К. Арсеньева о древностях Приморья, то же самое случилось и с архивом Ф.Ф. Буссе».

Источник:

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство. 1973 г. 440 с. [с.36]

Начало пути

1

– Профессор, привет. Занят, нет? – слышу голос Толстячка по телефону.

Я – не профессор, а собеседник – не толстячок. Давно дружим. Толстяк – это Андрей. Совладелец фирмы по ремонту компьютеров. Я – предприниматель, консультирую по вопросам налогообложения. Как правильно заполнить декларации, сделать вычеты. Особым клиентам разрабатываю схемы налоговой оптимизации, как законно заплатить меньше налогов родному государству.

– Могу говорить. А что?

– Тут информация есть интересная, заедешь к нам в офис?

– Да. Скоро буду.

Через 10 минут вхожу в офис. В компании четыре работника. Возраст – от 28 до 35 лет. Двое женатых, двое – нет. Макс (кличка Худышка) – директор компании, осуществляет общее руководство. Худышка – потому что, сколько ни корми, не толстеет. Нудит постоянно. Но голова светлая и хитрая. Толстячок отвечает за цифры. Посчитать, скаль-

кулировать – всё к нему. Плюс ходячая энциклопедия. Васю зовем Софтом. Потому что по части компьютерных программ и ремонтов компов разбирается. Четвертый – Виталик (или Молодой). Программист-системщик, недавно работает. Сейчас его в офисе нет.

– Привет, банда, – улыбаюсь на пороге.

– И тебе туда же, – ржёт Худышка.

– Чё звал? Где информация? – спрашиваю Андрея.

– Нам ноутбук притащили на продажу. Мы купили. «Подешману». Стали проверять, что есть. Наткнулись на запароленные файлы. Софт взломал их как-то, а там что-то про сокровища. Короче, Склифосовский, ты же у нас профессор? Разбирайся давай. Вдруг золото найдем.

– Ага, бабу золотую, – бурчит Худышка.

– Тебе бы всё баб, – хмыкает Софт.

– А ты вообще молчи, – огрызается Макс. – Нашел какую-то хрень, сам загрузился и нас подгрузил.

– Ладно, давайте вашу информацию на флэшку, да поеду, – миролюбиво предлагаю.

Хохот такой, будто сморозил глупость.

– Там информации гигабайт на пять, – ржёт Софт.

– Флэшка на тридцать два гига. Влезет, – успокаиваю всех. – Решили хорошо подгрузить?

– Ага, – ржут. – У тебя же голова большая, вот и думай.

– А как бабки будем делить? – улыбаюсь, пытаюсь обратить все в шутку.

– Поровну. На четверых. Молодой не в теме, – предлагает Макс.

На том и порешили.

2.

Дома копирую файлы.

Информации много, но упорядочена особым образом.

Открываю папку «Переписка».

Файлы сгруппированы по датам.

Письмо № 1.

From: xxx@mail.ru

To: ккк@mail.ru

Володя, привет!

Вчера ездили с друзьями на природу. На внедорожнике. Забрались туда, куда редко кто забирается. Девчонки – купаться, я с Саней – готовить шашлык. Саня отвечает за мясо, я – за дрова. Беру топор и в тайгу. Нарубил. Набираю охапку и к лагерю. За корягу зацепился и как на...вернулся, топором ногу ушиб. Матерясь, присел на старое дерево. Ногу осмотрел – порядок. Вижу в расщелине дерева, на котором сижу, необычный кусочек камня в трухе лежит. Любопытно стало. Достаяю. Почистил. На солнце вытащил. Какая-то старинная вещь. То ли статуэтка, то ли божок какой-то. Я по части археологии не очень. Вернулся в лагерь с дровами и добычей. Никому ничего не сказал. Решил с тобой посоветоваться.

товаться. Находку сфотал. Высылаю. Посмотри в своем институте, может, кто-то из профессоров знает. Если что узнаешь – пиши.

Юра.

Письмо № 2.

Юра, привет!

Ну ты археолог! Я навел справки – это антикварная вещь. 12-й век. Прикинь! Эпоха чжурчжэней. Жили на территории Приморья 800 лет назад. Золотая империя. Ее Чингисхан разрушил полностью.

В общем, реликвия.

Завтра схожу в исторический музей, проконсультируюсь. Фотка получилась классная.

Володя.

Письмо № 3.

Володя, привет!

А мне что делать-то с находкой?

Юра.

龜

日堯得

Фото статуэтки.

Письмо № 4.

Юра, не тупи. Покопайся в Интернете. Узнай побольше про эту эпоху. И не болтай. Если вещь ценная, то можно продать хорошо. Я подумаю.

Володя.

Письмо № 5.

Юра, привет!

Расскажу о встрече в музее.

Прихожу во Владике в исторический музей. Спрашиваю, с кем проконсультироваться по эпохе чжурчжэней. Выходит мужичок лет сорока, представляется младшим научным сотрудником, специалистом по бохайской и чжурчжэньской эпохам. Проходим в кабинет. Даю фотку. Тот, увидев статуэтку, чуть из кресла не выскочил: «Где взяли?». Я ему – друг прислал, просил узнать, что это. Мужичок успокаивается: «Это один из символов чжурчжэньских богов. Если знать, из чего сделано, то можно сказать, кому принадлежала. Из кости – у высшего сословия, из камня – у простолюдинов, из золота – у жрецов».

Говорю: «Из золота». А он: «Откуда знаешь?» А я: «Друг царапнул – блестит». А сотрудник так глянул, что аж мороз по коже. словно лёд к затылку приложили. Этот мужик мне не понравился сразу. Не знаю, как сказать. Сначала подумал,

что какой-то епископ или проповедник. Бородка, очки, спина прямая, словно кол вогнали, говорит чудно, глазки бегают. А тут взгляд изменился. Я в детстве в зоопарке в глаза волка заглянул. Вот и сейчас возникло чувство, словно в волчьи глаза посмотрел.

– А друг где ее нашел? – спрашивает сотрудник.

– Говорит, в лесу. А почему вы спрашиваете?

– Просто это редкая находка, – улыбается. – А больше ничего он не находил?

– Да вроде нет. А как вы думаете, эту вещь можно продать?

– Молодой человек, – смеется. – Продажа исторических ценностей преследуется по закону. Лучше сдайте эту вещь в наш музей. Если принесете мне, то, может быть, смогу заплатить.

– А сколько? – спрашиваю.

– Если не соврали, что из золота, то от 2000 до 3000 долларов. Так что звоните другу и советуйтесь.

– Неа, у него телефона нет. Сломался. А вы свой телефон не оставите?

Получив визитку, прощаюсь и ухожу.

По пути к выходу вспоминаю, что забыл фотку на столе, и возвращаюсь. Подхожу к кабинету сотрудника. Дверь открыта. Слышу, разговаривают. Заглянул, вижу, мужичок с компьютером разговаривает. Наверное, через Skype.

– Мастер, возможно, мы нашли нашу карту, – говорит «ис-

торическая крыса» монитору.

– Это хорошая новость, Посвященный, – говорит мужик с компьютера. – Но не будем преждевременно радоваться. Мы столько времени провели в ее поисках. Ты уверен, что это наша карта?

– Не уверен, но очень похоже.

– Не упустишь?

– Обижаете, Мастер. Думаю, что скоро карта вернется в наш клан.

– Будь на связи, Посвященный.

Словно в дурацком кино про масонов.

Я не стал дожидаться, когда меня увидят, и на цыпочках припускаю по коридору. Пока шел домой, мерещилось, что за мной кто-то следит.

Дома решил поэкспериментировать. Обработал фотографию в фотошопе, удалил иероглифы и закинул на аукцион eBay.

А теперь приготовься.

Есть две новости: хорошая и плохая.

Начну с плохой.

Вчера ночью кто-то вскрыл мою квартиру. Все перевернули, видимо, что-то искали. Вроде ничего ценного не пропало.

А теперь о хорошем.

Ты лучше сядь! На аукционе предложили за статуэтку – знаешь, сколько? Миллион! Нет, не рублей. Евро!!! Умножь

на курс евро. Умножил? Понял, сколько стоит?
Что скажешь? Что будем делать?
Володя.

Письмо № 6.

Володя, привет!

У меня тоже есть новости. Только, чур, не орать и не смеяться.

Во-первых, что-то странное происходит в моей квартире. Сейчас лето, жара. Все жалуются, что комары. А у меня их нет! Были и исчезли. Разом. Тараканы куда-то исчезли. Кошка убежала. Сиганула с балкона ночью. Так и не нашёл.

По ночам снятся кошмары. Думал, «крыша едет». Снится одно и то же. Дикае племена. Война. Всадники. Пожары. Сны до того реальны, что просыпаюсь и не могу понять, где я нахожусь. Сплю или нет.

Но я не рассказал самое главное. Полировал статуэтку, чтобы золото засияло. Нашел маленькое отверстие, залитое сургучом или каким-то веществом. Почистил иголкой. Бац! Статуэтка открывается. Вываливается клочок то ли папируса, то ли бересты. С письменами. Разворачиваю свиток двумя иголками и перерисовываю письма. На всякий случай фотографирую. Думаю, утром рассмотрю повнимательнее. А утром остался лишь мусор. Истлела бумажка. И на фотографии ничего не получилось. Размытое изображение. Хорошо что я значки перерисовал. Шлю сканированные рисунки мо-

их художеств.

龜曉得唱曲扇

Надпись на статуэтке чжурчжэньскими иероглифами

Юра.

Письмо № 7

Юра, привет!

Жаль, что бумага истлела. Видно, слишком много времени прошло. Может, из-за этой бумажки статуэтка так дорого стоит на аукционе? Завтра пойду к специалисту по древней истории. Старичок на пенсии. Случайно про него узнал от исторички. Подкатываю к ней и говорю, мол, хочу написать реферат по истории чжурчжэней, нужно с кем-то проконсультироваться. Дала адрес профессора исторических наук, сказала, что светлая голова. Намекнула, что старичок любит коньячок. Так что пришлось купить.

Давай, до связи завтра.

Володя.

Письмо № 8.

Юра, привет!

Похоже, история обрастает новыми событиями. Сегодня ходил к старичку с коньячком. Это нечто! Он с 16 лет занимается историей и археологией. Как в школе нашел старинное городище, так и увлекся поисками. Всякое понарасказывал. Вкратце основное.

Чжурчжэни жили на территории Приморского края восемьсот лет назад. Победили киданей в многолетней войне. Захватили большую часть территории современного Китая. Воевали с монголами и корейцами. Сильная армия и доблестные полководцы. Чингисхан перед смертью просил своих сыновей уничтожить династию Цзинь. Что те впоследствии и сделали в ходе длительной изнурительной войны. Вот что интересно. Империя Цзинь была очень богатой. Ее так и называли «Золотая империя». Множество сокровищ хранилось в городищах, дворцах знати и храмах. Летописи тех времен описывают богатство храмов и знати. Когда война с монголами подошла к концу и городища разграбили, выяснилось, что завоевателям досталось не все. Часть сокровищ заранее вывезли из городищ и спрятали в тайниках. Существовали специальные отряды хранителей сокровищ. Их лично отбирал главный жрец. В ходе войны хранители погибли и следы сокровищ потерялись. Существует легенда, что была карта, на которую главный жрец нанес данные о сокровищах чжурчжэней.

Старичок захмелел от коньячка и стал рассказывать о том, как сам искал сокровища, но под присмотром органов без-

опасности. Взглянув на фотографию статуэтки, старый ученый протрезвел, но ненадолго.

– Говорят, – голос профессора с хрипотцой раздается в стенах «малосемейки», – у главного жреца на теле хранилась статуэтка из чистого золота. Никогда не расставался с ней. Придворные шептались, что это какой-то мистический амулет или оберег от нечистой силы. Кто-то говорил, что символ бессмертия. Да только украл у жреца статуэтку его же телохранитель. Почему и зачем, никто не знает. Украл и исчез в Уссурийской тайге. Жрец отправил на поиски воришки лучших воинов, но те вернулись ни с чем. А тут еще и война с монголами. Жрец вскоре заболел и слег. Умер, но перед смертью завещал найти предателя и статуэтку. Говорил в бреду: «Это карта. Путь к бессмертию и величию». Так гласит легенда.

– А вы откуда знаете? Может, придумали?

– Ага, придумал, – хихикает дедуля. – Скажу, молодой человек, одно. Тот, кто статуэтку найдет, большой опасности подвергнется.

– Почему?

– Легенда гласит, что сокровищ там тьма-тьмушая. Отряды Хранителей прятали самое ценное: золотые слитки, драгоценности. Эти изделия сейчас стоят миллионы долларов. Но не это главное. Главное – то, что в сокровищнице императора хранились древние манускрипты.

– Манускрипты? Бумажки, что ли?

– Манускрипты, юноша, могут быть не только бумажные, – язык старика все больше заплетается. – Это золотые пластины с символами и иероглифами. При изучении обретаешь Силу. Силу знаний.

– Сила знаний? А что это?

– Знания, сынок, – самое страшное оружие. Знания могут замедлять время, лечить болезни, создавать богатства, передаваться от одной цивилизации – другой. Нести мир или разрушения. По легенде, главный жрец хотел открыть сундук с пластинами и использовать новые виды оружия. Знаешь, как когда-то в Атлантиде, когда Знания сгубили собственный народ. А телохранитель не дал это сделать. Украл карту к тайнику с древним оружием.

Голова старика ближе клонится к груди, голос слабеет и вскоре затихает совсем. Ученый уснул, и я не стал будить.

Ах да, я показал ему записи, что ты перерисовал. Он сказал, что это какая-то белиберда. Я спросил: «Может, это шифр или система тайнописи?» Старичок промямлил: «Может, конечно. Шифр, юноша, может выражаться в чем угодно. Я, например, для китайцев сейчас изъясняюсь в виде шифра, если по-русски они не понимают. Когда узнают русские слова, то начнут понимать, о чем говорю. Кстати, о китайцах. Они пристально изучают историю. О чжурчжэнях плохо отзываются. Но интерес к сокровищам у них есть. Но не столько к золоту – у них, к слову, золото добывают специальные армейские подразделения, сколько к секретным зна-

ниям. Знаниям законов бессмертия, например, или долголетия. Представьте, юноша, сколько бы заплатили миллионеры или миллиардеры за знания, как жить вечно и не болеть. Поверьте мне, такие знания есть. Но доступ к ним ограничен. Знания – это власть! Жрецы хотели абсолютной власти! Но всех перехитрил простой воин. Хе-хе. Дождался, когда заснет жрец, срезал статуэтку и сбежал. А жрец даже не всхрапнул. Наверное, снотворного выпил...».

Юра, это только часть нашего разговора. Сама суть, так сказать, а мы часов пять сидели, разговаривали. Славный старичок, душевный. Слушать можно часами. Такие вещи рассказывает – ни в одной книге не прочтешь.

Ну ладно, давай до завтра.

Володя.

Письмо № 8.

Юра, привет!

Вчера снова общался со старичком-профессором. Текст дал, с иероглифами. Попытался перевести. Вроде и смысл есть, и все равно тупик. А сегодня старичка удар хватил. Сердечный приступ, соседи сказали. Так что не знаю, куда двигаться. Приеду к тебе. Скидываю материалы, что накачал в Интернете, и то, что отсканировал в библиотеке. Я не систематизировал. Приеду, поговорим. Завтра выезжаю автобусом.

Володя.

Письмо № 9.

Володя, привет!

Ну ты где пропал? Сказал, что приедешь. Может, куда-то завернул? К какой-нибудь голубоглазой статуэтке?

Я, кажется, кое-что понял в этой абракадабре. Давай приезжай.

Юра.

Письмо № 10.

Володя, привет!

Ну ты где? Третьи сутки едешь? Тут пять часов от Влада до Арсеньева на автобусе. Я понял, куда нужно ехать и где искать. Жду тебя еще сутки.

Юра.

Письмо № 11.

Володя, привет!

Похоже, друг, ты где-то загулял. Я собрал снаряжение и завтра отправляюсь в путь. Статуэтку спрятал. В городском музее. Пришел. Заплатил за экскурсию. Поднялся на второй этаж, там как раз есть раздел, посвященный чжурчжэням. Достал сверток, оглянулся и прикрепил на пластилин к задней стенке стеллажа. Если никто раньше нас не заглянет, то посылка дождетя тебя или меня.

Юра.

3.

Больше писем в папке «Переписка» не оказалось.

В других папках хранились карты, схемы, иероглифы, картинки, текстовые материалы. Задаю в поисковике компьютера слово «Володя». Компьютер выдал два файла: «переписка. doc» и «телефонник. doc».

Файл «телефонник. doc» – записная книжка с телефонами знакомых Юрия и телефон самого Юрия (гордо написано в файле – «Я»).

В списке трое с именем Володя.

Набираю первый номер.

– Алло, Володя?

– Да, а кто это?

– Мне ваш телефон дал Юра, сказал, что вы живете во Владивостоке, и если будут вопросы по чжурчжэням...

– О ком вопросы? – перебивает собеседник. – Я не знаю, о чем вы. Я вообще живу в Хабаровске.

– Извините.

Второй Володя жил в Славянке.

Телефон третьего Володи отвечает не сразу. Собираюсь положить трубку, как слышится мертвый тихий голос: «Говорите».

Всю мою энергию, напор – как рукой снимает. Такое чувство, что разговариваю с бестелесным существом.

– Я ищу Володю. Это ты?

– Что вам угодно? – голос не теплеет ни на градус, а мне словно кто-то горло сдавливает удавкой.

– Мне Юра дал твой телефон. Ты во Владике живешь?

– По какому вопросу вы звоните? – голос не меняется.

– По чжурчжэням и статуэтке. Вы что-то знаете об этом?

– Знаю, – оживает голос. – Давай встретимся.

– Давай, а где?

– А где вы находитесь? – спрашивает резко собеседник. Я вдруг закашливаюсь, как от удушья, хрипя спрашиваю: – А как ваша фамилия? Где вы находитесь?

– Фамилия Юрасов. Я во Владивостоке. А ты где?! Я сейчас же приеду!

Что-то в интонациях собеседника меняется. Как будто человек проснулся.

– В Арсеньеве.

– В Арсеньеве? А где? Скажи адрес, – голос в трубке становится жестким.

– Адрес не скажу, – бурчу, почувствовав какую-то угрозу. – Приезжайте и встретимся.

– Хорошо, завтра утром тебя наберу, – бесцветно отвечает трубка, и раздаются гудки. Сразу стало легче дышать.

Через минуту на сотовый звонок. Номер не определен. Отвечаю. В трубке молчат, и связь прерывается.

Вечером в Интернете просматриваю новости. Переходя от ссылки к ссылке, читаю заголовок «Студенческие деньги для

бандитов». Кликаю.

«На автобусной остановке в селе Ивановка, за туалетами, обнаружен труп молодого человека со следами насильственной смерти. Проникающее ножевое ранение в сердце вызвало мгновенную смерть. Денег, документов и ценных вещей при погибшем не обнаружено. В результате оперативно-розыскных мероприятий определена личность погибшего. Студент Юрасов Владимир вышел на этой остановке (из автобуса «Владивосток – Арсеньев») в туалет. По словам очевидцев, несколько молодых человек зашли с ним в туалет. После этого студент в автобус не садился. Кто и за что убил молодого человека, предстоит выяснить следствию».

Задумываюсь.

Дата электронной переписки из ноутбука и время убийства совпадают. Фамилия и имя – совпадают.

Но покойники не разговаривают.

Становится страшно.

Открываю базу данных телефонов Приморского края (благо хакеров много и базу можно купить). Выписываю всех Юрасовых из Владивостока, сужая круг поисков. Зная сотовый телефон Владимира и адрес, ищу телефоны его родных. Набираю номер Анны Сергеевны.

– Здравствуйте, я ищу Юрасова Владимира. Дали этот телефон. Вы мне не можете?

– А Володеньки больше нет. Убили его, – говорит женщина и плачет.

– Как? Как это произошло?

– Поехал к другу в Арсеньев, а его по дороге убили. В Ивандовке. Деньги забрали, сумку, телефон. Ограбили «гастролеры залетные», так сказал следователь.

– А он не к Юре ехал? – наугад спрашиваю.

– К Юре, – голос в трубке становится тверже. – А вы откуда знаете, молодой человек?

– Так Юра сам дал телефон Володи. Сказал, звони, если что.

– А давно это было? – настороженно спрашивает собеседница.

– Ну, – мнусь, – примерно полгода назад, а что?

– Да пропал Юра, – отвечает. – Такой хороший мальчик. Не пил. Не курил. Соседи матери рассказывали, что видели его с рюкзаком походным. За несколько дней до того, как моего сынка убили. С тех пор никто и не видел больше.

4.

Разговор с матерью погибшего вызывает страх и вопросы: с кем я разговаривал, если владелец телефона мертв?

Бандиты?

Новый владелец? Почему представился прежним именем?

Вопросов больше, чем ответов.

Общаться с уголовниками не хочется. В голове созревает

простой план.

Вытаскиваю из сотового старую сим-карту и подключаю новую. В свое время симки приобретал на свою компанию. Если выйдут бандиты, «отмажусь», что «симка» утеряна.

Первый шаг плана выполнен просто.

Второй шаг плана – посещение городского музея. Плачу за билет и поднимаюсь на второй этаж, в зал древней эпохи.

Дожидаюсь, когда посетители перейдут из одного зала в другой. Подсвечиваю фонариком за стенд с экспонатами. Вижу пакет, прикрепленный к стене.

Воровато оглянувшись, протягиваю руку и срываю пакет со стены. Сирены не взвыли, но сердце стучит, как бешеный насос. Прячу находку во внутренний карман пиджака. Сдерживаясь, чтобы не бежать, выхожу на улицу.

Шаманка

Мне снится один и тот же сон.

Сначала слышу голос, потом слова: «Эдэсу! Эмэгийэ!». Вижу лес. Тайга. Таяжная поляна. Светит солнце, освещая росинки на траве. На поляне девушка, смотрит на меня.

Образ девушки из сна.

Ее губы двигаются, слышу: «Суженый, я жду тебя». Спрашиваю: «А кто ты?». Серьезно отвечает: «Я – твоя судьба». Улыбается, протягивает руку. Так хорошо рядом с ней.

– Где тебя искать? – спрашиваю.

– Я близко, – шепчут девичьи губы. – Ближе, чем думаешь. Захочешь найти – найдешь.

– Но как?

– Слушай мир сердцем и найдешь.

Поляна покрывается туманом, и я просыпаюсь.

Вместе с пробуждением приходит щемящая тоска, что упускаю главное в своей жизни.

* * *

Сны никому не рассказываю. Сон – дело личное. Сны – всегда повод для размышлений. Не раз спасали или толкали в гущу приключений.

Этот сон из серии вещих. Не знаю, как объяснить. Чувствую, что сон не простой.

Убеждаюсь в этом на следующую ночь.

Сон повторяется в тех же деталях и словах. Вижу больше радостных картинок и счастливых мгновений. Во сне смеюсь. Редкое чувство осознания того, что счастлив.

Когда сон приснился в седьмой раз подряд, понимаю, что

испытываю судьбу. Решаю уехать в лес. Словно тащит неведомая сила в глушь тайги, навстречу неизвестности и возможного счастья.

Мне нужно побыть одному ещё и по другой причине.

Поиски разгадок тайны статуэтки зашли в тупик. Никаких свежих идей. Расшифровать иероглифы не получается. Бизнес застопорился. Ни клиентов, ни предложений. Как сговорились! Словно неведомые силы вступили в тайную схватку со мной.

Есть объяснение этому явлению. Коротко: «Статуэтка».

Музейная находка стала моей собственностью, и жизнь изменилась.

Яркие цветные сны, в которых проживаешь годы. В которых испытываешь гамму чувств: от боли и страхов до радости и чувственных удовольствий. Явно действие статуэтки. До ее появления сны не запоминал.

Я становлюсь сильнее. Больше уделяю внимания спорту: бег, прыжки, отработка боевых приемов, силовые упражнения. Словно побывав в бою сражений во сне, днем тело готовится к новым боям с захватчиками. Со «степными псами» Чингисхана. В некоторых снах погибаю в неравной схватке, в других – бегу по тайге, прячась от преследователей.

Ко мне стали проявлять повышенный интерес девушки. Я всегда проявляю инициативу и сам стремлюсь познакомиться с понравившейся девушкой. Часто «получаю от ворот поворот». Немного комплексую из-за своей внешности. Что-то

изменилось. Девушки сами предлагают встретиться и оставляют номера телефонов.

Последний случай тому подтверждение.

Захожу за продуктами в супермаркет. Рядом со стеллажом напитков стоит обалденная девушка. Как говорят, «сошла с обложки глянцевого журнала». С меня ростом, метр семьдесят пять, блондинка, грудь высокая, на талии эффектный кожаный пояс, короткая юбка подчеркивает стройные ножки в чулочках. Смотрит на меня, чувствую, что тону в голубых глазах. Таких называют «белокурами бестиями». Глаза словно душу вынимают. Раньше бы прошел мимо, боясь заговорить, а тут подхожу спокойненько: «Девушка, давайте помогу корзинку подержать, а то вы сейчас снесете бутылки». Незнакомка дергается, дамская сумочка цепляет бутылку с колой. Время замедляется, пока бутылка летит на пол. Я ловлю напиток над самым полом, резко присев, словно на тренировке, в полушпагат.

– Ух, какой шустрый, – искренне удивляется блондинка. – А я думала: все, пиндыр бутылке.

– Да, я шустрый, – улыбаюсь, протягивая напиток. – Так что держитесь начеку, когда я рядом.

– А иначе что? – вступает в игру, почувствовав подтекст в словах.

– Не успеете оглянуться, как забеременеете, – шучу.

– Фу, как пошло, – говорят её губы. (*«Да ты самец», – улыбаются голубые глаза.*)

– Чтобы не все опопшлить, давайте корзину помогу до кассы донести, – улыбаюсь. – Мне ещё бутылку минералки надо взять. У вас 5 секунд на принятие решения.

Отворачиваюсь и демонстративно выбираю минералку.

– Назвался груздем – полезай в кузов, – слышу голос над ухом, и в руки упирается корзина.

Пока стоим в очереди в кассу, узнаю, как зовут и номер сотового.

Диана. Богиня охоты. Спутница целиком оправдывает имя. Мужики откровенно пялятся на нее и недоуменно на меня. Не похож ни на богатого папика, ни на бойфренда.

– Проводишь меня до дома? – просит новая знакомая, застав врасплох. Я уже собираюсь прощаться.

– Недавно здесь живу, пару дней, – уточняет девушка. – Плохо знаю город.

– А ты сама откуда?

– Из столицы.

– Из Москвы, что ли? – шучу.

– Нет, конечно, – смеется. – Из столицы Приморья. Из Владика. Поможешь?

– Только если угостишь конфетами и чаем, – шучу.

– Договорились, сладкоежка, – улыбается Диана и, взяв под руку, идёт рядом.

По дороге разговорились. Приехала в командировку. Возраст – 23-25 лет. Окончила исторический факультет. Не замужем и не собирается, пока не защитит диссертацию.

Возле своей квартиры тихо шепчет: «Сейчас дверь откроет бойфренд, очень ревнивый, побьет тебя».

Бурчу: «Я – шустрый. Он пока замахнется, я уже в твоей спальне спрячусь, под одеялом». Хохоча, с трудом открывает дверь.

Квартира стандартная, двухкомнатная, ленинградской планировки.

Диана идёт с пакетами на кухню, а я – в зал.

Полупустые полки выдают, что хозяйка не настоящая.

– Ещё не успела обжиться, – слышу за спиной. Обернувшись, вижу новую знакомую с бокалом шипящей минералки. Протягивает с улыбкой: «Ты хотел пить».

Залпом выпиваю бокал.

Выхожу на балкон. Вдыхаю свежий воздух полной грудью.

В голове непривычно шумит. Плывёт изображение, словно резко встал и в голову неожиданно прилила кровь. Тело заливает истома и сладкое чувство счастья и умиротворения. Чувствую резкий прилив сил и сексуальное желание. Вспоминаю детали знакомства в магазине: мягкость груди, прикосновения у кассы, белизна груди в разрезе блузки, манящие глаза.

Диана подходит сзади и, прижавшись, спрашивает, горячо дыша в шею: «Ты всегда исполняешь обещания?»

– Смотря какие, – поворачиваюсь к ней.

Халат легко скользит с плеч на пол, и я безоружен перед обнаженной красотой.

На следующее утро девушка дарит кулон. Просит, чтобы никогда не снимал. Возникает ощущение, словно посадили на цепь, как прирученного пса.

Девушка легко вливается в наш поисковый коллектив. С ее знаниями археологии и истории мы многое узнаём. Ребята из группы просто пожирают глазами подругу, но ведут лояльно и даже перестают (ну почти) материться во время «мозговых штурмов».

Я часто задаю себе вопрос «Почему эта красотка проводит время с нами?», но ответ так и не находится.

Точно одно – если я не вижу Диану несколько дней, то со мной начинает происходить непонятное: тяжелеет голова, повышается раздражительность, становлюсь агрессивным, по ночам задыхаюсь во сне.

Казалось бы, чего заморачиваться, есть шикарная телка, у нас классный секс, никаких обязательств, чего еще надо? Простая физиология, а не светлые чувства, о которых рассказывали в детстве.

Когда спрашиваю шутя, а хочет ли иметь детей, то получаю «вынос мозга». В ее планы дети не входят.

– Я молода, красива, умна и обеспечена, – смеётся девушка. – Зачем усложнять жизнь?

– Зачем я тебе нужен? – угрюмо спрашиваю, понимая, что значит ответ.

– Мне хорошо с тобой, котик, – улыбается. – Ты такой нежный и страстный. Просто таю в твоих руках.

Разговаривать по душам с ней не получается.

Пытаюсь с ней не встречаться, не отвечать на звонки, но проходит два дня, и начинает жестко ломать. Как наркомана из-за нехватки дозы. Но я – не наркоман. Веду здоровый образ жизни. Думаю, что это любовь. Но в душе признаюсь, что похоть.

* * *

Решаю во всем разобраться и уехать на недельку в тайгу, на рыбалку. Никому ничего не говорю. Говорю только родителям, куда и на сколько поеду, что сотовой связи не будет, чтобы не волновались.

Продовольствие грузю в походные сумки. Проверяю холодное оружие, палатку и снаряжение. Всё загружаю в багажник джипа и жму на газ.

Прочь из города. В тайгу. В тайгу.

Вчера прошел Первомай, и я помогал родителям копать грядки на даче. Сегодня обгоревшая и подуставшая спина даёт о себе знать.

Я точно знаю, что неделю проведу в селе Ясная Поляна. Отличные места для уединения и отдыха.

В Анучино сворачиваю на Муравейку, переезжаю через мост, вижу автобусную остановку. Почему сегодня обращаю на неё внимание? Сколько бы раз ни проезжал мимо, всегда пустая.

Сейчас – сидит седовласый старик с рюкзаком, а на дороге голосует девушка. Увидела машину, машет рукой в жесте автостопа.

Не знаю, почему остановился. Обычно никого не вожу – люблю ехать и думать о чем-то своем, слушать аудиокурсы, подпевать песни или надиктовывать свои размышления.

Руль в Паджерике (Nissan Pajero) с правой стороны, и, опустив стекло, спрашиваю: «Вам куда, девушка?». Незнакомка поправляет волосы под косынкой и, притронувшись к моей руке, просит: «Отвези нас, пожалуйста, домой».

Смотрю в лицо и замираю. Словно заряд электрический по нервам прошел. Моргаю. Думаю, начались глюки. Лицо девушки очень знакомое, а ладонь – теплая.

– А-а-а... – хриплю, кашляю. – Домой куда?

– В Ясную Поляну, – тихо отвечает, не отпуская руку. – Мы заплатим. Дедушка очень устал. Сумка тяжелая. У нас проблема с продуктами в селе.

– Хорошо, садитесь, – понимаю, что не могу отказать.

– Спасибо. Сейчас дедушку позову. Одо! Миндзи гиэ нг-энэдзэфи! (здесь и далее удэгейский) (*Дедушка! Пойдем со мной!*)

– А что вы сейчас сказали? – спрашиваю, выходя из машины и открывая багажник.

– А это, – улыбается, – это на удэгейском дедушку позвала.

– Ты понимаешь этот язык?

– Конечно. Меня дедушка воспитывал. Он почти не говорит по-русски.

Пока укладываю тяжеленный рюкзак деда в багажник, регистратор в машине пикает, но я не обращаю внимания. Мысли лихорадочно бегают в голове. Словно рой разъяренных пчел.

Удэгейцы – потомки чжурчжэней. Может, что-то знают. Совпадение ли это?

И еще миллион мыслей. Захлопнув багажник, помогаю старику усесться на заднее сиденье. Переживаю, что будет пахнуть, как от бомжа, но пахнет смолой и тайгой.

– Асаса! (*Спасибо!*) – говорит старик, пристально смотрит в лицо, улыбается, повторяет по-русски: «Спасибо». Сухое твердое рукопожатие. Промелькает мысль, что меня сканируют, как рентгеном.

Усаживаюсь в водительское кресло, автоматически отмечаю километраж и время. 25982 км. 14.23. Следующий населенный пункт – Ауровка.

– Нихао. Сесе, – произносит аудиосистема.

– А что это? – удивляется девушка.

– Учю китайский, перед поездкой, – выключаю аудиосистему.

– А зачем?

Захотелось рассказать часть правды. Выговориться с незнакомым человеком. Говорю, что нашел статуэтку и не могу расшифровать иероглифы.

Девушка слушает, не перебивает. Старик не принимает участия в разговоре, но в зеркале заднего обзора ловлю цепкий, оценивающий взгляд.

– Можешь показать иероглифы? – просит попутчица.

Останавливаю машину у обочины, достаю из бокового кармана сумки листок с иероглифами.

龜曉得唱曲扇

Девушка смотрит на листок, отдаёт старику.

– Би самиэ-дэ эи оньо (*Я знаю этот рисунок*), – отвечает дед, возвращая бумагу.

– Сказал, что знает, как перевести надпись, – звучит ответ на мой немой вопрос.

– Он скажет? – удивляюсь.

– Йангнами, муданги? (*Зачем ты идешь?*) – спрашивает попутчик.

– Зачем тебе это? – переводит спутница. – Для чего тебе эти поиски?

– Есть разные легенды, – отвечаю. – Одни говорят, что в Приморье находится Золотая баба. Другие, что несметные сокровища чжурчженей. Третьи, что сокрыта мудрость и технология предков.

– Йангнами, нгэнэни нуани? (*Зачем ты пришел?*) – строго спрашивает дед, и девушка переводит.

– Я ищу... – отвечаю после долгих раздумий, – эликсир молодости и бессмертия.

– Йэми? (*Почему?*) – строгий вопрос старика.

Меня не смущает, что задают вопросы по-удэгейски, отвечаю по-русски, и меня легко понимают.

– Хочу, чтобы люди перестали болеть и жили счастливо, – тихо отвечаю и вздрагиваю, когда собеседник начинает смеяться. Да так заразительно, что сам начинаю хохотать. Девушка смотрит на двух хохочущих мужчин, улыбается.

– Первый раз вижу, чтобы дед так смеялся, – тихо произносит.

Переключаю компактдиск, трогаюсь дальше. В кабину врываются звуки музыки.

– Что это? – удивленно спрашивает Аня (мы разговорились и познакомились, пока ехали), слушая мелодию.

– Кизомба, ангольский (южно-африканский) танец любви, – улыбаюсь. – Очень красивый танец. У вас в деревне есть дискотеки?

– Нет, – после некоторой паузы отвечает попутчица. – У нас мало от современной цивилизации что есть...

– Дэумпи. Гулинэдзэми би (*Отдохните. Отправляюсь-ка я в путь*), – произносит попутчик.

– Дедушка просит остановиться, – переводит спутница. – Ему надо выйти.

Останавливаюсь, приоткрываю окно. В салон врываются весенние запахи тайги. Старик выходит из машины и идёт в лес. Тихо играет музыка. Закрываю глаза и... словно проваливаюсь в забытие.

Наверное, снится, как пищит, выключаясь, сотовый телефон и как с шеи соскользывает цепочка с кулоном, подаренная Дианой.

– Эй, водитель, просыпайся, – слышу тихий девичий голос и, резко открыв глаза, смотрю по сторонам. Тайга. Я в машине. Рядом девушка-попутчица. Из леса по дороге идет старик.

– Я знаю короткий путь, – говорит Аня, когда старик уселся в машину, – не очень хорошая дорога, но так быстрее.

Включаю 4WD и двигаюсь медленно по тропинке в лес.

– Прямо, сейчас направо, притормози, – негромко командует спутница. Не торопясь, еду по видимой только ей дороге.

Неожиданно лес расступается, и мы выезжаем на поляну. Меня словно кулаком в грудь ударили. Сдавило виски. От неожиданности резко нажимаю педаль тормоза. Попутчица смотрит на меня, обменивается взглядом со стариком и говорит тихо: «Не бойся, это так встречают наши охранники. Надень браслет, будет легче». И протягивает браслет... из маленьких желудей. От немого удивления протягиваю руку. Тяжесть в груди и боль в голове разом исчезают. Двигаюсь дальше по едва заметной тропинке. Проехав несколько мет-

ров, чуть не врезаюсь в неизвестно откуда появившийся из-за деревьев дом.

– Езжай под навес, – командует девушка.

– Дзэкпэи-йэу? Табио! Дайа, дайа! (*Ты поел? Садись! Угощайся, угощайся!*) – говорит старик, когда выключаю мотор.

– Окажи нам честь, пообедай с нами, – переводит Аня.

– Хорошо, а что потом?

– Ты свободный человек, – следует ответ. – Можешь поехать дальше, а можешь остаться. На несколько дней. В доме места хватит. Можешь установить палатку за домом. Ты же хотел побыть вдалеке от людей, посидеть на берегу реки. Речка недалеко.

– А я не буду вас стеснять? Ведь я же незнакомый человек. Вам будет удобно?

– Я думаю – уживемся, – улыбается молодая хозяйка. – Думаю, сам отсюда сбежишь. У нас суровые таежные условия. Электричества нет. Вода из колодца. Туалет на улице. Никакой цивилизации. Справишься?

– Справлюсь, – отвечаю, пристально смотрю в ее глаза. Девушка изменилась, стала более уверенной, что ли. В вопросе слышится скрытый вызов. Решаю назло остаться.

Следующие десять минут изучаю обыкновенный деревянный дом. Большая веранда, кухня с печкой, светлая гостиная комната и три комнаты.

– Комната деда, – комментирует девушка, показывая рукой на одну из дверей. – Дед не любит, когда в его комнату

захожу. Любит одиночество. Моя комната.

– Дай угадаю, – шучу. – Ты не любишь, когда тебе в комнату кто-то заходит. Любишь одиночество.

– Почти угадал, – серьезно отвечает. – В моей комнате я – хозяйка. В неё никто никогда не входил. Вот твоя комната.

– Такая светлая, – удивляюсь, осматривая комнату с широкой кроватью, стулом и столом.

– Если ночью храпеть буду, выгонишь? – шучу и смотрю ей в лицо. Девушка стоит рядом и кажется такой незащищенной. Кажется, не стоит никакого труда затащить ее в постель. От нее исходит сладкий аромат свежести и весны.

– Будешь храпеть – вылечу, – звучит строгий ответ, словно считает игровое настроение.

– Интересно, как? – подыгрываю.

– Топором по голове, – улыбается и, резко развернувшись, идёт на кухню. – Ты располагайся, а я обед сготовлю.

Перетаскиваю в комнату походную сумку с ноутбуком и сменной одеждой. Переодеваюсь в спортивную форму. Снимаю часы и браслет из желудей. Привычно провожу рукой по шее. Кулона Дианы на шее нет. Иду к машине. Исследую сиденье и место под сиденьем – кулона нет. Несильно расстроился, но задумался. Не спеша обхожу дом вокруг. Возникает чувство дежавю, как будто где-то видел дом раньше. Мощные дубовые стволы с нарезными изображениями животных и иероглифами. По углам домов необычные рисунки. Возле дома с десяток ульев. Посажены: жимолость, клубни-

ка, малина, смородина, виноград, картофельные грядки.

Рядом с домом стоят: сарай (где кудахчут куры), баня, туалет, сеновал.

По пятам ходит овчарка. Жужа.

Когда только подъехали к дому, псина неторопливо вышла из будки и спокойно, без суеты, обнюхала машину. Никакого лая и хриплой истерики.

– Жужа, это наш гость. Не обижай его, – говорит спутница собаке. Овчарка смотрит умными глазами, обнюхивает. Когда нос ткнулся в браслет из желудей, виляет хвостом и лижет ладонь. Глажу псину по голове, чешу за ухом.

– Меня зовут Профессор, – говорю. – Будем знакомы, Жу-жа.

Теперь овчарка молча ходит за мной, словно наблюдая, чтобы ничего не сломал.

Закончив обход территории усадьбы (я так называл эти владения), иду к реке. Стоило шагнуть в лес по едва заметной тропинке, как овчарка настораживается и рычит.

– Да не бойся, – говорю ей, шагая к реке. Чистая, прозрачная вода с радостным шумом уносится вдаль. Тишина и гармония. Чудесное место. Умывшись, возвращаюсь к дому и иду по дороге, по которой недавно ехал. Когда поляна закончилась, собака снова ворчит, но я продолжаю идти. Каждый шаг даётся труднее и труднее, словно невидимая сила тянет обратно. На плечи наваливается тяжесть, но упрямо иду вперёд. Овчарка несколько раз меня обгоняет, пытается встать

на пути, но я не останавливаюсь, даже когда слышу угрожающий рык. Вижу большой дуб и замираю, словно из меня выкачали силы. Нет сил двигаться. Могу лишь издалека наблюдать за исполинским дубом в несколько метров в объёме, с могучими ветками. Дальше идти не могу. Не знаю, как объяснить. Словно в голове звучит: «Дальше нельзя». Делаю усилие над собой и шагаю вперед. Живот скручивает резкая боль. В голове словно стучат молоточки. Делаю еще шаг вперед и сгибаюсь от боли. Начинается рвотный рефлекс, и, резко слабея, опускаюсь на колени. Овчарка вцепилась в руку и, прикусив так, чтобы не поранить, тащит обратно. Едва делаю шаг в сторону дома, как боль проходит. Очувтившись на поляне, чувствую словно заново родился. Задумавшись, медленно иду по поляне, но не к дому, а параллельно ему. Все идет нормально, пока поляна не кончается и снова не начинается лес. Еще несколько шагов. Слышу рычание собаки. Вижу еще один гигантский дуб. Снова ощущаю признаки позывов рвоты. Экспериментировать больше не хочется.

Обхожу по периметру усадьбу. Насчитываю восемь дубов. Восемь дубов строго по периметру. Квадрат вокруг усадьбы. Невидимые столбы невидимых стен. Странное чувство возникает при их созерцании. Словно наблюдают из-под коры.

Умываюсь в реке. С удивлением осознаю, что стою на том же месте, откуда начал исследования. Смотрю на часы. Прошёл час, как гуляю. Иду к дому.

– Ты вовремя. Мой руки. Садись за стол. Ужинать будем, –

улыбается хозяйка.

Пока ходил по лесу, попутчица переделалась, сняла косынку, надела платье. Вижу уже не зашуганную страшную деревенскую бабу, с невнятной одеждой мешковатого покроя, а гибкую, стройную девушку, с каштановыми волосами, заколотыми в замысловатый узор. По-другому смотрит. Как хозяйка. Карие глаза без страха смотрят в лицо, словно зная какую-то тайну. Взгляд не прячет, не изображает надменность или невинность.

– Ты такая красивая, – ляпаю, и таежница смущенно потупляет взор.

– Ой, извини, – смущаюсь. – Похоже, опьянел от свежего воздуха.

– Пьяным за руль садиться нельзя, – улыбается. – Пойдем кушать на веранду. Мы в теплое время готовим на улице, под навесом. Не так жарко.

За столом на веранде сидит старик. Под строгим взглядом быстро усаживаюсь.

– Ма, дзаваидза! Йангкулиани! *(На, бери! Изгони злого духа из человека!)* – говорит дед, протягивая стакан. Чувствую тонкий запах винограда и таежных трав.

– Давай выпьем за знакомство, – переводит девушка, разливая ароматный грибной суп по тарелкам. – Это мужское вино.

– Почему мужское? – не понимаю.

– Напиток для мужчин, – повторяет. – Мне дед не разре-

шает спиртное. Тебе, говорит, можно.

Делаю маленький глоток, смакую. Вино, обжигая, катится по пищеводу. Несколькими глотками осушаю стакан.

Прошу добавки. Стакан наполняется снова. Произношу банальный тост: «За гостеприимных хозяев». Вино легко пьётся.

Не замечаю, как быстро темнеет. Девушка идёт к дровнику. Возвращается с охапкой дров. Располагает по какой-то своей системе поленья и ветки. Зажигает огонь, просит деда спеть.

Когда встаю из-за стола, понимаю, что чертовски пьян. Язык и ноги – словно не мои. Максимально контролирую движения, иду в туалет.

Каждый шаг добавляет градусы в голову. Возвращаюсь во двор. Вижу возле костра подушки на земле, на которых сидят хозяева. Красиво сесть на них не получается, скорее, падаю.

– Крепкое вино, извините, – заплетающимся языком бормочу. Старик поёт. Однажды видел ролик в Интернете, как поют шаманы, стуча в бубен.

Звуки бубна звучат в унисон пению. Чувствую, что теряю контроль над сознанием. Погружаюсь в состояние, когда не различить: спишь или бодрствуешь.

Дальше воспоминания обрывочны.

Падаю на землю, встаю, снимаю с себя одежду. Хриплю, словно задыхаясь от удушья. Девушка танцует возле костра,

бросает щепотки травы. Вдыхаю запах дыма, плачу и трясусь от боли и холода. Брызги воды на лицо. Лежу на земле, лицом вниз. Старик чертит символы на моей спине острой палкой, бормочет. Не понимаю слов. Чувствую, словно стальной обруч сдавливает горло, и не могу вздохнуть. Резкий свист. Палка с силой врезается мне в плечо, ломаясь. Глубоко вдыхаю воздух. Проваливаюсь в темноту и лечу. Лечу к мириадам звезд Солнечной системы.

* * *

Диана, крича, просыпается. Горло словно давит невидимая рука, перекрывает воздух. В темноте видит призрачную фигуру девушки. Фигура произносит: «Он теперь мой». Диана включает свет и испуганно оглядывается. Никого. Выключает свет. Горло сдавливает. Слышит голос: «Он теперь мой». От страха девушка включает свет, встаёт с постели.

Садится в позу лотоса, дышит, как учил отец, и произносит мантру.

Представляет лицо Профессора, мысленно приказывает позвонить ей немедленно. В тело словно ток бьёт, разрывая мозг на тысячу частиц. От боли девушка непроизвольно воет, крутясь волчком по полу. Сквозь боль слышит в голове тот же голос: «Он теперь мой. Оставь его в покое. Тронешь – убью». Ослепительная вспышка в голове, и Диана теряет сознание.

Очнулась от того, что лежит на полу. Из носа течет кровь. Во рту привкус крови от прикушенного языка. Тело словно разбил паралич.

С трудом встаёт, приводит в себя в порядок. Достает из шкатулки кулон, точную копию того, что дарила Профессору и через который манипулировала им. Кулон покрыт ржавчиной, словно горел в огне.

Диана понимает, что столкнулась с неведомой силой. Древней и грозной. Несмотря на глубокую ночь, звонит отцу.

– Что случилось? – бурчит сонный голос профессора исторических наук и любителя антиквариата из Владивостока. – До утра не дотерпеть?

Диана сбивчиво рассказывает странное сновидение и свои ощущения.

– Понятно, – бурчит собеседник.

– Что понятно?

– То и понятно! – рывкает. – Надо лучше практики осваивать, чтобы не блеять, как овца!

– А что ты сердишься? – искренне удивляется девушка.

– Я дал конкретное задание. Найти хозяина статуэтки. Вступить в контакт. Подчинить своей воле. Знать каждый шаг и вздох.

– Я всё сделала, как ты сказал, – оправдывается.

– Ну и где сейчас твой ручной котик? – издевается. – Когда с ним увидишься?

– Не знаю.

– Если упустила – будешь наказана, – обещает. – Мы сотни лет ждали возможности найти то, что нам принадлежит. А ты скулишь, как побитая собака!

– Ты не предупреждал, что может быть так, – оправдывается.

– А я не знал, что дочь такая тютя, – зло говорит отец. – Думаешь, ноги раздвинула и мальчик навеки твой? Где он сейчас?! Когда видела в последний раз?!

– Два дня назад, – тихо отвечает.

– Тебя не насторожило?! Два дня! После заклинаний мальчик должен, скуля, приползти к твоим ногам. Не приполз! Ты не знаешь, где он! Не чувствуешь его! Не можешь к нему достучаться! Что делает объект сейчас?!

– Не знаю, – Диана со страхом понимает, что отец прав. Не чувствует Профессора. Словно отрезали пуповину.

– А если он сейчас в пещере?! Что если держит золото предков? Наше золото!!! – свистящий шепот переходит на крик.

– Прости, – плачет девушка. Плачет от дикой боли, сдавившей виски и затылок. Когда отец (он же Верховный Жрец) гневается, то может свести с ума болевыми воздействиями.

– Ищи, жрица, – успокаивается собеседник, и боль в голове отступает. У него ключ к тайне. Нашей тайне! Если мальчик попал к Хранителям, это плохо. Накажу, дочь! Молись, чтобы просто запил с друзьями. Найдешь позвонишь!

Утром Диана звонит друзьям Профессора. «Уехал на рыбалку». Куда, с кем, на сколько – никто не знает. Попытка найти Профессора через медитацию закончивается катастрофически. Едва девушка входит в транс и представляет образ Профессора, безумная боль пронзает тело. Крича, юная жрица теряет сознание.

Очнувшись, Диана обнаруживает под ногтями следы собственной сорванной кожи. Нос разбит. Задание отца – приехать из Владивостока в Арсеньев, найти конкретного человека, охмурить и приручить – до сегодняшнего дня воспринималось как простое приключение. То, с чем столкнулась ночью и сейчас, вызывает ужас.

Набравшись смелости, звонит отцу.

– Значит, никто не знает, – уточняет Жрец, выслушав итоги поиска и медитации. – Думаю, Хранитель опередил нас. Пока он у него – мы бессильны. Будем ждать. Я тебя потом накажу. Сейчас ты уже наказана. Не мной, но наказана.

* * *

Пробуждение. Словно очнувшись от тяжелой, продолжительной болезни, открываю глаза, с удивлением смотрю по сторонам. Не помню, как очутился в постели, почему голый. Первая мысль: «Может, что натворил по пьянке?». Стало стыдно. Напился до беспамятства.

Я раньше всегда себя контролировал.

Оглядываюсь по сторонам. Стены ослепительно белые (недавно покрашенные известью). Солнце пробивается сквозь белые занавески. В доме стоит абсолютная тишина, словно вымерли все.

Открываю походную сумку, достаю дорожный набор, полотенце. В доме никого нет. Во дворе – никого. Умываюсь под умывальником, чищу зубы. Надо решить, чем себя занять. У крыльца сталкиваюсь с Жужей. Псина приветливо машет хвостом, плетётся за мной. Внимательно смотрит, чем занимаюсь. Иду к речке.

Делаю зарядку, силовые упражнения, тянусь на шпагаты. Отрабатываю боевые ката. С детства занимаюсь единоборствами. Наиболее эффективным считаю армейский рукопашный бой. Занимался под руководством бывшего спецназовца.

Отрабатываю движения в энергетическом ката. Максимально медленно. Напрягаю каждый мускул. Дыхание в ритме. Тело наполняется усталостью от физических упражнений. Раздевшись догола, смело шагаю в холодную воду. Дыхание перехватывает, и, на мгновение поколебавшись, делаю усилие, плашмя падаю в воду. В тело вбиваются тысячи ледяных иголок. Нет сил дышать от бешеной энергии, что рвется наружу. Рыча, выскакиваю из воды. Зря говорят, что человек переохлаждается, если принимает холодную ванну. Если это краткое действие, переохлаждения быть не может. А если сидишь полчаса в холодной воде, замерзнешь. Для до-

казательства предлагаю друзьям проделать эксперимент. Набрать несколько литров теплой воды в воздушный шар. На пять секунд поместить в ванную с холодной водой. Проверить, замерзла вода в шаре или нет. Как убеждались друзья, вода в шаре не замерзает. Так что холодные процедуры выполняю с удовольствием. Но каждый раз делаю небольшое усилие, чтобы перевернуть таз с холодной водой.

Приседаю голышом на берегу, обтираюсь полотенцем, надеваю форму. Возникает чувство, что за мной наблюдают.

Дома достаю электробритву (Philips SensoTouch 3D) и с удовольствием сбрываю щетину. Мелькает мысль: *«Бритвы хватит на неделю. Есть станок».*

На столе в кухне стоит кувшин. Приноживаюсь. Пахнет ёлкой. Делаю глоток. Еще и еще. Необычный вкус у напитка. Опустошаю две кружки. Блаженно вздыхаю и вздрагиваю, услышав рядом девичье: «Хвойный квас. Понравился?». Не заметил, как хозяйка появилась.

– Очень, – бормочу, словно застучали за чем-то непристойным. – Сама готовила? Что за напиток?

– Да, – фыркает, – эликсир вечной молодости. Рецепт простой: набить трехлитровую банку побегами ели или сосны, залить водой. Добавить чайную ложку сметаны и стакан сахара. Настоять две недели, завязав горлышко банки марлей в три слоя. Пить по три четверти стакана во время еды или сразу после приема пищи. Лучше после завтрака. Три раза в день.

– А я две кружки выпил, – признаюсь.

– Жить будешь, – улыбка в ответ.

– Скажи, Аня, я вчера себя плохо вел?

– Плохо – это как? – переспрашивает. Чувствую, что краснею.

– Ну не орал, не матерился, не приставал? – бормочу. – Не обижал?

– Это важно: обижал ты или нет? – перестаёт улыбаться.

– Да, – прошу, почти с мольбой. – Не буюнил?

– Нет, – улыбается и отвечает на немой вопрос: – Ты опьянел быстро. Дед помог добраться до постели. Все нормально.

– Фу, – улыбаюсь, вспоминая чувства, когда проснулся голый.

– Да ты не смог бы приставать, – добавляет девушка.

– Это почему же? – искренне удивляюсь.

– Пойдем во двор.

Хозяйка стоит посередине двора. С вызовом разглядывает, говорит: «Ну-ка покажи, как пристаёшь?».

– Ага, пристану, а ты в милицию побежишь, – хмыкаю.

– Я здесь милиция и прокурор, – жестко отвечает. – Нападай! Или трусил уже?!

– А если больно будет? – улыбаюсь, приближаясь к ней.

– Перетерплю. За себя отвечай, – хмыкает, атакует с быстротой молнии. Первые удары руками в лицо избегаю необъяснимым образом.

Солнечное сплетение, печень и пах пронзает сильная

боль. Откатываюсь на землю, подскакиваю. От боли злюсь. Шагаю вперед с желанием «всыпать» нахалке.

Девушка чуть наклоняется назад, давая моей ноге пролететь мимо, и жестко бьет по опорной ноге. Пока падаю на спину, пятка по короткой дуге врезается под дых, начисто выбивает остатки дыхания. В реальной драке, пока бы валялся на земле, уже бы добили и запинали ногами, но спарринг-партнер насмешливо смотрит.

– Ой, какой сердитый взгляд, – мурлыкает. – Что-то герой из робких оказался. Получил оплеуху и раскис. Не передумал приставать?

– Я тебе покажу кузькину мать, – бурчу.

– Какой грозный, словно жук навозный, – дразнится. Атакую.

Моя любимая комбинация: финт рукой в лицо и тут же подсечка по ногам. Как правило, противники попадают на прием и летят на землю. Но не в этот раз. Противник легко подпрыгивает над подсечкой и, приземлившись в прыжке, бьет по ребрам. Больно так, сука. Злюсь не на шутку. Реагирую автоматически, использую универсальную блокировку руками и с корпусом наношу боковой удар ногой.

Руки блокируют удар ноги противника, в ухо врезается девичий кулачок, но мое тело, словно поршень, вкручивает удар. Маваши – страшный удар ногой, если попадает в цель. Я падаю. Пробиваю блокировку, и таежница падает на землю. С лица исчезает улыбка, и проявляется суровое

лицо воина.

Когда выходишь на ринг и видишь лицо противника, понимаешь по одному взгляду, что тебя ждет. Взгляд девушки становится похож на лазерный луч. Становится неуютно. Началось в шутку, а переросло в драку.

Никогда не думал, что двигаюсь так медленно. Руки и ноги противника летают с такой скоростью, попадая по нервным окончаниям, что не успеваю защищаться. Пятка врезается мне в затылок. Падаю на землю, чтобы принять удар в лицо.

– Аманхи! Йэвэ йэми, дзэхулэй?! (*Назад! Ты чего хулиганишь?!*) – слышу окрик, и град ударов прекращается. С трудом встаю и вижу, что девушка, спокойно дыша, отходит к дому. На крыльце стоит старик.

Не знаю, о чём таежники спорят. Позже смог перевести слова.

– Би гэи эи биэ! Эдзи гэнгиси минэвэ! Мэми эдзи гэнгиси! (*Я ни в чем не виновата! Не обвиняй меня! Не брани меня!*)

– Амимии сэвэни эдзи гэнги! Оно йэи, хаундали, иэу? (*Не позорь род своего отца! Ты что делаешь, с ума сходишь, что ли?!*)

– Минэвэ гэдзи диганаи! Гэ, эдзиу тагда! Гэ, эдзэнгэфи багумаси! (*Ты плохо обо мне говоришь! Ну не сердись! Давай не будем враждовать!*)

Дед ей выговаривает, а девушка огрызается. Разговор переходит на повышенные тона. Отвлекаюсь на мгновение и не

вижу, как начинается драка.

Словно вижу китайский боевик. Дедуля с немыслимой скоростью атакует руками и ногами девушку. Та искусно защищается и пытается атаковать, но пропускает сильный удар в грудь, падает на землю. Бой продолжается, и девушка падает снова, получив рукой в голову.

Не думая о последствиях, кидаюсь в гущу боя, закрывая собой таёжницу, корчившуюся от боли на земле.

– Не бей ее, – кричу деду. – Аня не виновата. Я спровоцировал. Не трогай ее. Это честная победа.

– Ата ина! Би си гиамаваи букталидзамиэ! *(Не подходите к нам! Я тебе кости ломаю!)* – говорит таежник. Не понимаю, но чувствую угрозу.

– Не дам её избивать, – говорю и становлюсь в бойцовскую стойку.

Взмаха удара ноги не вижу, но всю «его прелесть» чувствует грудь. Отлетаю и падаю возле девушки. Превозмогая боль, поднимаюсь, загородив собой девушку, сжимаю кулаки, встаю в боевую стойку.

Дед скептически оценивает стойку и резко машет рукой. Клянусь, что до него расстояние метра два и никак не достать рукой. В живот словно врежется пудовая гиря, снова падаю рядом с девушкой.

Дед хохочет, грозит девушке пальцем: «Йэухи-дэ эдзи нг-энэ! Дзугдиду тэйэ! *(Никуда не ходи! Сиди дома!)*» – уходит в дом.

Морщась от боли, поворачиваю к девушке. Та, как контуженная, трясет головой, пытаюсь прийти в себя. Беру её за руку, шепчу: «Ань, прости меня. Я виноват». Таежница вздрагивает от прикосновения, отрешенно смотрит.

– Дед сказал, я виновата, – бормочет.

– Ты? – изумляюсь. – С чего вдруг?

– Я спровоцировала. Показала силу. Это запрещено. Вот и получила наказание. Давно дед так не сердился.

– Да, суровый дед, – соглашаюсь, поднимаюсь, помогаю ей подняться. – Признаюсь, ты меня уделала. Победила! Молодец!

– Тоже великое признание, – хмыкает, поправляя прическу. – Я опаснее большинства бойцов, но мне нельзя привычки демонстрировать, разве что в безвыходной ситуации. Дед тренировал с детства.

– То есть тебя победить никто не может?

– Почему? – удивляется. – Есть бойцы и сильнее. Против Мастера долго не продержусь. Видел, как дед отшлепал?

– Я на речку пойду, умоюсь, – говорю. – Повалялся на земле, хочу очиститься.

– Я принесу чистую одежду. Эту постираю. Я, как девочка, решила доказать, какая сильная.

– Ты сильная, – соглашаюсь. – И очень красивая, только лицо испачкалось.

– Где? – пытается провести рукой по лицу. Стираю ладонью комочки земли с щеки. Она не отталкивает руку, смотрит.

рит на мою испачканную ладонь и говорит: «Асаса. (*Спасибо*)».

Иду по знакомой тропинке к реке. Жужа бежит следом.

Пока иду, память вытаскивает из закромов воспоминания о поединке, выражение лица внучки Шамана. Я – нормальный мужик и адекватно реагирую на женщин, но в этой девушке чувствую что-то первобытное, что пробуждает древние инстинкты.

На речке раздеваюсь и, сжав зубы, захожу в холодную воду и, ныряю. Вынырнув, ору от холода и облегчения. Замираю от удивления. На берегу раздевается девушка.

– Чё пялишься? – беззлобно упрекает таежница, встретившись с оценивающим взглядом. – Что, ни разу голую девушку не видел? Вот чистая одежда. Переодевайся.

Молча выхожу из воды, стараясь не дрожать, а она, наоборот, без криков и оханий окунается в холодную воду. На берегу, чтобы не замерзнуть, растираюсь полотенцем. Повернувшись, замираю, увидев, как обнаженная девушка, не спеша, выходит из воды. Выходит, смотрит на меня и не отводит взгляд. Не могу оторвать взгляд от стройного тела, упругой груди, манящего треугольника волос внизу живота.

– Хватит пялиться, а то стручок отвалится, – беззлобно говорит таёжница и, отвернувшись, бормочет: – Ты же не один любишь купаться.

Спохватившись, быстро одеваюсь и демонстративно отворачиваюсь. Шуршание ее одежды манит к себе, требует, что-

бы повернулся, подсмотрел, но сдерживаюсь.

– Пойдем, гость дорогой, – слышу и, подхватив грязную одежду, иду к дому.

– Мир? – спрашиваю, протягивая ладонь.

– Мир, – соглашается, пожимая ладонь.

– Научишь драться?

– Я могу многому научить, – серьезно отвечает. – Но сначала нужно пройти испытания, прежде чем стать учеником.

– Какие испытания? – удивляюсь.

– Дед скажет, когда время придет. Не торопись.

К дому подходим, не разжимая ладоней и улыбаясь.

Дед строго смотрит на нас. Обращается ко мне: «Иэвэ йад-зай: вакчанадзангаи, сугдзава вангнадзангаи, экэ тэдзэнгэи-эси? *(Ты что будешь делать: пойдешь охотиться, пойдешь ловить рыбу или будешь сидеть, не двигаясь?)*»

Девушка переводит. Отвечаю: «Могу дрова поколоть, дурно много».

– Мова иуэсиэ! *(Наколи дров!)* – машет рукой в сторону дровника.

– Дзавайа суэсэ! *(Бери топор!)* – говорит девушка.

– Что? – переспрашиваю. Аня иногда забывается, говорит со мной на удэгейском, спохватывается и говорит по-русски.

– Топор наточен. Ждет тебя, – быстро поправляется таежница.

Колун с особым треском впивается в чурку. Приподнимаю тяжесть и через плечо, как в броске, опускаю на другую

чурку. Хрясь. Хрясь. Плахи разлетаются в стороны. Знаю, завтра тело будет болеть, но лучше пусть болят мышцы спины, чем в паху. Образ Шаманки не отпускает меня, заполняя мысли и чувства.

Колун свистит. Сначала вращаю им по кругу вокруг тела, поднимая в едином движении вверх и резко опускаю вниз, прикладывая силу в самый последний момент соприкосновения колуна и очередной чурки. От этого сочетания концентрированной силы и энергии большинство чурок раскалываются с первого удара.

– Ты так странно колешь, – слышу голос девушки и опускаю колун. Обнаженный по пояс, потный, взлохмаченный, до безумия счастливый, улыбаюсь.

– Я квас принесла, – говорит хозяйка, смущенно протягивает кружку. – Смотри не перетрудишься, а то завтра будешь кряхтеть, как столетний дед. Сам так придумал колоть?

– Угу, – выдыхаю воздух, залпом выпивая напиток. – Случайно подметил, как раскрученный топор раскалывает чурку. Секрет в инерции. Энергия накапливается.

– А я смотрю, где трещинки в полене, – улыбается. – И бью туда.

– Да, ты опасный противник, – смеюсь, протягиваю обратно кружку и поглаживаю девичью ладонь. – Спасибо, хозяйка, спасла от жажды.

– Да, со мной шутки плохи, – смеется девушка, не убирая ладони. – Но ты же не боишься?

На языке подсознательного уровня это означает: «Я привлекательная? Я не страшненькая?»

– Я тебя не боюсь, – улыбаюсь и словно по секрету шепчу: – Ты мне нравишься. Мне интересно с тобой.

– И мне, – шепчет. – Почему заступился перед дедом?

– Не знаю, – пожимаю плечами. – Инстинктивно захотел защитить. Закрыть собой.

– Спасибо, – шепчет, робко целует в щеку. – Выручил. Дед мне еще долго выговаривал.

– Ладно, проехали, – улыбаюсь и целую в открытую ладонь. Таежница вздрагивает и отдергивает руку.

– Мне надо идти, – бормочет, потупив взгляд, и, забрав кружку, быстро уходит.

Во время работы возникает чувство, что за мной наблюдают. Почти уверен, что девушка смотрит из окна.

* * *

В сумке с документами лежит диктофон, автоматически включающийся на звук человеческого голоса. Всегда беру в командировки. В тайге забыл о нем. Вспоминаю, когда приезжаю домой и разбираю сумку. Включаю диктофон, слышу голоса Шамана и Шаманки. Используя словарь, расшифровываю разговоры. Располагаю записи в хронологическом порядке. Приходит понимание событий в доме отшельников.

Диктофонная запись 1 (расшифровка с удэгейского)
(Слышатся глухие удары, звуки раскалываемых чурок)

– Ну как тебе гость? – спрашивает старик.

– Не знаю, деда, – говорит девушка. – Обыкновенный. Не красавец. Простой. Почему ты думаешь, что он тот, кто нам нужен?

– Я не думаю, я – знаю. Завтра пройдет испытания.

– А если не пройдет?

– Значит, я ошибся.

– Жалко, – вздыхает.

– Жалко? – удивляется дед. – Ты же не любишь посторонних.

– Мне хорошо с ним. Хочу открыться ему, гладить волосы, смеяться, глядя на звезды. У него теплая рука. Мне приятны прикосания. Хочу лишний раз прикоснуться. Постоянно думаю о нем. Почему так? Почему хочу прижаться к нему? Почему хочу поцеловать?

– Ты влюбилась, внучка, – с грустью в голосе говорит Шаман. – Стала совсем взрослой. Я ограничивал тебя от внешнего мира, но всю жизнь не проживешь отшельником. Наша цель – хранить секреты предков. Мы – Хранители. Наш гость близко подошел к разгадке. Поэтому в опасности. Его ищут. А он так спокоен и счастлив с тобой, что мне не по себе.

– Почему? Почему, деда?

– Я никогда не рассказывал о том, как погибли твои родители.

– Ты говорил, погибли на охоте, медведь-шатун напал, – возражает.

– Я обманул, – вздыхает. – Твои родители – шаманы, и медведь-шатун никогда бы не напал.

– Почему раньше не рассказал?

– Время не наступило.

– А сейчас почему говоришь?

– Пришло время рассказать.

– Но почему?

– Ты влюбилась, внучка, – вздыхает. – Теряешь контроль над собой и своими умениями. Стала уязвима, как твои родители.

– Как родители?

– Они очень любили друг друга. Однажды, возвращаясь с охоты, расположились на ночлег. Разожгли костер. Легли спать. Занялись любовью, забыв обо всем на свете. В этот момент на них напали.

– Кто?

– Страшные люди. Черные люди. Люди смерти. Боевая тройка Жреца. Долго выслеживали твоих родителей. Ждали, когда станут уязвимыми. Родители умерли мгновенно, на пике счастья, в любви. Тела проткнули десятки раз. Никаких шансов выжить. Если бы они просто спали, их спасли бы ду-

хи-охранники. Но в минуты страсти оба перестали слушать своих духов и погибли.

– Откуда ты знаешь?

– Я прибежал на место убийства, когда тела не успели остыть. Считал энергию убийц и кинулся вдогонку. Одного из них, с лицом, покрытым буграми, как у жабы, догнал и убил копьем. Двоих других в поединке зарезал. А Жрец ушел через тоннель. Я был ослеплен мстостью и не сразу понял, куда он исчез.

– А почему ты сейчас рассказываешь об этом? – шепчет девушка.

– Чувствую энергетику любви. Вокруг вас разгорается невидимое пламя. Вы слишком юны, чтобы осознать это. Однажды вы окунетесь в пламя любви, чтобы слиться в одном порыве, чтобы зачать новую жизнь. В этот момент ты потеряешь контроль и будешь уязвима.

– Но мне хочется быть с ним...

– Пока вы здесь, вам ничего не угрожает. Скоро он уйдет, чтобы выполнить свою миссию. Ты остаешься здесь. Будешь вынашивать его дитя. Дитя любви. Нового Шамана. Ты не сможешь видаться со своим любимым. Когда ему будет плохо – будешь стремиться к нему. Тебя будут поджидать там враги. Юноша для них только наживка. Главная добыча – ты. Потому что можно выйти на меня.

– Что делать, деда? – растерянно спрашивает Шаманка. – Все так сложно. А нельзя как-то по-другому прожить? Долго

и счастливо? Вместе? Без врагов?

– Не знаю, внучка, – тяжело вздыхает. – Маловероятно. Всё зависит от того, как твой суженый поведет себя в сложной ситуации.

– А мы ему можем помочь?

– Только здесь. Дальше ему придется проходить испытания самостоятельно. Мы можем его многому научить. И ты можешь у него многому научиться.

– А чему он может научить?

– Любви, внучка. Наполнит тебя любовью. Ты выйдешь на новый уровень силы. Когда родишь дитя, станешь еще сильнее. Иди к нему. Учись любить и быть любимой.

* * *

Колоть закончил к вечеру. Уложил в поленницу дрова, иду к реке. Разгоряченное тело с блаженством погружается в холодную воду. Ныряю. Миллионы иголок впиваются в тело. Выскакиваю на берег. Замираю. На берегу стоит девушка. Клянусь, секунду назад никого не было.

– Ты забыл взять чистую одежду и полотенце, – протягивает сверток.

– А-а-а-а, – бормочу, наскоро вытирая мокрое тело. Спohватившись, натягиваю трусы и штаны.

– Плохо голову вытер, – говорит. – Можешь простудиться.

– Да нормально.

– Наклони голову, – слышу приказ. Подчиняюсь. Не могу оторвать взгляд от груди и низа живота таежницы. Простое платице просвечивается. Картинка кружит голову. Хочу обнять, сорвать с нее одежду...

– Все, готово, – слышу и, подняв голову, встречаюсь с прямым взглядом. Понимает, что чувствую, но держит дистанцию. Интуитивно чувствую, что лучше не распускать руки.

– Пойдем ужинать, работничек, – улыбается, беря под руку. – Все дрова переколол. Завтра встать не сможешь.

– Смотря кто в постели будет, может, и вставать не надо, – хмыкаю и тут же жалею об этом.

– Дурачок, – беззлобно отвечает, отпускает руку. Уходит.

– Ань, я шучу, – кричу вслед. – Не обижайся.

– Хотела массаж предложить, но не буду, – обиженно бормочет. – Мучайся.

– Массаж, – радостно воплю и, обогнав, падаю перед ней на колени. – О, великая госпожа, что сделать рабу, чтобы простила?

– Дурачок, – хмурится. – Помучайся денек с больными мышцами, чтоб думал, что говоришь.

– А если серьезно? – вставая с колен, спрашиваю. – Что сделать, чтобы не сердилась?

– Пообещай не шутить про секс.

– И все? Так просто? – удивляюсь. – А где подвох?

– Поживешь – узнаешь, – строгий ответ. – Обещаешь?

– Обещаю.

– Ну тогда пошли ужинать.

За ужином Шаман наливает мне настойку из трав. От напитка по телу пробегает приятная истома. Аппетит просто зверский.

Вдыхая воздух от блаженства, жмурюсь от удовольствия. Тот, кто хорошо поработал физически, а потом плотно поел, поймёт меня.

– Эй нгэнэйэ нгуайни. Си доли нгуани, эсини-дэ сэлэги. Бадзи илигиа (*Сейчас иди спать. Нужно, чтобы ты крепко спал и не просыпался. Рано утром вставать*), – говорит дед.

Девушка переводит.

– А зачем? – спрашиваю.

– Ты хотел узнать про иероглифы, – отвечает Аня. – Завтра узнаешь. Сейчас лучше ложись спать.

– Так рано еще, солнце не село.

– Если хочешь массаж с кедровым маслом, ложись.

Не стал спорить. Быстро раздеваюсь догола, забираюсь под одеяло и, повернувшись на живот, расслабляюсь. Чувствую, как сильно устал. События дня, как в калейдоскопе, мелькают перед глазами, погружая в мир сновидений.

В комнату заходит девушка с миской. Откидывает одеяло, массирует тело, напевает на своем языке. Руки скользят по натруженному телу, скручивая и расслабляя мышцы. Не спеша изучает пальцами тело. Тихий шёпот. Проваливаюсь в глубокий сон.

– Странник, вставай, – слышу сквозь дремоту. Не могу проснуться. Кто-то тормозит. Открываю глаза, вижу в темноте силуэт девушки.

– Вставай, лежебока, – говорит. – Через полчаса выходим.

– А сколько времени? Темень же еще, – бормочу.

– Четыре утра. Собирайся, – короткий приказ.

Главное – не идти на поводу у тела. Мышцы жалобно ноют, едва приподнимаюсь с кровати. От тела исходит тонкий запах елки. Значит, массаж проспал. От этой мысли злюсь. Быстро одеваюсь, бегу к реке. Холодная вода бодрит, забирает остатки сна. Возвращаюсь в дом.

Чай с травами и медом – завтрак. Хорошо, что с вечера приготовил походную одежду. Футболка, военный комбинезон, шипованные кроссовки. Поверх комбинезона ОМО-Новская разгрузка с полезными мелочами. Креплю охотничий нож, поправляю кепку.

Во дворе ждут хозяева усадьбы. Оба одеты по-своему: штаны, куртка, сапоги странной формы. За спиной котомки.

– Хэтигэнгкини (*Попрыгай*), – говорит дед. Послушно прыгаю. Ничего не гремит.

– Сэгди эдэдзэй! (*Молодец!*) – одобрительно кивает. – Утала си инадзангаи инэнги тигани (*Ты должен добратся туда в полдень*).

Девушка переводит.

– Надень это, – протягивает браслет из желудей. Молча идем к реке.

– Нам надо на другую сторону, – говорит девушка. – Иди вслед за мной. Ни шагу в сторону.

Дед шагает первым, она – вторая, я – замыкающий. Идём вдоль берега, подходим к сужению реки. Дед прыгает, стоит на середине реки, на камне. Еще прыжок, и стоит уже у противоположного берега.

– Камни под водой, – объясняет Шаманка. – Будь осторожен. Скользко. Не бойся. Делай, как я.

Делает прыжок, еще и еще. Не видно не зги. Хозяева смотрят с противоположного берега. Прыгаю. Думаю, что провалюсь, но камень торчит на уровне воды. Прыжок. Прыжок. Вот и берег, с другой стороны.

– Молодец, – говорит таежница. – Пошли дальше.

Когда прошли дубы-охранники, снимаю браслет из желудей, отдаю девушке. Они берут быстрый темп. Едва за ними успеваю. Идут легко, словно по ровной дороге, а я то и дело оступаюсь, сбиваю дыхание. С завистью смотрю, как легко обходят завалы из деревьев.

Через час подходим к большой реке.

– Здесь тоже прыгать или полетим? – шучу.

– Можешь прыгать, а мы поедem, – улыбается девушка, показывает два троса. – Это даунгкуи – воздушная лодка. Средство для переправы. С помощью привязанной к лодке

и перекинутой на противоположный берег длинной кожаной веревки даунгкуи можно перетащить к себе. Даже если человек окажется на другом от нее берегу.

– Где? – удивляюсь.

– Смотри, – тянет трос.

Сначала ничего не происходит. Девушка делает несколько движений. Из сумрака с противоположной стороны реки в такт движений приближается привязанная к тросам люлька.

– Даунгкуи дзокойо! (*Толкай переправу!*) – говорит дед. Хватаю трос, тяну. Через несколько минут пустая люлька ткнулась в наш берег. Старик залезает в неё, командует: «Даунгкуи дзокойо! (*Толкай переправу!*)». Снова тяну трос. С человеком на борту трос тянуть сложнее. Закусив губу, упрямо тяну. С противоположного берега слышу крик совы. Девушка сообщает: «Дед добрался. Можно нам ехать». Молча тяну полегчавшую люльку.

Пока тащу трос, спутница сидит на берегу, о чем-то сосредоточенно думает.

Отдохнув, забираюсь в люльку, зову таежницу. Люлька рассчитана на двоих. Девушка ловко забирается внутрь, встаёт рядом, берёт трос в руки, чтобы тянуть. Представляю, как грубый канат врезается в нежные руки, и решительно протестую.

– Не надо тянуть, – говорю. – Руки поранишь. Я буду.

– Почему? – удивляется. Искренне, без фальши. – Я могу о себе позаботиться.

Вместо ответа беру за руки, разворачиваю ладонями к себе и, наклонившись, целую их.

– Не хочу, чтобы твои нежные руки поранились, – негромко говорю.

Она гладит меня по щекам: «А ты небритый».

– Да заторопился, – смущаюсь.

– Хорошо, прокачусь, – улыбается. – Поворачивайся лицом к тому берегу. Берись за канат, тяни.

– Да понятно, – бурчу и тяну трос. Люлька не шевелится. Испугавшись, что девушка засмеется, сильно дергаю. Шаманка, не ожидавшая рывка, хватается за меня. Теряет равновесие, по инерции прижимается к моей спине. Люлька двигается.

– Айандзи исэсиэ! (*Смотри хорошенько (Будь осторожен!)*) – ругается, но руки не убирает, держится.

Плавню тяну трос. Плынем в сумраке над рекой. На середине пути девушка сильно прижимается ко мне, кладет голову на плечо.

– Не останавливайся, – шепчет. – Так красиво. Я словно плыву по воздуху.

Хочу сделать наоборот. Остановиться над водой и овладеть красавицей. Несмотря на тяжелую нагрузку, чувствую жар ее тела сквозь одежду, испытываю неимоверное блаженство с каждым движением.

Противоположный берег появляется неожиданно. Вижу сердитое лицо Шамана.

– Йэми годзи? (*Что долго?*) – строго спрашивает.

– Отдыхали часто, – отвечает девушка, выбираясь из люльки.

Вижу на ее лице счастливую улыбку.

Если бы умел читать мысли, утонул бы в ее нежности. Пока тянул трос, мечтала о Нежности, которую когда-то подарит. Испугалась, что ей нравится обнимать и чувствовать тепло тела. Вспоминает ночную наготу во время массажа и понимает, что хочет это повторить снова.

– Дэуми? (*Устал?*) – спрашивает старик. Отрицательно качая головой. Идём дальше.

Глубоко дыша, восстанавливаю дыхание, смотрю по сторонам. Ощущения близости с девушкой пьянят, заставляют ошибаться и спотыкаться. Чтобы отвлечься от гибкого стана и аппетитной попки, чаще смотрю по сторонам.

Тайга уже другая. Здесь редко ходят люди. Заметно по количеству листьев, камням, наваленным хаотично деревьям. Словно попал в прошлое, где нет цивилизации и никогда не существовало.

К полудню выходим на поляну.

– Илани йуагда модзини (*Разжигай костер из ясеновых поленьев*), – говорит старик. Аня переводит, добавляет: – Делаем привал. Разжигаем костер. Мы остаемся. Дальше идешь один.

– А что нужно сделать? – спрашиваю. Осознаю, что впереди дикая тайга.

– Ути гулатиги дзаса эи биэ туктими. Гула хондини био-
гдо-био-гдо биэ. Ути гулала нэптэми када биэ. Бадзифафа гу-
ла киалани нгэнэси, игдидзиэ хэутиндэйэ: «Гула эдзэниэ, бу-
ивэ, худава айдзи ваванайа! Би – оньо чжу!». Айандзи исэ-
сиэ! – торжественно, словно произнося ритуал, говорит Ша-
ман, а девушка переводит: – *На эту скалу нелегко поднят-
ся. На вершине скалы все голое. На этой скале есть плоский
камень. Вскоре после полудня подойди к краю скалы и гром-
ко крикни: «Хозяин-скала, дай нам хорошей охоты на зверя
и пушнину! Я – рисунок чжурчжэней!». Смотри хорошенько
(Будь осторожен)! Завяжи узел!*

– Что значит «Завяжи узел»?

– Нужно загадать важное желание, – тихо поясняет спут-
ница.

– А что там будет на вершине?

– Узнаешь сам. Мы здесь будем ждать. Нужно успеть вер-
нуться до заката. Иначе – смерть. Иди на север.

Серьезно смотрит, не шутит. Понимаю, что шутки кончи-
лись.

– Понятно, – бормочу, собираясь в путь.

– Выпей это, – протягивает она флягу. – Напиток охотни-
ков, чтобы не уставать.

Послушно пью таежный напиток.

Скала появляется сразу, едва отхожу от поляны. Скала,
как скала. Склон крутой. Вооружившись самодельным посо-
хом, иду на север.

Восхождение трудное. Ветки упрямо цепляются за одежду, норовят хлестануть по глазам. Тщательно смотрю под ноги, выверяю каждый шаг. Помощи ждать неоткуда. Любая ошибка может причинить травму или стоить жизни. Тело группируется перед невидимой опасностью. Взгляд вперед. Ориентир – группа камней. Взгляд под ноги. Шаг. Другой. Вдох. Выдох. Снова взгляд вперед. Нехитрый способ не выдохаться и не сбиваться с пути.

Преодолев половину склона горы, добираюсь до первого ориентира, группы камней. Небольшая площадка диаметром около двух метров в глубине скалы, которую не видно снизу.

– Странно, – думаю, шагаю на площадку. Цепляюсь кроссовкой о камень и выворачиваю его. Камень сверкает под лучами солнца.

– Золото, охренеть, – изумленно бормочу, поднимая слиток.

Срабатывают рефлексy. Слышу шипение где-то сбоку, инстинктивно делаю шаг вниз от площадки, разворачиваясь в движении. Спасаясь от укуса змеи. Броска змеи не замечаю, интуитивно уходя с линии атаки. Удерживаю равновесие, вижу безрадостную картину. Змея, промахнувшись, неуклюже катится по склону вниз, но две другие, угрожающе подняв головы, готовятся к броску. В правой руке зажимаю кусок золота, в левой – посох.

Зачем нужно золото, если сейчас тупо сдохнешь?

Кидаю слиток в змей. Пока летит кусок, перехватываю

палку и по длинной дуге бью по второй змеиной голове. Шипение смолкает. Змеи агонизируют: одна – разрубленная ударом куска золота, а вторая – перебитая палкой. Двумя точными ударами добиваю щитомордников. Сбрасываю вниз останки змей. Простое путешествие превращается в смертельное шоу. Резкий крик ворона заставляет оглянуться, и вовремя. В атакующем пике летит ворон, целясь в глаза. Посох описывает невообразимую дугу, с размаху врезается в жирное черное тело так, что перья летят во все стороны. Атака захлебывается. Осматриваюсь в ожидании новых угроз. Тишина.словно тайга замерла в ожидании чего-то страшного. Кусок золота в змеином месиве лежит у моих ног. С силой пинаю слиток, который, взлетев, катится вниз по склону.

Рев животного заставляет вздрогнуть. Кто-то с шумом поднимается вверх по склону.

– Медведь, – думаю. – П...ц. Надо идти вверх. Только вверх.

Осматриваюсь в ожидании опасности, двигаюсь по каменной грядке вверх. Уклон становится круче, каждый шаг даётся с большим трудом. Время словно остановилось. Шаг. Взгляд вперед, потом под ноги. Шаг. Рев медведя стих. Концентрируюсь на дыхании.

Вершина скалы. Маленькая каменистая поляна, дальше крутой обрыв. Оглядываюсь, счастливо кричу: «Эге-гей!». Вспоминаю, что говорил дед, кричу по-удэгейски: «Би – оньо чжу! (Я – рисунок чжсурчжэней!)».

Ничего не происходит. Сажусь на землю, поджав под себя ноги, закрываю глаза, загадываю желание. В эти мгновения думаю о Шаманке, о том, что хочу подарить ей свою любовь, хочу быть с ней, хочу от нее детей. Сына. Так ясно вижу эту картинку, что плачу от умиления и счастья. Все, что ранее казалось важным и ценным, вдруг теряет смысл. Зачем все это, если нет Любви? Если нет того, ради кого стоит жить?

Ветер обдувает лицо. Приходит понимание, что не зря проделал этот путь.

Открываю глаза, смотрю вокруг. Сажу на земле. Вокруг пяточка три белых камня. Расстановка не удивляет. Равносторонний треугольник. Я ровно по центру. До любого камня могу достать рукой, стоит лишь потянуться. Интуитивно понимаю, что делать этого не надо. Замечаю на земле, рядом с собой, небольшую ветку. Готов поклясться, что до моего прихода её не было. С любопытством осматриваю ветку, переворачиваю.

Иероглиф. Древний иероглиф, как на статуэтке. Выполнен из дерева. Смеюсь. Духи леса дают знак. Я на верном

пути.

* * *

Когда парень уходит с поляны, Шаман садится в позу для медитаций и, покачиваясь, закрывает глаза. Девушка разжигает костер, начинает петь, но дед машет строго, чтобы замолчала.

Таежница сердито сопит и, отвернувшись, смотрит на солнце, жмурится, подставляя весенним лучам лицо. Поэтому не замечает, как по лицу Шамана пробегает легкая улыбка, прячется в уголках губ.

— Он возвращается, готовь ужин, — говорит девушке, отвечая на немой вопрос. — Ничего не скажу, сама увидишь и узнаешь.

— Как долго, — вздыхает Аня. — Я давно ничего и никого не ждала.

— Да, — смеётся дед. — Все. Не мешай. Ему еще надо дойти.

* * *

Спуск с горы кажется труднее, чем подъем. Медленно спускаюсь к месту, где столкнулся со змеями. Ноги словно сами туда несут. Сопrotивляясь инерции движения, перед грудой камней останавливаюсь. Стараюсь ступать как можно

тише, крадусь. Обхожу камень, вглядываюсь в поисках змей, пропускаю главную угрозу. На камнях сидит бурый медведь, смотрит на меня. Знаю, что бежать нельзя. Вспоминаю лицо Шаманки и радостное чувство осознания, что хочу быть с ней. Понимаю, что убью любого, кто встанет на моём пути. Под рукой нож. Мысленно, глядя в глаза медведю, произношу, как молитву: «Би – оньо чжу! (*Я – рисунок чжурчжэней!*)». Медведь не шевелится. Не спуская с него глаз, шагаю обратно за камни. Стараясь не шуметь, крадусь вниз со склона, смотрю вперед, под ноги, оглядываюсь назад. Никто не преследует. Помню про змею, промахнувшуюся в броске.

Тварь укатилась по склону вниз, но куда?

Змея поджидает возле ручейка. Блеск золота. Стремительно атакую серую гадину, притаившуюся возле камня, напротив маленького озера воды. Добиваю, выхватываю нож и отсекаю ей голову, отбрасываю агонизирующее тельце. Исследую ручеек на наличие опасностей. С наслаждением умываюсь в таежной воде. Пить не стал. Не рискую. Кусок золота остаётся торчать в земле. Золото здесь несёт смерть.

Спускаюсь к подножию скалы, смотрю на компас. Из-за медведя сбился с пути. Пришлось идти, чтобы выйти на юг. Вскоре выхожу на полянку, где возле костра сидят Шаман с Шаманкой.

Девушка подскочила и бежит навстречу.

– Иниги би-йэу? Лалими-дэ, гэктими-дэ, будэсэи, гунэми (*Ты жив?! А я думала, ты умер уже от холода и голода*), –

радуется Аня, спохватившись, переводит.

– Я тоже по тебе соскучился, пока ходил, – признаюсь. Не хочу врать.

– Нэу эдзэхи? Биату дзату? (*Что дух-хозяин? Биату встретился?*) – строго спрашивает дед.

– Не знаю, – пожимаю плечами. Достая веточку из кармана, протягиваю ему. – Вот нашел среди камней на вершине.

– Йэу?! (*Что это?!*).

– Думаю, ответ на мой вопрос.

– Аиси худани эгди. Йэми эйни гадании? (*Золото дорого стоит. Почему не взял?*)

– Не захотел.

– Йэми? (*Почему?*)

– Понял, что золото несет смерть.

– Дзикписиэ? (*Завязал узел? (Желание загадал?)*)

– Загадал.

– Самиэ-дэ, дзиасаини? Йэми манга бидзэ диганами?! (*Знаешь, но скрываешь? Разве трудно сказать об этом?!*)

– Не хочу говорить. Это личное.

– Сэгди эдэдзэй. Эйни дианайа (*Молодец. Не говори*), – соглашается. – Дэуэми? Дэумпилиэти (*Устал? Отдохни*).

Едва сажусь возле костра, чувствую, как тяжесть наваливается на плечи.

– Амталайа (*Попробуй на вкус*), – говорит дед, протягивает флягу с настойкой. – Ма, дзаваидза! Вала ни одони! (*На, бери! Стал удачливым охотником!*)

Послушно делаю несколько глотков.

– Лалава дига́йа! (*Поешь каши!*) – говорит девушка, протягивает миску с ароматно дымящейся кашей. С диким аппетитом уплетаю кашу с таежным хлебом. Осознаю, что отшельники взяли еду в лес только ради меня, чужака из города.

– Асаса (*Спасибо*), – искренне говорю им. Смеются. Невидимая стена между нами рухнула.

Обратный путь даётся нелегко. Часто спотыкаюсь, но не отстаю. Переправа в люльке через реку запоминается тем, как девушка нежно ко мне прижимается и горячо дышит в шею. К концу переправы испытываю чувство, близкое к оргазму. Дорога к дому. В тайге темнеет быстро. Чтобы не упасть, иду след в след за стройной фигурой спутницы, ни на секунду не отрываю взгляда от нее.

Браслет на руке, возле реки. Хозяева легко перепрыгивают по камням на другую сторону. Поскользнувшись, оступаюсь, падаю в воду. Натренированное тело выдерживает падение. Не матюкаясь, бреду по воде.

Возле дома раздеваюсь, беру полотенце и чистую одежду, иду к реке.

Разгоряченное тело с благодарностью принимает холодный душ и кусок мыла. На берегу насухо вытираюсь и, улыбаясь, иду к дому. Укрывшись одеялом, согреваюсь, проваливаюсь в сон.

* * *

Девушка дожидается, когда стихнут звуки в комнате гостя, бесшумно идёт к нему. Переживания и ощущения, испытанные таежницей, требуют выхода. Парень спит на боку, глубоко дышит. Задумавшись на мгновение, девушка скидывает с себя ночное платье. Смело откинув одеяло, забирается в постель, прижимается всем телом. Прислушивается к ощущениям. Томление. Нежность. Сердце стучит по-другому. Закрыв глаза, шепчет слова, давая телу привыкнуть к новым ощущениям, настроиться на ритм дыхания мужчины, на стук его сердца. Счастливо улыбается в ночи, невинно прижимаясь и вдыхая мужские запахи.

Юное тело томится от истомы. Борясь с новыми ощущениями, девушка выходит из дома.

Кружится в медленном танце по двору, напевает понятную ей одной песню. Возвращается в дом. На кухне сидит дед в ночной рубашке.

* * *

Диктофонная запись 2 (расшифровка).

– Не спится, внушка?

– Да, деда. Сама не своя. Хочется быть с ним рядом. Хо-

чется обнимать и целовать. Сбивается дыхание. Что это такое, деда?

– Желание близости, внушка.

– Это хорошо или плохо?

– Если любишь – хорошо, если не любишь – плохо.

– А он меня любит?

– Сама спроси. Я не скажу.

– А как я пойму?

– Поймешь, когда придет время.

– А что надо делать, когда скажет, что любит, и я пойму?

– Тело само подскажет. Просто доверься интуиции. Всё получится. Не переживай. Иди спать. Завтра трудный день. Надо выспаться.

* * *

Просыпаюсь утром от того, что хочу в туалет. Делаю несколько глубоких вдохов. Чудится тонкий аромат таежницы.

– Похоже, схожу с ума без секса, – бормочу, машинально провожу рукой по лицу. Двухдневная щетина напоминает, что похож на небритую собачку.

Прохлада реки бодрит, прогоняет остатки сна. Возле дома тщательно бреюсь. Брызгаю одеколоном лицо. Подставляю лицо лучикам солнца.

Вокруг ни души. Хозяев не видно и не слышно. Делаю за-

рядку и упражнения прямо во дворе. Единственный зритель, Жужа, наблюдает за мной, лениво почесываясь.

После разминки и растяжки выполняю боевые ката, отрабатываю удары.

Повернувшись, замираю. На крыльце стоит дед, наблюдает. Прошу его: «Научите двигаться, как вы».

Старик спускается по ступенькам, подходит. Встаёт напротив, на расстоянии около метра, и медленно, приподняв руки в плавном движении волной, отклоняется корпусом с траектории возможного удара. Возвращается в исходное положение.

– И всё? – спрашиваю.

Дед, усмехнувшись, жестом показывает: бей ногой. Бью. Не сильно, чтоб не зашибить. Тасежник легко взмахивает руками. Моя нога взлетает вверх, падаю на землю. Быстро подскочив, атакую. Любимый удар – «маваши». Соперник делает аналогичное движение. Его ладонь задирает мою ногу выше, а вторая бьёт в пах. Чувствительно! Поднимаюсь, подкрадываюсь к противнику, думая, как лучше атаковать. Дед, подняв палку, кидает мне, мол, бей. С палкой чувствую уверенность. Делаю несколько финтов по воздуху. Атакую сверху по голове. Такое же волновое движение соперника. Палка летит на землю. Хватаюсь за мгновенно онемевшую руку. Одна ладонь блокирует мою кисть, вторая – рубит по нервным окончаниям.

Разминаю руку, восстанавливая чувствительность. Ста-

рик рисует веткой на земле цифру «10000».

– Повторить 10000 раз? – предполагаю. Утвердительный кивок. Повторяю движение, как запомнил. Учитель поправляет мои плечи, руки несколько раз подряд, машет рукой, берёт палку.

Быстро понимаю, почему в китайских боевиках мастера кунг-фу бьют учеников. Тело ленивое. Хочет комфорта. Боль быстро учит. Раза два неправильно руки ставлю, и палка бьет по ребрам или по голове.

Выполняю упражнение, качаясь в разные стороны.

– Омо, дзу, ила, ди, тунга (*Один, два, три, четыре, пять*), – считает дед. Выполняю упражнение, возвращаясь в исходную точку.

Устаю, начинаю ошибаться. Дед ухмыляется, достаёт охотничий нож, демонстративно прикручивает к палке. Липкий страх опутывает мозг, пот предательски бежит по спине, делаю шаг назад. Получить ножевую рану здесь, в таежной глуши, самоубийство.

– Дуктэ! (*Бью!*) – говорит Шаман и атакует. Реагирую мгновенно, выбивая оружие из рук. Старик кивает, показывает на надпись на земле и что-то говорит.

Не понимаю. Дед тычет в цифру 10000, показывает, как ест из тарелки ложкой.

Понимаю, что кормить не будут, пока не сделаю задание.

Через три часа пот градом льёт с лица, тело бунтует от усталости. С чувством выполненного долга плетусь к реке.

Рыча от холода, посвежевший, выскакиваю из речки на берег и энергично растираю усталые мышцы. Мне нравится здесь. Не понимаю, почему, но нравится. Всегда мечтал пожить в каком-то буддистском монастыре, потренироваться.

Во время обеда стараюсь есть медленно, не заглатывать большими кусками.

Девушка приходит из леса явно чем-то расстроенная.

– Привет, хозяйка, – улыбаюсь.

– Привет, – отвечает без улыбки. Не смотрит на меня.

– Что-то случилось?

– Почему ты так решил?

– Ну ты какая-то грустная. Может, заболела?

– Может, и заболела, – взмах рукой. – Поел? Пошли дальше заниматься.

– Чем?

– Практикой сновидений. Как управлять сновидениями.

– Это обязательно нужно?

– Да. Пойдем на солнышко.

Посреди двора хозяйка показывает на кусок тряпки, командует: «Ложись».

– Земля же холодная, – возражаю, встречаюсь с колючим взглядом.

– Не бойся. Не замерзнешь, – бурчит. Беру ее за руку.

– Ань, что случилось? – спрашиваю, поглаживая ладонь. – Я тебя обидел?

– Ничего не случилось, – выдёргивает ладонь. – Ложись.

Закрой глаза. Я сейчас приду.

Ложусь, закрываю глаза. Ткань пахнет елкой. Расслабляю уставшее тело. Задремаваю. В голове привычно шумит. Перед глазами бегут картинки видений.

* * *

Диктофонная запись 3 (расшифровка).

– Что, внучка, неудачно сходила в лес?

– Да. Никогда не было, чтобы ветка с дерева падала во время молитвы.

– Духи дают знак, чтобы ещё подумала.

– А что думать? Мужик есть. Я есть. Тело на него настроилось. Чего еще надо?

– Что же сердишься?

– Не знаю. Я же – Шаманка. Я – сильная. А рядом с ним веду себя по-другому. Хочу понравиться, чтобы восхищался. А он – не реагирует.

– Почему так решила? – улыбается.

– Меня к нему тянет, а его ко мне – нет, – сердится таежница.

– Ты уверена? Он же специально медленно трос над рекой тянул, чтобы с тобой быть...

– Нет. Не знаю...

– Он другой, внучка. У него свой мир в голове. Свои страхи и чувства. Он их прятать привык. Время нужно, чтоб от-

крыться. Не подгоняй его и себя не дразни.

– Это что значит?

– Не ложись к нему по ночам. Вредит энергетике.

– Ты что, подсматривал?

– Мне не надо подсматривать. Чувствую, как ты к нему тянешься. Как пробуждается чувственность. Становишься взрослой.

– И что теперь делать?

– Иди к нему. Будь рядом. Будь искренней. Чувствуй, как дышит твой избранник, улыбается, говорит. Поймешь, как любит.

– Любит? – в голосе слышится радость и надежда.

– Конечно, любит, уже давно, – усмехается. – Сам скажет, когда время придет. Иди, учи технике снов. Это нужно обоим.

* * *

Сквозь дремоту, слышу нежный голос таёжницы:

– Учимся управлять собой во сне. Посмотри на свою руку закрытыми глазами. Эту технику в твоём мире называют «Фаза». Захочешь – найдешь. Запомни. Каждый раз, как только ты будешь просыпаться снова, старайся не двигаться и не открывать глаза. Пробуешь сразу же разделить с телом.

Чтобы разделить с телом, пробуй *встать, выкатить-*

ся или *взлететь*. Пробуй это сделать своим собственным ощущаемым телом, не напрягая физических мышц. Запомни, что по ощущениям будет выглядеть как обычное физическое движение. Не задумывайся, как делать в нужный момент. Просто пытайся разделить с телом во что бы то ни стало в первые же мгновения после пробуждения. Каким бы то ни было образом.

Скорее интуитивно поймешь, как делать. Главное – не задумываться и не терять первые секунды пробуждения.

Есть разные техники: техника плавания, вращение, наблюдение образов, визуализация рук, фантомное раскачивание.

Сначала освоим технику «Визуализация рук».

В течение трех-пяти секунд активно представляй, что третья рука об руку близко перед глазами. Старайся почувствовать их перед собой, увидеть, услышать звук трения.

В самой первой фазе поставь цель обязательно добраться до зеркала и посмотреть в отражение. Нужно себя четко запрограммировать на данное действие. Это облегчит первые шаги в покорении фазы. Затем можешь осуществлять другие пункты плана действий и никогда к зеркалу не возвращаться.

Если в фазе ощущения смутные – плохое зрение или нечеткое ощущение тела, старайся все вокруг активно трогать и рассматривать мелкие детали объектов с близкого расстояния. Это позволит добиться большей реалистичности переживания. Те же действия следует делать для удержания

фазы, когда появляются первые признаки возвращения в тело (например, когда все становится тусклым).

О возвращении в тело не думай. Состояние не будет длиться больше нескольких минут, особенно у новичков, мало знакомых с технологиями удержания.

– Готов? Поспи, – слышу, проваливаясь в сон.

* * *

Девушка ложится рядом. Закрыв глаза, дышит с ним в унисон и усилием воли провалилась в мир сновидений. Внимательный наблюдатель заметил бы, как таежница улыбается во сне. Дед увидел и одобрительно хмыкнул.

* * *

Мне снится сон. Стою на берегу реки. Ласково светит солнце и поют птицы. Середина лета. Оглядываюсь по сторонам. Я у Шаманов. Слышу сзади голоса и поворачиваюсь. По тропинке идет Шаманка, держит за руки двоих маленьких детей. Годика полтора-два. Детки голенькие. Мальчик и девочка. Нагота не смущает и не беспокоит. Девушка улыбается: «Идите к папе». Они неуклюже бегут и радостно кричат: «Папа!!!». Падаю на колени, прижимаю к себе детей. Вдыхаю аромат, чувствую, как они чмокают губами, целую их.

Смеются. Отпускаю и поднимаюсь с колен. Дети начинают играть камнями на берегу реки.

– Ну здравствуй, странник, – говорит Аня.

– Здравствуй, родная, – шепчу. – Я скучал по тебе.

– Я знаю, родной, – мы целуемся. Поцелуй любви всегда отличается от поцелуя страсти. Наполняет тело благодатью и нежностью, что хочется плакать.

– Познакомься, – таежница подзывает детей.

– Ильюша, – улыбается Шаманка. – Серьезный, как ты. Маша. Копия меня.

– Спасибо, родная, – шепчу. По глазам бегут слезы радости. – Так здорово знать, что есть ты и мои дети. Как ты тут без меня?

– Трудно, но Матушка-Природа помогает. И тебя спасла, к нам привела.

– Им не холодно без одежды?

– Рожденным зимой в лесу, не страшно, – смеется. – А нагота детская – невинная. Им одежда мешает. Пойдем в дом.

– Я скучал по тебе, – обнимаю. – Больше двух лет прошло.

– И я скучала. Такая наша с тобой судьба. Странник и Шаманка. Пойдем домой.

Мы не идем, а летим к небу, облакам и оттуда спускаемся к домику на поляне. Вижу, как на поляне, на старой куртке лежим я и Шаманка. Спрашиваю: «Что это?»

– Сон, – слышу. – Наш с тобой сон.

– А дети? Дети – тоже сон? – с грустью спрашиваю. Ста-

новится тоскливо.

– Сны могут быть разными. Можно проснуться и не вспомнить или помнить всю жизнь. Или создать жизнь во сне. Ты сам решаешь!

* * *

Пробуждение неожиданное, словно ток отключили. Или словно машина на полном ходу встаёт, как вкопанная. Выдыхаю воздух, как будто из воды выпрыгнул. Оглядываюсь по сторонам. Никого. Но сон помню до каждой детали. И эмоции во сне помню.

Встаю, разминаю затекшие мышцы, иду к умывальнику. Вода освежает голову. Память подсовывает отрывки сна, где безмерно счастлив.

На крыльце появляются дед, и Шаманка.

– Миндзи гиэ нгэнэдзэфи! (*Пойдем со мной!*) – говорит старик, а девушка, глядя в глаза (словно спрашивая: «Понравился ли тебе сон?»), переводит. Всё ещё потрясенный сном, киваю и молча иду за ними.

Усевшись на берегу реки, девушка показывает жестом, чтобы присел рядом. Привычно поджимаю ноги в позу для медитаций.

– Повторяй за мной, – говорит таежница. – Закрой глаза. Сосредоточься на звуках. Прислушайся, как шумит река. Вода течет через камни. Шумят ветки на деревьях. Слу-

шай звуки. Глубоко дыши. Еще глубже. Медленно выдыхай. Еще медленнее. Вдох. Выдох. Слушай звук реки. Ты – река. Сильная могучая река. Слушай.

Постепенно звук реки оттесняет другие звуки леса. Глубокое чувство сосредоточенности выталкивает негатив, обиды, жалобы и грустные эмоции. Картинки в голове кружатся в калейдоскопе, выстраиваются в стройную картину.

– Йаи нгиэнтилэгиэни! (*Открой глаза!*) – слышу и медленно открываю глаза. Смотрю на Шамана, сидящего напротив нас в такой же позе.

– Вангба самиэ-дэ йани-тэнэ экпингкувэ (*Черепаха знает песню веера*), – говорит дед. Девушка переводит.

– Что? Что это значит? – не понимаю.

– Ты хотел узнать, что написано иероглифами, дедушка объяснил.

– Но что это значит?!

– Догдиэ! Эсими са! (*Послушай! Я не знаю!*) – отвечает старик.

Девушка тихо добавляет: – Это твой путь. Ты должен сам узнать.

– А зачем все это? Упражнения, медитация, поход в лес?

– Подготовка.

– Подготовка к чему?

– К испытаниям, что тебя ждут.

– Но вы же могли просто сказать... Раньше.

– Ты бы не поверил и не воспринял.

– А сейчас поверю? – злюсь. Поднявшись, иду к дому. Никто не догоняет, не пытается объяснять.

* * *

Дома собираю вещи. Зло сворачиваю «колбаски» и «ромбики», укладываю в сумку. Взгляд останавливается на ветке. Той самой, которую нашел на вершине горы. Ветка – иероглиф. Иероглиф означает «веер». Если, конечно, дед не врёт. Но что это значит? «А чего я разозлился? – думаю. – Кормят, поят. Крышу над головой предоставили. Дали ответ на вопрос, а ты бесишься. Чего не хватает? Что беспокоит?»

Ответ приходит сам. Одним словом. Шаманка. Честно признаюсь, что заинтригован.

Как вести себя с ней?

Хочется: пожалуйть, поругать, обнять, силой овладеть, обматерить, отшлепать. За то, что непонятная: ручная и дикая одновременно, мудрая и непорочная, сильная и хрупкая, ласковая и колючая. В голове всё смешивается. Чётко помню, как шепчу слова желания на вершине горы. Помню сон, показанный Шаманкой.

Для чего все это?

Помню ощущения, когда прижимаюсь к ней в люльке, над рекой. Острое чувство, что готов везти ее хоть на край света. Презрение к смерти, когда встретил медведя в лесу. Готовность вступить в бой, лишь бы быть с ней.

Сию в комнате, смотрю на ветку. Пытаюсь принять решение: уезжать или остаться. Спросить или догадаться самому. Шаман многое знает, но говорит по частям.

Незаметно темнеет. В доме нет электричества, лишь керосиновая лампа, свечи и спички. Решаю не ехать в ночь и принять окончательное решение завтра. Выхожу из дома.

Под специальным навесом горит костер. Возле него сидят Шаман и Шаманка в традиционных одеждах: в шапке с рогами, обвешанные старинными монетами, ленточками и веточками.

Девушка зовет: «Иди к нам. Дед расскажет историю». Сажусь рядом. Костер приятно пригревает, и пламя отбрасывает причудливые тени.

Шаман говорит, а девушка переводит:

– Мне эту историю дед рассказал, а ему – его дед. Это наша семейная тайна. Ты пришел с вопросом извне. Я скажу ответ. Есть древние письмена. Древние языки. Древняя песня. Я знаю слова наизусть. Дед велел выучить. Я выучил. И ты выучи. Это важно. Это ответ на твой вопрос. Слушай «Песню веера». Так называется эта песня.

Шаман бьет колотушкой в бубен. Бубен отзывается неожиданно звонко. С каждым ударом звук нарастает. Слышу набор звуков. Просто набор звуков под ритмичную музыку. Записываю звуки в блокнот.

«Песня веера»

Аи-у-ма/ У-р-хи-хе/ У-цу-ло/ Фу-се-гу/А-ли-цо-

ми/ До-ло/ Се/ Цинг-ге-ли-е-ли/ Сон-ко/ А-
гуа-са-ра/ У-ци-неи-би/ У-ци/ Хи-р-ле-ва-ци-ну/Ху-
фу-лун-де-ду-ле-ци-манг-ха/Е-му-мо-ху-фу-лун/ Го-
хо/ Ни-мен-би/Хи-р-ле-у-ци-ну/У-ме-дже-ци-ба-де-дао-
ли-ла/Ну-ха-фу-ли-су/Бу-ци-хе/ А-ли-су/Фа-ди-ла/ Ги-
да/Су-дунг/ Ва-хунг/А-гу-би/ Ние-лу/Хе-це-ту-хе-хе/Ло-
хо/ Уа-ли-фи-та/Му-ке-у-ци-у-ла-ха/ Ва-зе-бо/И-ха-
е-ли/ А-ли-су/Ванг/ Хе-це-те-де/О-р-до-хе-це/ А-ли-
су/ Ци/У-ме-ние-ма-и-у-ме-ние-ма-и-у-ли-ду-ли-ле/А-
гуа-фу-да-су-хе-бу-де/Мо-ло/ Та-ха-су/Ха-ан-ту-ме-се/
Му-ду-ли-е-ли/ Е-ли/ Му-ли/Меи-хе-е-ли/ Е-ли/ Хе-це-
ту-ти-хе/Му-ли-у-ме-е-хе-джа-фа-ла/О-р-до-хе-це/ У-
ме-ги-су-ле/

– Я ничего не понял, – шепотом говорю, когда Шаман за-
кончил играть. После каждого набора звуков следует удар в
бубен.

– Не нужно понимать. Просто запомни. Поймешь, когда
придет время, – отвечает девушка: – Повтори каждый звук.
Запомни, где бубен бьет один раз, а где два. Это важно.

Аи-у-ма/ У-р-хи-хе/ У-цу-ло/ Фу-се-гу//
А-ли-цо-ми/ До-ло/ Се/ Цинг-ге-ли-е-ли/ Сон-ко/ А-
гуа-са-ра/ У-ци-неи-би/ У-ци/ Хи-р-ле-ва-ци-ну//
Ху-фу-лун-де-ду-ле-ци-манг-ха//
Е-му-мо-ху-фу-лун/ Го-хо/ Ни-мен-би//
Хи-р-ле-у-ци-ну//
У-ме-дже-ци-ба-де-дао-ли-ла/Ну-ха-фу-ли-су//
Бу-ци-хе/ А-ли-су//
Фа-ди-ла/ Ги-да/Су-дунг/ Ва-хунг/А-гу-би/ Ние-лу/

Хе-це-ту-хе-хе/Ло-хо/ Уа-ли-фи-та//

Му-ке-у-ци-у-ла-ха/ Ва-зе-бо//

И-ха-е-ли/ А-ли-су//

Ванг/ Хе-це-те-де//

О-р-до-хе-це/ А-ли-су/ Ци//

У-ме-ние-ма-и-у-ме-ние-ма-и-у-ли-ду-ли-ле//

А-гуа-фу-да-су-хе-бу-де//

Мо-ло/ Та-ха-су//

Ха-ан-ту-ме-се//

Му-ду-ли-е-ли/ Е-ли/ Му-ли//

Меи-хе-е-ли/ Е-ли/ Хе-це-ту-ти-хе//

Му-ли-у-ме-е-хе-джа-фа-ла//

О-р-до-хе-це/ У-ме-ги-су-ле//

– А в бубен тоже нужно бить? – спрашиваю, в такт стуча ладонью по ноге. Дед фыркает.

– Бубен – это карта местности и проводник, – спокойно, как бы извиняясь за поведение дедушки, говорит Аня. – Бубен сделан из специального дерева и настроен на эту местность. В твоих руках просто погремушка, а для нас и компас, и зеркало, и путеводитель. Может предостеречь и предсказать. Тебе, живущему в городе, трудно в это поверить, но мы чувствуем окружающий мир очень тонко. Вот слышишь?

– Что?

– Муха попала в сеть. Жужжит, пытается вырваться.

– Ничего не слышу, – прислушиваюсь к темноте. – Ты придумываешь?

– Не веришь. Подойди поближе к дровнику. В уголке па-

утину увидишь.

Иду к дровнику. Вижу, как в паутине бьется муха, отчаянно жужжит. Но слышу, стоя почти вплотную к паутине, а до костра расстояние – метров шесть.

– Я тебя люблю, шалунья, – шепчу в темноте, иду к костру.

– Ну и что я сказал? – строго, как учитель, спрашиваю.

– Ты сказал: я тебя люблю, шалунья, – повторяет таежница и уточняет: – Это правда или дурачишься?

– Не знаю, – честно признаюсь, не ожидая, что Аня услышит.

– Не знаешь – не говори, – строго выговаривает девушка.

– Скажите, а вам не скучно в тайге? Чем вы все время занимаетесь?

– А тебе не скучно в городе? Чем ты все время занимаешься? – передразнивает она с той же интонацией.

– Нет, ну правда, – бормочу. – Мне непонятно, как можно жить так вот в лесу?

– Как так?

– Без благ цивилизации. Без телевизора, телефонов, автомобилей.

Таёжники смеются, словно говорю чушь.

– Нам не нужно это все. У нас есть другие возможности.

– Ну, например, – ввязываюсь в спор.

– Исэнэйэ (*Сходи посмотри*), – говорит дед, взмахивает рукой. Отворачиваюсь от костра, замерая от увиденного зрелища. В воздухе переливается разноцветная объемная кар-

тинка (словно съёмка ведётся с кабины самолета или беспилотника). По поляне бегают три медвежонка и играют друг с другом. Словно 5D изображение, объемное, со звуками.

– Нам лес такие картинки показывает, что телевизор не справится.

– А телефон? У вас нет телефонов, – возражаю.

– Мы можем разговаривать друг с другом на расстоянии без проводов и коробочек.

– Как? – не верю.

– Я сейчас докажу. Досчитай до двадцати и закрой глаза. Таёжница идёт в сторону речки. Вслух считаю до двадцати. Девушка скрывается из виду.

– Аня, ты где?

– Закрывай глаза, – слышу голос издалека. Послушно закрываю.

– Привет, странник, – слышу в голове девичий голос. Звук громкий и чистый, словно стоит рядом. Открываю глаза. Никого. Снова зажимаюсь.

– Привет, моя ласковая, – говорю, но не вслух, а про себя.

– Почему ты меня ласковой называешь? – удивляется девушка.

– Наверное, схожу с ума.

Одна часть мозга вопит моей другой половине: *«Ты сошел с ума. Разговариваешь сам с собой. Сошел с ума. Какая досада».*

– Нет, ты не сошел с ума, – слышу в голове её голос. –

Мир может быть другим.

– Перестань подслушивать мысли, а то вдруг... – воображение выдаёт картинку, как я ее страстно целую, лапаю за аппетитные места.

– Ой, какие картинки ты шлешь, – смеётся. – Вроде приличный мужчина с виду...

– Перестань, – вслух говорю, со стоном зажимаю уши и, ошеломленный от пережитого опыта, встаю и сажусь на место. Тормошу головой, словно стараюсь спрятать мысли.

– Извини, – слышу рядом, и рука сжимает плечо. – Не удержалась, глупая, силушку показала. Дед ругается, что я слишком эмоциональная.

Сердито одергиваюсь, чтобы не трогала.

– Сам захотел проверить, – обижается таёжница. – А как тебе доказать?

– Не надо в голову залазить, – ворчу, понимая, что себе-седница права. Спрашиваю: – Так я с тобой могу на любом расстоянии разговаривать?

– Сможешь, если сильно захочешь. И во сне сможешь. Могу научить.

– А сегодня во сне ты со мной разговаривала?

– Ночью или днем? – почему-то уточняет.

– Днем.

– Да, – оправдывается: – Если не понравился сон, можно стереть.

– Не надо ничего стирать! – резко возражаю.

– Почему? – Аня не ожидает такой реакции.

– Потому что, – бормочу. Не хочу признаваться, что сон глубоко запал в душу. Особенно радостное, нежное состояние запомнилось. Девушка интуитивно понимает, что закрываюсь, переводит разговор на другую тему.

– Автомобиль показывать или нет? – улыбается.

– А я что, автомобилей не видел? – огрызаюсь.

– Ты не понял. Мы можем передвигаться без автомобилей и самолетов.

– Ага, пешком, – язвлю, почему-то злюсь.

– Деда, покажи, – просит Шамана.

– Исэми-дэ, эдэт хуэнэ, йэвэ-дэ исэи (*Только не удивляйся, чтобы ты ни увидел*).

– Чего это? Я что, испугаюсь? – спрашиваю, выслушав перевод.

– То, что увидишь, может изменить представление о мироустройстве, – серьезно отвечает таежница. – Может, не надо?

– За меня боишься? За себя бойся! – огрызаюсь. – Ничем вы не удивите!

Шаман смотрит внимательно, вздыхает и... исчезает.

– Ё.... – выдыхаю. Моргаю. Трясу головой. Шамана нет. Заглядываю под стул, на котором тот только что сидел. Девушка смеётся сначала тихонько, а когда видит мое изумленное лицо, громче. Поворачиваюсь к ней, трясу, спрашивая: «Как? Как он сделал? В чем фокус?». А она ещё пуще хохочет.

чет.

– Вы это называете волшебством, магией, – говорит Аня, и старик машет мне с крыльца, уходит в дом. – А мы называем практиками. Тренируемся годами.

– А. Э. У, – едва могу вымолвить. – Вы что – сверхлюди?

– Нет, – перестаёт смеяться.

Понимает, что нахожусь в ситуации полного паралича от осознания новой реальности.

– Ты не бойся. Ты тоже так можешь. Если откажешься от мирской жизни и уйдёшь жить в лес или в горы, как монахи. Тайга дает другое понимание жизни и своих способностей. Если прислушиваться к ней, разговаривать с ней, то поможет. Понимаешь меня?

– Понимаю, – выдыхаю. Не сажусь, а почти падаю на свое место у костра. Обхватываю голову руками, закрываю глаза. Все, что знаю, умею, горжусь, – не имеет значения здесь, в лесу, вдалеке от цивилизации. Чувствую себя маленьким и беззащитным, что хочу заплакать.

– Ты прости нас, родной, – шепчут губы рядом. – Не хотим обидеть или напугать силой своей и способностями. Могли соврать, да не хотим. Потом вдвойне большее будет.

– Почему? – удивляюсь.

– Побоялись, что испугаешься, и ниточка событий прервется.

– Какая ниточка?

– Не обидишься, если правду скажу?

– А это важно для тебя?

– Да. Очень важно. Если обиду затаишь, то плохо будет всем: и тебе, и мне, и деткам нашим...

– Деткам? – переспрашиваю.

– Ой, – Аня осекается: – Не ругайся, пожалуйста. Просто я – Шаманка. Дед – Шаман. Родители – шаманы. Это наш дар и проклятие. Наше предназначение. Приходится жить не так, как все, и не там, где все. Понимать природу, помогать людям, сдерживать баланс сил в мире.

– Ага, борьба между Добром и Злом, – бурчу, сбитый с толку.

– Так ты знаешь?! – радуется.

– Что знаю? Кто ты и твой дед? Где я? Что со мной? Это сон или глюк? Может, с ума сошел? Может, белая горячка? Совсем запутался.

– Бедненький, – жалеет таёжница, гладит по голове. Почему-то это бесит.

– Не надо меня жалеть! – рывкаю, подскакиваю.

Аня, как послушная школьница, покорно опускает руки на коленки. С немой мольбой смотрит мне в лицо. Костер прогорел, угли костра отбрасывают необычные тени. Стоит глубокая ночь. Во дворе у костра я и девушка-загадка.

– Прости меня, родной, прости, – шепчет таежница и падает передо мной на колени, обхватывает, прижимается к моим ногам лицом: – Виновата я перед тобой! Виновата!

– Ань, ты чего? – удивляюсь и поднимаю её с земли.

– Помнишь, год назад нашу первую встречу? – тихо всхлипывает.

– Какую встречу? – изумляюсь. – Мы ведь раньше не ви...

* * *

В голове вспыхивает картинка. Торговая точка возле села Анучино, у тигриного водопада. Десяток людей, торгующих дарами тайги и огородной продукцией.

В тот день еду во Владивосток, в очередную бизнес-командировку. Останавливаюсь купить настойку из калины.

Прошаживаюсь вдоль рядов, ищу знакомую этикетку.

– Возьмите грибочков, медку, – предлагают продавщицы. Калины нигде нет.

– А ну пошла отсюда, голытьба, – слышу чей-то окрик, поворачиваюсь на звук. Здоровенный мужик машет кулаком мальчонке в оборванной одежде.

– Шляются тут, клиентов распугивают, – зычно говорит мужик, оглядываясь на женщин, как бы ища оправдания своим действиям.

– Чего он? – спрашиваю у продавщицы.

– Да повадился мальчонка приходить. Вроде и вреда от него нет, да к людям пристаёт, просит поделки купить. Кому нужны детские игрушки? Кто он? Откуда? Никто не знает.

Оглядываюсь. Мальчонка, понутив голову, плетётся по дороге к мосту, прижимает к груди маленький мешок. Так

жалко его стало. Сажусь в машину. На мосту догоняю. Хотя маленький, но ходит быстро.

– Пацан, что продаешь? – спрашиваю, поравнявшись с ним, в открытое окно.

– Игрушки, – гордо отвечает, поднимает голову. Встреча с глазами, которую не забуду. Словно сталкиваюсь со вселенской мудростью и любовью.

– Покажешь? – спрашиваю, понимая, что куплю любую вещь, которую предложит. Сзади сигналият. Включаю аварийку, поворачиваюсь к мальчонке. Тот держит в руке вырезанный из дерева красивый дом.

– Почём продаешь?

– А зачем вам, у вас же детей нет? – удивленно спрашивает писклявым голосом.

– А ты откуда знаешь? – удивляюсь.

– Знаю, и всё, – строго отвечает. – Для детей домик, вам – ненужно.

– А я, может, хочу, чтобы мои будущие сын и дочка в таком доме жили, – возражаю. Вижу, как меняется лицо, как загораются радостно глаза.

– Тогда берите, – протягивает игрушечный домик. – Денег не надо.

– Нет, так дело не пойдет, – улыбаюсь, протягивая из барсетки тысячную купюру. Меньше номинала не оказалось, а мелочь давать стесняюсь.

– На вот, держи, – говорю, протягивая деньги. – Никому

не показывай, чтобы не отобрали.

– И вы никому не показывайте, чтобы никто не отобрал, – говорит мальчик без улыбки, прячет купюру в карман куртки.

Закрываю окно, выключаю аварийку, трогаюсь. Проезжаю мост, останавливаюсь, смотрю на игрушку. Красивый резной дом тщательно отшлифован и обработан с любовью и лаской. Хочу еще раз взглянуть на мальчонку, но ни на дороге, ни на мосту его нет.

Во Владивостоке домик исчез. Как – не знаю. Кому-то показываю из знакомых – точно помню, а вот где теряю – нет воспоминаний.

– Это я тогда была на мосту, – тихо говорит Шаманка. Вздрагиваю.

– Но там же мальчик, – возражаю слабо. Игрушечный дом – точная копия дома шаманов. Пазл в голове складывается.

– Я специально так оделась, для безопасности. Мёд и настойки продала давно, но дед велел еще и домик продать. Сказал продать только мужчине молодому. Никто не берёт. Продавцы гнать стали, тут ты и появляешься. Я тебя как увидела – сразу поняла, что купишь. Даже слова песни помню, что в машине играла.

Поёт, подражая Кате Лель: «Я люблю тебя за то, что ты есть, за то, что ты здесь и просто рядом...» Прерывается, продолжает рассказ:

– Ты слова заветные сказал, что хочешь, чтобы там твои детки жили. Рука у тебя теплая, добрая. Лицо чистое, без злости. Я обрадовалась и бегом в лес. Бегу, смеюсь, песни пою, хохочу, как ненормальная, траве и деревьям улыбаюсь, спасибо говорю. Разные картинки из будущего представляю. Как ты меня на руках носишь, как целуешь. Как радуешься, что у нас с тобой детки родились. Иду, кричу слова любви. Ведь никого кругом нет. Забыла совсем, что со словами аккуратнее надо. Я же Шаманка. Словами оживить могу и умертвить. Дед долго ругал и выговаривал, а я не понимаю, почему сердитый такой. Я же все сделала, как велел. Подумаешь, что может нафантазировать семнадцатилетняя девушка? Потом только поняла, что встреча наша неслучайная. За год сильно изменилась. Дед говорит, совсем взрослая стала. Грудь выросла, да и ягодички стали больше. На мосту сиськи замотала плотно шарфом, чтобы не выделялись, а сейчас заматывай-не заматывай – не спрячешь уже.

– Мда, – бормочу. Откровенность обескураживает.

* * *

– С той поры постоянно думаю о тебе и рядом хочу быть, да дед не пускает, – продолжает рассказ Аня, примостившись головой на моих коленках. – А ты живёшь, не вспоминая обо мне.

– Ну извини, что не увидел девушку в одежде пацана, –

бурчу.

– Потом изменилась наша с тобой связь.

– Какая связь? О чем ты? Не было между нами ничего, – перебиваю.

– Ты послушай, не перебивай, – мягко улыбается. – Связь духовная. Как ниточка белая. Я по ниточке к тебе стучалась и вибрацию считывала. В общем, чувствовала тебя. Как радовался, как огорчался, как водку пил. Не часто, но пил.

– И как ты это чувствовала?

– Ниточка темнела. А однажды стала красной.

– И что это значит? – удивляюсь, услышав злость в девичьем голосе.

– Когда энергию забирают и себе подчиняют, – словно нехотя отвечает.

– И что это?

– Скажу, будешь ругаться, – жалуется.

– Не буду, – обещаю. Девушка, выдохнув, произносит имя. Вздрагиваю, услышав: «Диана».

– Откуда знаешь? – теряюсь. – Я о ней не рассказывал.

– Я же Шаманка, – печально улыбается. – Сама узнаю ответы. Когда ниточка покраснела – провела обряд и увидела образ. Ты сидишь, как собака на цепи, и скулишь. И уйти-не уйдешь – цепь на шее болтается. Крепко держит, и в голове синие точки пульсируют, как будто яд.

– У тебя богатое воображение, – передергиваю плечами от картинки, нарисовавшейся в образе.

– Это не самое страшное, – шепчет. – Только ты не злишься и не кричи. Женщины очень коварны бывают, когда им что-то нужно от мужчин. Она подмешала приворотное зелье в напиток, когда ты пришел к ней домой.

– Откуда знаешь?

– Подарила кулон, надела на шею, – как в трансе, монотонно, игнорируя вопрос, продолжает шептать. – Ты совсем стал не свой. На второй день ломка, как у больного, и бежишь к новой госпоже.

– А почему ты так плохо говоришь о ней? – изумляюсь, слыша агрессию и злость в голосе.

– Ее отец виновен в смерти моих родителей, а она вмешалась в твою жизнь, – выдыхает, резко поднимается.

– Но почему? Из-за чего все это?

– Ты знаешь! Просто думаешь, что это глупые сказки или старые легенды. Диана и ее отец принадлежат клану Жрецов, мы с дедом – к клану Хранителей. Статуэтка, которую нашли в лесу, ключ к разгадке древней тайны. Восемьсот лет прошло, как тайна появилась. Сколько людей уже погибло и умерло.

– Так это правда про сокровища чжурчжэней? Не легенда?

– Да, правда! Это как две силы борются: светлые и темные. Ты – посередине. На чью сторону перейдешь, те силы и верх возьмут.

– И чем это грозит?

– Золото, сокрытое в пещере, оно горе принесет людям, – говорит с печалью. – Золото людские души порабощает. Темные не знают, где золото Шуби, бохайцев и чжурчженей сокрыто. Знают, что оно заклетами сильными сокрыто, чтобы посторонние не нашли и баланс сил не нарушили. А ты можешь найти. У тебя способность есть.

– Какая способность? Я – обычный человек, – удивляюсь, но приятно, что меня выделяют.

– Заклетья на тебя действуют, но ты как-то их нейтрализуешь. Сопротивляешься. Поэтому мы говорим, что ты – ключ. «Рисунок предков». Как и статуэтка. Надписи на статуэтке – подсказки. С их помощью можешь найти дорогу к сокровищам предков.

– Но мне не нужно золото! – горячо восклицаю. – Я хочу дать людям лекарство от болезней.

– А люди сами хотят этого? Или этого хочешь только ты? – звучит в темноте вопрос, словно приговор. Не знаю, что ответить.

– Куда делся кулон Дианы?

– Когда увидела, что тебя ломает, стала сниться тебе и звать, – тихо отвечает. – Я кричала в ночи: «Эдэсу! Эмэгий! (Любимый! Приходи!)», звала: «Суженый, приди». Ты принял решение уехать из города. Я знала, куда тебя тянет, ведь это я картинку реки нарисовала. Знала, куда едешь, и пошла встречать. Увидела машину, подняла руку. Дальше ты помнишь все, кроме того, как дед заклетья сторожевые в лесу

снимал. Пока ты спал, кулон сняла в машине и на дороге в тайнике оставила, чтобы не душил. Только приворот сильный оказался, пришлось обряд очищения делать, чтобы дышать мог свободно. Приворот – темная сила, но мой обряд сильнее. Излечила тебя в первую ночь, пока ты у костра лежал, задыхался. Ты нужен Жрецам управляемый. Очень хотят сокровища предков получить. Однако тебе оно не нужно.

– А ты знаешь, что мне нужно? – удивляюсь. Мозг разрывается от информации. Если бы раньше не читал книги по парапсихологии, не смотрел передачи про экстрасенсов, наверняка бы думал, что сошел с ума. – Я сам порой не знаю, чего я хочу. Что мне нужно...

– Все ты знаешь, – улыбается. – Просто боишься признаться.

Молчим, каждый думает о своем. Смотрю на звездное небо. В городе среди искусственного света и звуков быстро забываешь о своей связи с природой. Забываешь о том, как жить и наслаждаться жизнью.

– Хочешь, расскажу мою любимую сказку? – спрашивает. – Мне мама рассказывала в детстве, а дед пересказывал.

– Расскажи, конечно, – улыбаюсь, прижимая таёжницу к себе.

– Сказка про волка и сову, – торжественно объявляет.

«В одной большой и процветающей долине жил-был Волк. Однажды вечером вышел поохотиться и услышал вдалеке прекрасную песню. Музыка была странная и очень красивая – он никогда не слышал ничего подобного в своей жизни. Долго шел по направлению к источнику удивительной песни и увидел Сову, которая сидела на дереве и пела. Волк оказался настолько заворожен прекрасным пением, что стал приходить к этому дереву каждую ночь, чтобы слушать ее песни о Луне, о звездной ночи, о красоте и свободе полета.

Однажды ночью, когда песня ненадолго затихла, Волк вышел из тени дерева и сказал: «Сова, ты прекрасна, а песни твои просто божественны. Я бы очень хотел попробовать спеть с тобой вместе». Сова не ожидала этих слов. Посмотрела вниз и увидела Волка, стоящего под деревом. «Я видела тебя много раз, молодой Волк, ты тоже очень хорош собой и удача всегда с тобой на охоте. Но ты из народа Клана Земли, а я принадлежу крылатому Клану Неба. Наши народы никогда ещё не пели вместе». «Да, это правда, Сова, но почему бы нам не попытаться, ну хотя бы одну песню?» – спросил Волк. Сова посмотрела вниз в глубокие и доверчивые глаза Волка и улыбнулась: «Да, почему бы и не попробовать?». И перелетела на нижнюю ветку, ближе к Волку. Ей было страшно, потому что народ Клана Неба боится народа Клана Земли,

но в глазах Волка увидела только любовь, доверие и желание петь вместе. Знала, что с ней ничего не случится, и тихо начала свою песню. И Волк нежно подхватил.

Они принадлежали разным кланам, и песни их казались совершенно разными. Но Боги соединили музыку в этот миг, и получилась единая Песня, которая стала невероятно сильной и красивой.

Все звери округи стали собираться вокруг дерева, привлеченные необычным зрелищем, околдованные взаимным пониманием и уважением между Совой и Волком. Забывшие о различиях, хищники и их добыча стояли вместе и слушали музыку, навеянную, как казалось, Богами. Но вот песня стала затихать, затихать и, в конце концов, затихла. Волк и Сова посмотрели в глаза друг другу, и слезы печали и понимания упали на Землю. В их музыке соединилось столько красоты и волшебства, но оба знали Правду.

Сова принадлежала клану Людей Неба, а Волк – к клану Людей Земли. И они никогда не будут вместе.

Волк медленно развернулся и ушел с низко опущенной головой. Сова улетела в ночное небо в слезах и с разбитым сердцем.

Иногда, поздно ночью, можно услышать песню Волка – он поет Луне песню, которую пел когда-то вместе с Совой. Сова тоже поет свою песню по ночам: «Ну где же ты, где же ты, любимый...»

– Хорошая сказка, только грустная, – говорю. – Почему-то показалось, что я – Волк, а ты – Сова.

– Ты понял! – восхищенно шепчет и, обняв, целует в щеку.

– Ты хотела сказать сказкой, что мы не сможем быть друг с другом, потому что очень разные? – уточняю.

– Да, – тяжело вздыхает.

Приподнимаю рукой лицо, чтобы увидеть взгляд. Ладонь становится мокрой. Девушка плачет. Смотрит на меня и плачет. Молча. И столько боли и печали в девичьих глазах, что не сдерживаюсь и, крепко обняв, целую в губы, в соленые щеки и глаза. Та замирает, словно не веря тому, что это происходит с ней, и радостно обнимает. Словно сдавила тисками.

– Ну полегче, медведица, – выдыхаю. – Рёбра сломаешь.

– Ой, – спохватывается и отпускает. – Опять силушку не рассчитала. С тобой не получается себя контролировать. Всю себя хочется без остатка отдать.

– А мне хочется тебя защитить почему-то, – задумчиво говорю, застигнутый врасплох такой откровенностью. Если бы такое сказала девушка в городе, подумал бы, что говорит про секс. Но смысл слов Шаманки совсем другой.

– А что за испытания меня ждут? – спрашиваю.

– Мне нельзя говорить, – нехотя отвечает. – Ты сам должен разобраться, что за испытания и для чего даются. Иначе придется повторно проходить, но с более тяжелыми последствиями.

– Ну, например, ну подскажи, – прошу.

– Хорошо. Ты прошел два испытания из трех. Победил алчность. Золото на горе не стал брать. Победил гордыню. Принял путь познания истины. Стал изучать то, что мы даём. Тебе это пригодится. Трудно будет и в людях разочаровываться, и друзей терять, и пытки терпеть.

– Какие потери? Какие пытки?

– Нельзя мне говорить! – сердится, неувликимым движением освобождается из объятий, резко встаёт. Беру за ладонь, но Аня резко вырывает ее из моих рук.

– Зачем тогда говоришь?

– Не могу отказать в просьбе, – нехотя признается. – Убережь тебя, глупого, от беды хочется.

– Ты сказала, что еще третье испытание пройти надо, – перебиваю. – Какое?

– Придет время – узнаешь, – говорит. – Очень трудным будет. Не знаю, справишься или нет.

– Готов рискнуть! – говорю, решив доказать во чтобы то ни стало, что справлюсь.

– А если провалишь? – сурово спрашивает. – Готов поставить все на карту?! Готов поставить свою жизнь?!

– Убьешь меня? – улыбаюсь, надеясь, что это шутка.

– Я – нет, – серьезно отвечает. – Тайга – да!

Мы замолкаем.

– Хорошо, – говорю. – Я пройду испытание. Ты только скажи, почему не убьешь меня, если провалю его?

– Не могу убить того, кого люблю, – тихо отвечает и, легко вскочив, добавляет: – Нужно развести костер и включить музыку.

– Но ведь ночь на дворе...

– Боишься соседей разбудить? – смеётся, идёт к дровнику. На ощупь пробираюсь в свою комнату за ноутбуком. За время, пока здесь, ни разу к нему не прикасался.

Во дворе пылает костёр. Включаю ноутбук. Таежница протягивает кружку с ароматным напитком: «Выпей это».

– Приворотное зелье? – шучу. Шаманка улыбается: «Конечно, приворотное. Будешь за мной, как собачонка, бегать. И тявкать».

– Посмотрим, – злюсь и залпом выпиваю.

– Включи музыку, что играла в машине, – просит Аня, убирая кружку. Ищу видео с танцами.

– Давай посмотрим, как танцуют, – шепчет.

Усаживается мне на коленки. Включаю видео. Зажигательный танец в исполнении мулатки и русского парня пролетает незаметно.

– Давай танцевать, – шепчут губы.

Включаю музыку на полную громкость, обнимаю в танце девушку. Клянусь, что она в точности повторяет движения

мулатки, хотя видит танец впервые.

Играет другая, третья песня. Девушка в легком платье, на голое тело, без нижнего белья. Ночь. Кругом никого. Тихо. Романтично. Сексуально. Чувствую жар юного тела, пьянящий запах женщины. В голове словно щелкает. Бешено стучит сердце, накатывает дикое возбуждение. Мощная волна звериного вожделения пронзает меня, что останавливаюсь. Девушка, улыбаясь, отходит на шаг, снимает платье. Оставшись голышом, танцует и движется вокруг костра, в сексуальном ритме под музыку «кизомбы». Не отрываясь, смотрю на обнаженное тело, как вздрагивают в такт и двигаются грудь и бедра. Словно пелена перед глазами. Накатывает вторая волна вожделения. Первобытное чувство похоти полностью поглощает разум. Хочется наброситься на юное тело и грубо овладеть. Странно. Всегда контролирую эмоции, желания. Впервые чувствую, как из глубины души рвется жадный похотливый монстр.

Играет ритмичная музыка гоу-гоу, и девушка, повернувшись ко мне спиной, ритмично трясёт упругой попкой в такт мелодии. Со стороны кажется, будто с кем-то совокупляется. А Шаманка, дразня, наклоняется, выставя женские прелести. Чувствую непреодолимое желание овладеть ею. *«Овладеть и грубо насиловать, причиняя боль»*, – пульсирует в голове.

«Причиняя боль», – повторяю вслух. Понимаю, что если изнасилую девушку, поддавшись действию напитка, то не

смогу себе этого простить.

Таежница, сладострастно извивается в танце, изображает похотливые движения. Мысленно переношусь на одну из дискотек, где девчонки так танцуют, проявляя сексуальность. Вспоминаю себя. Как жадно смотрю на упруго прыгающие женские прелести, обтянутые короткими шортиками. Здесь шорт нет. Естественная нагота. Откровенный танец самки перед самцом. Осталось протянуть руку и овладеть. Самкой, телом дающей команду: «Возьми меня».

Стало стыдно. За то, что силу воли так легко подавить сексуальной энергетикой. «Я что – животное?!» – задаю немой вопрос, смотрю на манящий живот. Танцовщица откровенно улыбается, манит к себе, проводит рукой по груди и животу (словно похотливая шлюха из дешевого фильма). Чтобы не видеть этого, резко разворачиваюсь, иду к реке. Таёжница зовёт, но не оборачиваюсь. Каждый шаг даётся с трудом. Напряжение в паху отдаётся болью. Тело требует сексуальной разрядки.

– Хрен тебе, а не секс, – зло бурчу и, быстро раздевшись, захожу в холодную воду. Речка словно нехотя принимает меня. Задержав дыхание, погружаюсь с головой под воду. Тело рвётся наверх. Когда сил не остаётся, чтобы терпеть холод, вынырываю. Ору, добавляю в крик злость, отчаяние и дикое сексуальное желание.

– А-а-а-а-а-а, – ору, что есть сил. Глубоко выдыхаю воздух, ныряю с головой, вынырываю и кричу. Так продолжа-

ется несколько раз, пока тело не начинает бить холодная дрожь. Стуча зубами от холода, выбираюсь на берег, приседаю и прыгаю, чтобы согреться. Возбуждение проходит.

Возле костра под музыку танцует обнаженная Шаманка. Увидев меня, стремительно подбегает и, обняв, проводит рукой по мокрым волосам.

– Ну куда ты убежал? – спрашивает с укоризной и, прижимаясь горячим телом, шепчет: – Давай танцевать. Такая красивая песня.

Мы кружимся в медленном танце под звуки группы Scorpions.

– May be I, may be you, – поет солист.

Мозг взрывается от дикого первозданного сексуального чувства. Хочу плотского удовольствия. Девушка провоцирует, сжимает мои ягодицы. Желание близости становится непреодолимым. Смотрю в лицо. Глаза закрыты. Как искра, вспыхивает в голове картинка. Встреча на дороге глазами и понимание, что это не случайность. Осознаю, что грубость растопчет девичьи мечты о счастье. Ощущение, что причину нестерпимую, душевную боль придаёт силы. Отодвигаю нежное девичье тело, бегу во тьму леса.

Бегу, куда ноги несут. Резкая боль в животе приводит в чувство. Граница усадьбы. На мне нет браслета из желудей, и я не могу уйти. Но нужна физическая боль, чтобы забить зов плоти.

Делаю шаг к стоящему в темноте дубу, еще. Волна боли

сотрясает тело. Падаю и ползу. Живот крутит сильная боль. Группируюсь, прыгаю к дубу, падаю. Словно дубинкой по голове огрели. Парализованный от боли, беспомощно смотрю на гигантский дуб. Не могу пошевелиться. Злость: на себя самого, на Шамана и Шаманку с их играми, на всё вокруг. Встаю на четвереньки, преодолевая боль, группируюсь, прыгаю прямо на вековой дуб. В полете теряю сознание от боли, прикасаясь к дубу. Рука отдергивается, словно прикоснулась к электрической линии. Погружаюсь в беспамятство.

* * *

Диктофонная запись 4 (расшифровка).

– Деда, что делать? – возбужденная танцем и новыми ощущениями, спрашивает девушка.

– Оденься, – строго говорит старик. – Нечего сиськами трясти.

– А куда он убежал?

– В лес. С похотью борется. Не хочет тобой силой овладеть.

– Я что-то делаю не так? – спрашивает, накидывая платье.

– Все так, внучка. Нам теперь спасти его надо. Умереть может. К дубу-хранителю ползет. Бежим, пока его сердце от боли не остановилось. Видишь, как любит тебя? Готов умереть, лишь бы тебе боль не причинить. Ох, не успеем бегом, лететь надо.

Утром просыпаюсь в своей постели. Ничто не напоминает о событиях прошедшей ночи. Два часа дня. В доме, как обычно, стоит тишина.

Речная прохлада приятно освежает, с наслаждением умываюсь, чищу зубы. Вспоминаю сцену ночного купания и помощь реки.

– Спасибо тебе, речка мудрая, – говорю вслух, целуя воду. – Спасибо за мудрость.

– Ой, кто тут у нас с речкой разговаривает? – слышу насмешливый голос Шаманки. – Ты что – сумасшедший с речкой разговаривать? Раньше надо мной подсмеивался, а теперь сам разговариваешь...

– И тебе здравствуй, девка похабная, – бурчу, разозлившись, что застала врасплох.

– А чего это я девка похабная? – сердится.

– А как тебя называть? Забыла, как у костра танцевала, срам выставляла? Не стыдно сиськами перед мужиком трясти?

– А тебе не стыдно пожирать глазами и бесстыдные сцены со мной представлять?! – кричит.

– А нечего ко мне в голову лезть, – бросаю, проходя мимо. – Домой поеду. Нечего мне здесь делать. Не хочу кроликом подопытным быть.

– Кто же тебя отпустит? – злится. – Никуда не поедешь! Дубы не отпустят!

– Плевать хотел на дубы! – злюсь, повернувшись, тихо говорю: – Сказал уеду – значит, уеду. Сдохну возле дубов, но здесь не останусь!

Шаманка, услышав в голосе угрожающие интонации, от удивления делает шаг назад, шепчет: «Дед сказал, что ты прошел третье испытание».

– Ну и что за испытание? Как называется? Наркота под коньяком? Мухомор в сиропе? – усмехаюсь. Хочу нагрубить.

– Ты победил похоть, – спокойно отвечает. – Справился со страстью и не превратился в безумного самца.

– Ой, можно подумать, можно подумать, – нарочно смеюсь. – Не очень-то и хотелось тобой овладевать! Если бы захотел, то давно сделал, и магия не защитила бы!

– А ты попробуй! – вмиг перестав улыбаться и мгновенно посерьезнев, шипит таежница.

– Не бью женщин и не использую насилие, – улыбаюсь, собираясь уйти.

Сильный удар в лицо ногой и вопрос: «Даже если женщина хочет тебя убить?»

– Будет больно, девочка, – злюсь и получаю сильную оплеуху. Атакую рукой, промахиваюсь, получаю по чувствительным местам. Чувствую, что закипаю от злости, бросаю обидные слова: «А ты что на мужика набрасываешься? Самой хочется, а никто не зарится? Спряталась в тайге и мужиков

заколдовываешь? Если мужик не зарится – силушку демонстрируешь?».

Слова, сказанные в злобном угаре, попадают точно в цель. Разъярившись, девушка бросается в атаку, вскрикивает от острой боли. Жесткая локтевая защита на её атакующие участки ног и рук, и Шаманка падает лицом в землю. Мгновенно придавливаю соперницу к земле, заломив руку так, чтобы нельзя было пошевелиться.

– Ты, оказывается, реагируешь на слова, – шепчу. – Ты уязвима! Признавай поражение в бою.

Вместо ответа рычит, пытаюсь освободиться. Усиливаю болевой захват. Пытается вырываться, от невыносимой боли в разрываемых связках и отчаяния плачет.

Услышав плач, ослабляю зажим и, резко подняв с земли, подхватываю девушку на руки. Прижимаю, шепчу: «Прости меня. Не знаю, что нашло. От ваших напитков постоянные глюки. Сам не свой. Не понимаю, что происходит. Страстно хочу тебя, но понимаю, что это просто похоть, вызванная напитками. Понимаешь, не хочу так. Между теми, кто любит, не должно быть фальши. Такое чувство, что ты не договариваешь, просто используешь. Не могу объяснить логически, но чувствую. Понимаешь меня?».

Выпаливаю с такой скоростью и болью, что сам удивляюсь.

– Я понимаю тебя, – тихо отвечает. – Прости меня.

– Простить тебя? За что? – изумляюсь.

– Ты прав в своих словах. Да, я – колдунья. Сажу в лесу, как отшельница. Выполняю свое предназначение. Берегу себя для высшей цели. Заманиваю в лес мужчину, чтобы зачать от него ребенка. Знаю, что никогда не буду жить рядом с ним.

– Ты бредишь? Я тебя не сильно стукнул?

– Нет, не брежу, – шепчет. – Я звала тебя через обрядовую магию. Снились по ночам. В ночь затмений ты мне приснился, и я решила, что ты – мой суженый. Я использовала магию – правда. Думала, ты – мой суженый. Я ошиблась!

– Так это правда? Все ради какой-то абстрактной цели? – не верю своим ушам.

– Отпусти меня, – просит. Ставлю на землю, отпускаю. Шепчет: «Прости меня».

Отвернувшись, сгорбившись, хромот к дому, подворачивает ушибленную ногу на ямке, падает на землю. От отчаяния и непонятной тоски плачет, сначала тихо, а потом в полный голос. Воем. Давно не плакала, что и забыла, как это.

Вздрагивает, когда её обнимают сильные руки, поднимают с земли. Не хочет открывать глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом. Потому что понимает, что он сильнее. Что победил в этой схватке. Что оказалась не готова, что будет так больно любить. Не хочет признаваться, что сильно влюбилась.

Вздрагивает, когда заплаканные глаза целуют теплые губы.

– Ты такая красивая, – слышит шёпот, медленно открывает глаза.

Нежно провожу рукой по заплаканному лицу, признаюсь: – Я люблю тебя. Давно хотел сказать, но не решался.

– Почему?

– Не знаю. Не привык раскрываться.

– Я тоже не привыкла, – шепчет. – С тобой всё как-то по-особенному. Думала, точно знаю, что делать, как будет дальше. Чувствую себя душой. Реву, как ненормальная. Не плакала столько лет. Зачем ты приехал?

– Ты позвала меня, – улыбаюсь, нежно целую в губы. – Ты сейчас настоящая, такая ты мне нравишься.

– Правда? – шепчет, обхватив, начинает целовать. – Ты правда не сердишься?

– Нет, уже нет, – улыбаюсь, отвечая на поцелуи.

– Не уезжай, любимый. Останься еще на несколько дней. Пожалуйста. Так много хочется рассказать и показать.

– Хорошо, – отвечаю. – Пойдем домой, малышка.

Дома старика нет. На столе записка. Девушка читает вслух: «Би буа хуэнтифини нгэнэми (*Я ухожу в тайгу*)».

– Дед ушел в тайгу, – переводит.

– Специально ушел, да?

– Да. Хочу истопить баню, чтобы провести ритуал новобрачных, – тихо отвечает. – Это древний ритуал. Если согласишься, то мы будем считаться мужем и женой навеки. Ты не сможешь жениться и завести семью до тех пор, пока я жива.

– Что, все так серьезно? А как же твое предназначение? Как же то, что никогда не будешь жить со своим мужем?

– Я могла бы соврать, – шепчет. – Сказать, что ты меня забудешь и сможешь жить прежней жизнью. Что всё будет, как в прошлой жизни. Не хочу врать! Не хочу, понимаешь! Не хочу, чтобы проклинал меня! В постели с другой женщиной ты будешь видеть моё лицо и чувствовать не её запах, а мой. Так будет, родной, если ты согласишься.

– Да-а-а-а-а, – протягиваю вслух. – Задала задачку. А что, никаких бонусов не будет?

– Каких бонусов? – искренне не понимает.

– Ну ты так описала все в мрачных тонах. Я думал, что любовь к Шаманке дает счастье.

– У тебя будет сила, моя защита. Я всегда буду с тобой.

– Тебя не поймешь, ты же сказала, что мы не будем вместе...

– Да, физически не будем. Но духовно и телепатически я буду рядом. Тебе нужно лишь мысленно позвать меня.

– А почему не будем физически вместе? Что нам мешает?

– Твой сын.

– Какой сын?

– Мое главное предназначение – родить сына. Наследника. И передать особый Дар.

– А как же семья, брак, совместная жизнь, детский сад, школа? – растерянно бормочу.

– Родной, это и есть твой выбор. Пройти обряд и стать

суженым или забыть меня!

– А ты можешь заколдовать? Сделать приворот, чтобы я сходил с ума без тебя?

– Могу, но не буду! – твердо отвечает. – Ребёнок должен родиться от свободного человека, а не замороженного.

– А я смогу его видеть? – тихо спрашиваю. – Невыносимо жить, зная, что сын растёт без отца. Не смогу так жить, ты же знаешь.

– Знаю. Не могу рассказывать про будущее. Обещаю, что будешь участвовать в его жизни.

– Обещаешь? Не будешь препятствовать встрече с моими детьми?

– Детьми? – удивляется. – Откуда ты знаешь?

– Хочу от тебя много детей, родная, – смеюсь. – Никто мне больше не нужен.

– А как же Диана?

– Она пришла до тебя, – шепчу. – С ней классно, но я не люблю ее. А тебя – люблю. Хочу быть с тобой.

– Родной мой, – обнимает, плачет. – Я так боялась, что откажешься. Никогда не думала, что любить так больно. Боюсь тебя потерять. Кажется, что давно тебя знаю.

– И мне кажется, что мы в прошлой жизни жили вместе, – улыбаюсь. – Я согласен на ритуал. Навеки – значит, навеки.

* * *

Пока топится баня, будущая супруга плавно передвигается по дому и поёт на своём наречии.

Зажигает благовония. Застилает постель белоснежной простыней. В действиях всё выверено. Ритуал начался.

В бане царит полумрак. По углам горят свечи. В воздухе витает запах таежных трав.

– Раздевайся. Ложись на лавку на живот, – говорит будущая супруга, раздевается.

На тело льётся теплая вода. Шаманка поёт. Не понимаю слова, знаю, что о любви.

Руки ласково моют. Теплая вода словно смывает грязь времен.

Пение прекращается. Чувствую поцелуй. Чистый, целомудренный.

Супруга не спешит, наслаждается каждым движением.

* * *

Голышом, в майский вечер, опьяненный от любви и счастья, несу любимую на брачное ложе. В комнате пахнет таежными травами.

В постели девушка шепчет: «Всегда мечтала, чтобы суже-

ный был сильным и страстным. Я люблю тебя».

– И я тебя люблю, – отвечаю. – Я хочу от тебя сына.

– Я тоже, – шепчут губы.

* * *

Лежим, не шевелясь, словно прошла вечность. Аня всхлипывает от переполнявших чувств и нежности. Прижимается, не отпускает, словно боится, что движения нарушат гармонию.

– Я люблю тебя, родной, – шепчет. – Я всегда буду тебя любить!

– Я тебя тоже люблю, – улыбаюсь. – Я тоже буду любить тебя всегда.

– Ты хочешь остаться?

– Конечно, да, – не раздумывая, отвечаю. – Просто не могу долго сидеть без дела. Ты же знаешь.

– Знаю, – вздыхает. – Не уходи... Я к тебе привыкла. Кажется, что всегда жил рядом.

Предлагаю: – Может, ты поедешь со мной?

– Нельзя, – печалится. – Мне нельзя жить среди людей.

– Почему?

– Я погибну или кто-то другой. Я – ведьма. Светлая, но ведьма. Ты не представляешь, как трудно находиться среди людей, живущих неправильно. Знать, как и когда кто умрет и что с ними будет. Это невыносимо!

Не засекаю время, не смотрю по сторонам. Есть лишь двое в ночи: Шаманка и Странник. Мы вместе решили создать новую жизнь. Дать друг другу частичку своей души.

Долго ласкаем друг друга, стонем и кричим от страстных ласк. Всё сливается в пелену удовольствия и безумного счастья.

Обессиленный, счастливый, откидываюсь на подушку и наблюдаю. Шаманка чертит на своем и моем теле знаки и иероглифы, произносит незнакомые слова молитвы. Повторяю слова молитвы вместе с ней. Обмениваемся в ночи деревянными кольцами. Бесконечная нега. Проваливаюсь в сон.

* * *

Просыпаюсь и крепко обнимаю любимую. Аня открывает глаза, шепчет: «Доброе утро, любимый».

– Доброе утро, любимая, – шепчу, с бесконечной нежностью.

– Йэми эуху хулиу?! (*Почему, почему же я проспала?!*) – улыбается, видя, как светло за окошком. – Тэнэ бай-бэдэ, дзигдам инэдэлэй! (*Такое, пожалуйста, впервые, чтобы проспать до самого ясного дня!*)

– Би айауми, Гауня (*Я люблю тебя, Гауня*), – шепчу и страстно целую.

– Откуда ты знаешь мое настоящее имя? – изумляется.

– Услышал, как дед обращается, – шепчу. – Би мамасанаи

биэ! (*Будь моей женой!*)

Девушка плачет. От счастья. И я плачу. За долгие годы нахожу приют и островок, где можно не бояться, быть самим собой. Открыть душу и не бояться плевка.

Долго лежим в постели. Говорим, смеёмся, счастливо спорим, лишь бы поспорить, целуемся и ласкаем друг друга. Без обмана и притворства. Полностью отдаёмся друг другу.

* * *

Говорим, говорим. Рассказываем истории из жизни, веселые и грустные, интересные и не очень.

Не притворяемся. Не изображаем кого-то.

* * *

Ночью Шаманка делает древний массаж. Тихо поет песню любви на удэгейском. Ласкает.

Нежность. Чистая нежность двух любящих сердец. Мир замер в ожидании чуда. Чуда сотворения новой жизни.

* * *

Диктофонная запись 5 (расшифровка).

– Что скажешь, внучка?

– Ты скоро станешь прадедушкой, – улыбается. – Мой сын станет шаманом.

– Уверена?

– Я точно знаю.

– Когда супруга отпустишь?

– Скоро, – задумывается. – А можно не отпускать?

– Нельзя! Ты должна выполнить свое предназначение, он – своё. Ты – родить сильного сына и продолжить наш великий род. Он – найти путь к наследию рода. Его предназначение – найти путь.

– А если погибнет? Я же люблю его.

– Не погибнет. Ты не дашь умереть. Любовь победит.

– А если я умру?

– Ты не умрешь. Любовь спасет вас обоих.

– Можно, чтобы ты не ночевал в доме? Стесняюсь.

– Хорошо. Посплю на сеновале. Прикрою ваше счастье от посторонних глаз.

– Зачем?

– Когда ты с ним, становишься уязвимой. Тебя легко обнаружить. Подобраться и погубить.

– Почему?

– Когда ты счастлива, перестаешь контролировать, что происходит вокруг.

– Но как тогда жить?

– Просто будь счастлива с ним, внучка. Я прикрою!

– Спасибо, дедушка. Жаль, что родители погибли и не ви-

дят, как я счастлива.

— Потому и погибли, что были счастливы вдвоем, — вздыхает.

* * *

На следующее утро, проснувшись, не вижу возлюбленную в постели. С удивлением, словно впервые, осматриваю жилище. Светлая комната. Стул, комод, кровать — всё из кедрового дерева. Простота жилища обескураживает. Нет косметики, духов и других признаков озабоченной сохранением красоты женщины. Словно ей и не нужно.

Аккуратно заправляю ложе и, взяв со стула одежду, голышом отправляюсь в свою комнату.

Странное свойство хозяев, что по утрам их нет дома, не удивляет.

Утренний моцион. Зарядка с силовыми упражнениями, отработка боевых упражнений, холодный душ в реке — словно так делал всегда. На душе умиротворение и гармония, что кажется — это чудесный сон.

Сажусь в позу для медитаций возле реки, закрываю глаза. Слушаю журчание воды, думаю о Шаманке. Представляю лицо, глаза, улыбку и мысленно говорю: «Я люблю тебя, солнышко мое таежное».

— И я тебя люблю, счастье мое неожиданное, — слышу голос в голове. Чувствую, как нега и умиление разливаются по

телу.

– Би айауми, Гауня (*Я люблю тебя, Гауня*), – посылаю мысленно ласковый поцелуй в губы.

– Би айауми (*Я люблю тебя*), – слышу, ощущаю теплоту ответного поцелуя.

– Мне хорошо! Я счастлив! – мысленно кричу. – Ты мое чудо лесное!

– Я тоже счастливая, – шепчет. Чувствую (или мне кажется), что теплые руки словно обнимают меня. – Скоро приду. Иди в дом, любимый.

Открываю глаза и понимаю, что безумно счастлив и влюблен. Здесь мой дом и любимый человек. Не хочу никуда уезжать.

Встаю. Медленно иду к дому. Меряю шагами расстояние от реки до огорода.

В голове рождается идея соорудить естественный водопровод. От речки до угла огорода около 200 шагов, примерно 150 метров. *Когда мы шли в прошлый раз к скале, видел свалку из пластмассовых бутылок. До нее около часа ходьбы.*

Объясняю хозяевам, что хочу сделать. Оба молча выслушивают.

– Ты хочешь это сделать? – переспрашивают. Услышав утвердительный ответ, дед кивает: «Хочешь делать – делай».

Таежница, вернувшись из леса, словно светится от счастья, загадочно на меня поглядывает. Что-то хочет сказать,

но сдерживается. Услышав план по искусственному орошению огорода, радостно хлопает в ладоши, умоляюще смотрит на деда. Тот машет рукой, мол, делайте, что хотите.

Идём с ней вдвоём в лес. Беру пустые мешки, нож и разгрузочный жилет с необходимыми инструментами для выживания.

Шаманка надевает на руку браслет из желудей. Спрашиваю, зачем это нужно.

– Понимаешь, родной, – спокойно шагая рядом и держа за руку, объясняет. – Сейчас ты видишь мирный лес. Тебе спокойно и хорошо. И мне – хорошо. Это временно. Мы оба это понимаем. Точнее – ты понимаешь, а я знаю. Вокруг много ненависти и злости, грязи и черных душ. Нас с дедом ищут враги. Если будем жить в городе – погибнем! В лесу чувствуем себя, как дома. Это наш лес. Наша тайга. Наша Матушка-Природа. Наша Родина. Нам силушку дает и возможность вершить добрые дела. Это мешает темным силам, и они пытаются нас уничтожить. Но для этого им нужно всю тайгу уничтожить сначала. Поэтому безжалостно вырубается лес да за границу – в Китай – за бесценок вывозится. Поэтому ежегодный пал происходит, чтобы силы леса уменьшить. Ищут нас, понимаешь?!

– А если найдут – убьют? – недоверчиво спрашиваю.

– Да, – вздыхает. – Трудно нас убить, но можно, мы же люди. Я – Человек, а не чудище лесное. Я – Женщина, что родит новую жизнь. Трудно нас найти. Мы хорошо прячемся.

К нам попасть невозможно. Вокруг дома по периметру, как ты заметил, дубы-охранники стоят. Тот, кому не положено, не зайдет.

– Ага, – улыбаюсь, вспомнив ощущения от приближения к дубу. – Но вас можно с воздуха увидеть и из космоса. Могут с воздуха напасть.

– Могут, – соглашается. – Но мы заранее узнаем, что к нам интерес с неба проявляется, и прячемся.

– Откуда узнаете?

– Постараюсь объяснить, – ласково гладит меня, как несмышленное дитя. – Матушка-Природа нас предупреждает об опасности. Слышим мы ее. Еще не потеряли навыки слышать.

– А почему мне рассказываешь? – тихо спрашиваю. – Вдруг где-то проболтаюсь?

– Не проболтаешься, – заверяет. – Я за тебя поручилась и перед тайгой замолвила словечко. Да и ты будешь молчать обо мне.

– Почему? – удивляюсь. Так хочу рассказать друзьям, родителям о своей встрече в лесу.

– Не захочешь меня и своих деток губить, – вздыхает. – Будешь помнить, что небрежно брошенное слово нас сгубить может.

– Да откуда ты так уверена про деток? – искренне удивляюсь. – Только сутки прошли, как мы сблизились. У людей годами не получается детей зачать.

– Ой, дурачок ты, – смеётся и, обняв, шепчет горячо на ухо: – Когда двое хотят создать новую жизнь, им ничто не в силах помешать. А сегодня утром духи сказали, что сразу двое будет. Мальчик и девочка. Я-то думала одного рожу, а тут такое счастье – двое сразу! Спасибо, любимый!

– Как двое? – опешиваю, обескураженный искренней серьезностью и неподдельной радостью. Не знаю, что говорить.

– Я рожу в феврале двоих малышей, – улыбается. – Плохо, что холодно будет, но не переживай – справлюсь.

– Как в феврале?! – вскрикиваю. Представляю, как будет по колено снега и никто не сможет приехать. Усевшись на землю, обхватываю голову руками. – Как же ты без врачей рожать-то будешь?

– А не надо врачей, – улыбается, присев рядом, нежно обнимает. – Я здоровая Шаманка. Построю родильный шалаш. Сама рожу. Есть девять месяцев на подготовку. Что ты так переживаешь?

– Я боюсь, – шепчу, крепко обнимая. – Ты не представляешь, как опасно рожать. Сколько женщин и детей погибает...

– Миленький, – шепчет. – Я справлюсь. Наши детки по любви зачаты, значит, все хорошо будет. Ты же хотел детей, правда?

– Да. Очень, – признаюсь. – Я и на горе загадал, чтобы ты родила мне сына.

– Вот и рожу. Вот увидишь, – убеждено шепчет, и мы нежно целуемся.

– Так ты точно знаешь, что беременна? – спрашиваю после поцелуев.

– Ну конечно, – смеется. – Я же Шаманка. Всегда точно знаю. А сегодня еще и духи подтвердили, что двойня будет. Я такая счастливая!

– И я, – улыбаюсь, вспоминаю о разлуке и мрачнею.

Девушка мгновенно улавливает мой настрой и обеспокоенность, спрашивает: – Что? Что случилось? Что не так?

– Я, – слова словно застревают в горле, – я не знаю, как смогу жить вдалеке от тебя. Как жить и знать, что ты рядом. Буду рваться к тебе. Приезжать, чтобы увидеть.

– Закрой глаза, любимый, – шепчет. Послушно закрываю.

Перед глазами возникает картинка. Иду к домику шаманов, а за мной следом стая волков и люди в черном. Растерзанное тело Шамана. Горящий дом, запертый снаружи. Слышу крики детей и Шаманки.

Открываю глаза, судорожно дыша. Шаманка печально говорит: – Так будет, если начнёшь меня искать. Приведёшь следом убийц своих детей. Ты этого хочешь?

– Нет, – шепчу, плачу. Давно не плакал и думал, что разучился. Больно и горько осознавать, что вынужден любить лесную жену и детей на расстоянии. Что не смогу обнять, вдохнуть запах родных тел и побыть с ними.

– Ну не плачь, родной, – шепчет, гладя по голове. – Не убивайся так. У нас вся жизнь впереди. Увидимся, и не раз.

– Правда?

– Конечно, – улыбается. – Если меры предосторожности предпринимать будем.

– А как? Что надо делать? – успокаиваюсь, узнав, что есть шанс.

– Меня через тебя обнаружить можно. Через сотовый телефон, машину, фотоаппарат, видео.

– А через фотоаппарат-то как? – удивляюсь. Ранее читал статьи о способах слежения с помощью сотовых телефонов, жучков и компьютерных программ.

– Фотография, – объясняет, – энергию места хранит. Знающий человек может определить точные координаты места. Поэтому редкие книги запрещают фотографировать, чтобы темные силы не нашли их и не уничтожили.

– Как это возможно?

– Точный ракетно-бомбовый удар. Координаты же известны. А если координат нет, то с воздуха смерть не прилетит нашим деткам. Удали фотографии, что в первый день делал. Удалишь?

– Удалю, – обещаю. – Всё сделаю, чтобы защитить тебя и детей.

– Всё, да не всё, – грустно шепчет.

– Что не так?

– Пока ты занят поиском разгадки статуэтки, мы в опасности.

– И что прикажешь делать?

– Приказывать не могу и просить не буду, – отвечает. – В

пещере смерть ждет тебя и твоих друзей. Смерть, если пойдете. А запретить идти не могу.

– Зачем тогда говоришь?! – злюсь.

– Да потому, что люблю тебя! – говорит, как несмысленно-мудитяти. – Знаю, что будет дальше, да вмешиваться нельзя. Думаешь, легко осознавать, что любимый, отец моих детей на верную смерть идет, а я даже остановить не имею права?!

– Почему не имеешь права?

– Предназначение, – шепчут губы. – Нельзя отменить предназначение человека. Иначе впустую жить будет и в рай не попадет. Душа маяться всю жизнь будет, что что-то сделал не так, не совершил. Грех это – предназначение человека менять. Ты сам должен решение принять.

Возвращаюсь из леса с большой торбой в виде мешков с полиэтиленовыми бутылками, приступаю к работе. На свалке заранее обрезал дно и горловину у бутылок одинакового диаметра. Вставляю плотно одну бутылку в другую, чтобы получился пластмассовый шланг. Шаг за шагом приближаюсь к реке, вытаскиваю из мешков подрезанные бутылки. Вот и речка. Из камней сооружаю импровизированную водонапорную башню. При необходимости можно поднимать трубопровод над водой и не заливать огород водой. Кладу один конец импровизированного трубопровода в реку и сверху и сбоку зажимаю камнями. Течение реки проверяет на прочность крепость сооружения и направляет часть воды в новом направлении. Радостно бегу вдоль трубопровода,

наблюдая, как вода устремляется к грядкам. В голове рождается картинка самодельной оросительной системы и системы регулировки воды. С жаром рассказываю хозяевам свой план. Они молча выслушивают и отрицательно качают головами.

– Не надо, – спокойно говорит девушка. – Достаточно того, что сделал. Спасибо.

– Но почему? – искренне не понимаю.

– Дед говорит, что этого достаточно, – говорит Шаманка, обнимая. – Спасибо, родной. Теперь легче будет летом поливать огород. Раньше таскала в ведрах.

– Тебе же нельзя тяжести носить будет, – вспоминаю, в надежде убедить.

– Этого достаточно, – спокойно, но твердо отвечает. – Пойдем, я тебя покормлю.

После обеда сижу под навесом, размышляю, чем заняться. В голове вспыхивают обрывки фраз, картинки, диалоги. Закрываю глаза, чтобы понять, что пропустил в размышлениях. *«Я стану отцом. У меня родится сын и дочь. В феврале, – услужливо вычленяет мозг самое важное. – Надо сделать детские игрушки».*

Мысль о детских игрушках сразу захватывает, подскакиваю из-за стола. Девушка удивленно смотрит, слушает рассказ об этой затее. Счастливо смеётся, просит: «Когда будешь делать игрушки – пой что-нибудь. Игрушки запомнят голос и деткам передадут твою любовь».

Сначала рисую на листочке варианты игрушек.

Раскладываю на столе подручные материалы и инструменты. Нож, ножницы, клей «Момент», куски лески, спички, срезанные с одежды пуговицы, кусочки листьев, орехи, шишки, желуди. Мастерю.

Делаю из шишек ёжиков и медвежонка, лошадку и котенка, пою колыбельные песни. Так увлекся занятием, что не замечаю, как темнеет.

– Вот смотри, – улыбаясь, показываю жене игрушки. Дальнейшие действия поражают. Девушка встаёт передо мной на колени, берёт игрушки в руки, кланяется: «Спасибо, родной».

– Ань, ты чего? – опешиваю. Она с улыбкой встаёт с земли и говорит: – Это часть твоей души, Ты, когда пел, думал о детях. Игрушки теперь сильнее всех амулетов будут, потому что в них любовь. Любовь отца. Детки теперь под двойной защитой. Моей и твоей.

Супруга уходит с игрушками в дом, бережно прижимает к сердцу. Её слова и действия озадачивают. Когда девушка вернулась на веранду, говорю об этом.

– Понимаешь, любимый, – отвечает, – у тебя разорвана связь с Природой, как и у многих людей. Интуитивно чувствуешь, что нужно делать, но понимание не сразу приходит. Поэтому не ведаешь, как опасны твои действия необдуманные.

– Это как? – обижаюсь. – Я всегда думаю, что делаю. И

отвечаю за последствия.

– Хочешь увидеть последствия необдуманных шагов? – серьезно спрашивает.

– Да, покажи мне! – меня такая злость берёт.

– Дед покажет, – сурово говорит. – Принеси дрова для ритуального огня. Выбери семь поленьев.

Когда вернулся с поленьями, быстро разжигает костер.

– Ещё не передумал?! – строго спрашивает. Меня настаораживает тон, но желание не показаться слабаком не дает возможности отступить.

– Нет, – улыбаюсь.

– Нуани мэйэни мэйэку, гунэи кала чуль одзонгони (*Он упрямый, как сказал, так и сделает*), – говорит дед, подходит с веревками.

– Дед тебя привяжет, чтобы хорошо освоил урок, – сурово говорит таежница и спрашивает: – Точно хочешь этого? Раздевайся полностью.

– Да, хочу, – злюсь и раздеваюсь. Дед молча обвязывает мне кисти рук и ног, делает неуловимое движение, и веревки, впиваясь в тело, растягивают в стороны. Как на дыбе повис, распятый над землей.

– Ну и что будет дальше? – через боль улыбаюсь. Супруга печально говорит: – Сейчас дед пытаться начнёт, и ты расскажешь все секреты.

– И что будет спрашивать?

– Где ты спрятал статуэтку.

– А что в голову залезть нельзя, чтобы узнать? – пытаюсь шутить.

– Можно. Но нужно, чтобы сам осознал горечь своей слабости.

– А если не скажу? – уточняю, ощущая, как сильнее натягиваются веревки.

– Умрешь от боли, – тихо отвечает, отходит к костру.

Веревки раздирают тело, чувствую, что боль – настоящая, и что это не игра.

Дед подходит к костру, достаёт оттуда пылающее полено, идёт ко мне. Молча. С холодным лицом. Страшным лицом.

– Илэ? (*Где?*) – короткий вопрос.

Молчу, надеясь, что это розыгрыш. Шаман прислоняет огонь к моей ноге. От боли ору, дергаюсь на веревках, словно пытаюсь убежать. Когда перестаю кричать, дед бросает полено в костер, достаёт оттуда другое. Теперь я знаю, что такое боль. Тело взмаливается, чтобы рассказал. Дед приближается. Тут Шаманка начинает петь. Смотрит на меня с любовью. Слезы бегут по красивому лицу. Дед оглядывается на нее, грозит кулаком и идёт ко мне.

– Илэ? (*Где?*) – спокойно, без злобы спрашивает.

– Да пошел ты, – шепчу, экономя силы, и в другую ногу впивается огонь. Кричу на пределе сил и пытаюсь ударить Шамана головой в лицо. Тот делает шаг назад.

– Илэ? (*Где?*) – строго спрашивает дед. Интуитивно чувствую тепло костра между ног. Похоже, что собираются под-

жарить мое мужское достоинство. Мозг лихорадочно ищет выход. *«Нужно забвение. Нет сознания – нет боли»*, – звучит в голове. Представляю, как ползу к дубу-охотнику и прикасаюсь к нему. Словно разряд молнии пронзает тело, и погружаюсь в блаженную темноту.

* * *

Пение Шаманки прекращается.

– Колидзи гусити. Йэми бэлэсилиэни? (*В эту игру играют по правилам. Зачем ты ему помогла?*) – строго спрашивает дед девушку, помогающую развязывать потерявшего сознание парня.

– Би – гэндзи анти. Мафаи ньуктэвэни игдуи (*Я – беременная женщина. Жена расчесывает волосы своего мужа*). Я люблю его. Не хочу, чтобы мучился. Я так сильно его люблю, деда, что готова запреты нарушить.

– Гэндзи (*Плохо*).

– Ути би доиэ! (*Он мой муж!*). Он – отец моих детей. Я должна быть рядом с ним в трудные минуты.

* * *

Просыпаюсь рано утром, полный сил и отдохнувший. С удивлением смотрю на свое тело. Ни следа от ожогов, ни ца-

рапин, ни порезов. В комнату тихо входит Шаманка.

– Доброе утро, упрямый Странник. Сердишься за вчерашнее?

– Доброе утро, моя волшебница. Моя лесная фея, – улыбаюсь. – Как ты смогла за ночь от ожогов вылечить?

– А не было никаких ожогов, – тихо отвечает. – Дед тебе картинки в голове рисовал. Боль была только в голове.

– А зачем все это? Всё же не просто так, да?

– Теперь знаешь, как защитить себя, меня и деток от беды, – шепчет. – Когда пытаться начнут, не скажешь про нас.

– Иди ко мне, – тяну к себе и начинаю целовать, возбуждаясь от прикосновений. Таежница покорно лежит, отстраненная, что невольно останавливаюсь.

– Что с тобой, любимая?

– Деточки во мне. Грех сейчас прелюбодействовать. Но если хочешь, давай.

– Глупенькая, – шепчу, целую любимое лицо. – Разве я зверь похотливый, чтобы любимую с детками насиловать? Я люблю тебя.

– Спасибо, что понял, родной, – плачет. – Спасибо, что не обиделся. Не могу тебе отказывать.

– У нас времени еще столько будет, – смеюсь и осекаюсь, чувствую, как напряглась. – Что такое? Что случилось?

– Уезжать тебе пора, родненький, – плачет. – Ищут тебя сильно враги наши. Тебе ехать нужно. Я тут справлюсь. Управлюсь с малышами нашими. Ты не забывай про нас,

ладно?

– Да ты что?! – злюсь. – С чего я вас забуду?

– Тебя искушать будут Темные, – шепчет, и плачет навзрыд. – Деньги будут предлагать, женщин и их любовь. Славу всемирную. Гордыню испытывать. Тяжко будет. С гордыней-то у тебя слабое место.

– Мне будет легко, потому что у меня есть ты, – нежно целую, осознаю, что скоро расстанемся.

– Собирайся в путь-дорогу, любимый, – говорит, вставая с постели.

– А что ты за песню пела вчера?

– Слова сами просились, на тебя глядя.

– Спой еще раз, – прошу. Слушаю песню.

*Милый мой, держись,
Милый, соберись,
Я с тобою рядом
Вместе. Навсегда.*

*Милый, я – с тобой.
В огонь и в воду – с тобой.
Ты навеки со мной,
Потому что ты – мой!*

*Мы с тобою одно
Целое солнце в мире.
Ты – дом, я – окно,
Ты – солнце, я – лучи.*

*Вместе мы и рядом
Будем всегда с тобой.
Встретимся в толпе взглядом,
Я – твоя, ты – мой.*

– Так красиво поешь, – искренне восхищаюсь.

– Потому что от сердца, – говорит возле дверей. – Вставай уже, родной. Собирайся.

Утро кажется хмурым. Всё делаю, как раньше, но понимаю, что в последний раз.

Быстро упаковываю вещи в походную сумку, укладываю в автомобиль.

– Покушай с нами, – зовет супруга. Видно, что грустно ей, но бодрится.

Неторопливо завтракаем на веранде, пытаюсь шутить, скрасить последние минуты.

Дед заходит в дом, возвращается, торжественно говорит: «Мэнэ го нэкчэми хадзуи синду идуми (*Я отдаю тебе свою вещь, которая долго хранилась у меня*)».

Разжав ладонь, протягивает кусок кедрового дерева на леске.

– Когда будет трудно или нужно принять непростые решение, потри его, думая о нас, – говорит Шаманка. – Наш оберег. Никому не отдавай и не рассказывай о его силе. Сила в нем большая. Не нужно, чтобы к другим людям попал.

– Асаса (*Спасибо*), – говорю. – У меня тоже подарок есть.

Достаю из кармана самодельные подарки: браслет из чешуек кедровой шишки – Ане, чётки из желудей – Шаману.

– Асаса (*Спасибо*), – кланяется старик.

– Би айауми (*Я люблю тебя*), – шепчет супруга, обнимая в порыве нежности. С любовью и осторожностью надевает на руку самодельный браслет, словно сделан из драгоценного металла.

– Посидим на дорожку, – предлагаю. Молча сидим.

– Я провожу тебя немного, – говорит девушка, шагая к машине. – Дашь порулить?

– Конечно, – улыбаюсь, машу, прощаясь с дедом. Привычным жестом надеваю браслет из желудей на руку, усаживаюсь на пассажирское кресло.

– Еду, – смеётся девушка, плавно нажимая на педали. В конце поляны останавливает автомобиль и шепчет:

– Я люблю тебя, родной. Я буду скучать.

– Я тоже люблю тебя, родная, – говорю, и мы сливаемся в долгий прощальный поцелуй.

– Прощай, – шепчет.

Глаза закрываются. Засыпаю в пассажирском кресле.

* * *

– Просыпайся, – слышу команду. Открыв глаза, удивленно оглядываюсь вокруг. Автомобиль работает на холостых оборотах на обочине грунтовой дороги.

– Ань, ты где? – оглядываюсь. Никого. Выбираюсь из машины, кричу что есть сил: «Аня!!! Где ты? Я люблю тебя!!!».

Тайга не отвечает, деревья шумят, словно шепчутся о какой-то тайне.

Осознав, что не дождусь ответа, сажусь за руль и замираю. На передней панели лежит кулон от Дианы. Смотрю на него, как на змею, изготовившуюся к броску. Шаманка вернула то, что изъяла ранее. Беру кулон, выхожу с ним на дорогу. Беру камень, с силой опускаю на украшение, еще и еще, словно вымещая с каждым ударом злобу и горе. Слезы каплют на пыльную дорогу. Ничего не могу сделать с ними. Фотографии и видео удалил еще в лесу, как просили хозяева. Деревянного обручального кольца на пальце нет. На шее амулет, подаренный Шаманом. Не помню дорогу, где нужно свернуть в лес, чтобы проехать к дому шаманов. Не помню дорогу туда, не знаю дорогу обратно.

«Видеорегистратор, – проносится в голове. – Должна остаться запись, как я ехал».

Едва шевелю регистратор, тот радостно пищит, сообщая, что подключился к питанию. Вспоминаю писк, когда подбирал попутчиков у остановки. Все встаёт на места. Шаманка, пока грузу багаж старика, заранее отключает его. В тот момент не придаю писку значения.

Нет доказательств, что состоялась встреча в лесу. Нет четкого понимания, что все, что случилось в эти дни, действительно произошло. Немного посидев, снова выхожу из ма-

шины, поднимая расплющенный кулон, швыряю в лес. Камень убираю с дороги, чтобы не мешал другим водителям.

Сажусь за руль и еду по дороге, надеясь, что рано или поздно увижу людей или населенный пункт.

Ожидание оказалось недолгим.

Вдоль дороги увидел знак населенного пункта «Ауровка», удивленно смотрю на спидометр. *Где наездил столько километров? Где свернул, чтобы найти путь к своему счастью?* Не знаю. Если не знаю – значит, никто не узнает! Нельзя рассказать о том, чего не знаешь. Шаманка понимает это, усыпляя перед дорогой. Спасает меня, себя и наших детей.

Оставшуюся часть дороги до Арсеньева еду словно на автопилоте, вспоминая эпизоды прошедших дней. Ручные часы показывают, что прошло пять дней, как уехал в лес. Но ощущение, что прожил несколько месяцев.

На въезде в город, на КПП, машину останавливают, проверяют документы. Интересуюсь: «Что случилось?».

– План «Перехват», – устало отвечает ДПСник. – Ориентировка на угнанный автомобиль Рајеро. Номера, как у вас.

– Странно, – говорю. – Я заявление не подавал. На рыбалку ездил в тайгу.

– Поехали в отделение, – говорит. – Там разберемся.

В отделении сижу час. Хорошо, что документы вожу с собой. А то бы повязали за угон. Ориентировка есть. Самого заявления не могут найти. Разобравшись, извинившись, отпускают. Дома разгружаю автомобиль, еду на стоянку.

– Привет, – улыбается охранник. – Давненько не ставил.
– На рыбалку ездил.
– Тут тебя спрашивали. Искали тебя, – шепчет доверительным тоном.

– Менты, что ли?

– Ага, – улыбается. – Что, натворил делов, небось?

– Да какие там дела, – отмахиваюсь, иду домой. Каждый шаг словно наваливает на плечи новую тяжесть.

Открыв дверь квартиры, осматриваюсь по сторонам, как будто вижу впервые.

В кармане рюкзака нахожу диктофон, включаю.

Вздрагиваю, услышав голоса Шамана и Шаманки.

– Надо записать слова, – решаю. Быстро записываю звуки удэгейского языка в блокнот.

Прошло несколько часов, прежде чем записал все звуки на бумагу. Глаза закрываются, спина болит от неудобной позы.

Прячу блокнот среди книг. Усталость наваливается с новой силой.

Вещи не разбираю, оставив на завтра. Мыться тоже не стал. Раздеваюсь, забираюсь в постель.

Закрываю глаза. Чудится запах лесной невесты. Представляю ее, мысленно шепчу: «Я люблю тебя, моя шаманка».

«Я люблю тебя, мой странник», – слышу в голове и проваливаюсь в глубокий сон.

* * *

– Дзугдилэ ингиэни (*Он прибыл домой*), – поворачивается Шаманка к деду и садится рядом. – Ути диоисини би, си кэйэни (*Слушает мой и твой голос*).

– Анчи одовандзафи кэйэни. Вакчаи ни вакчанаини (*Уничтожим голос. Охотник идет на охоту*), – говорит старик.

– Все идет, как предначертано, – кивает.

* * *

– Объект появился, – вспыхивает на экране сотового короткая СМСка. Жрец улыбается, шлёт сообщение: «Действуй. Вернулся».

«Все идет, как предначертано», – говорит в темноту.

Ничто не может изменить то, что предопределено.

Возвращение из тайги

Диана мчится по ночной дороге, сжимает до боли руль, так что белеют костяшки на руках. Еще бы. Короткое СМС от отца, что жертва вернулся домой. Бесит, что нужно сломя голову мчаться к нелюбимому человеку, и нельзя послушаться воли отца, который в угоду своей мистической тайне заставляет делать то, что не хочется. Археологические изыскания, ритуалы и магические молитвы – навязаны и чужды с самого детства.

Всю сознательную жизнь девушка подчиняется железной воле отца, воспитываясь без матери. Лишенная в детстве материнской ласки, интуитивно ищет ее в окружающих, но натывается на жесткость внешнего мира и маниакальность отца. Тот воспитывает ее, как бойца. Как разведчика для работы в глубоком тылу противника. Для войны сантименты не нужны. Все, что нужно для победы, должно применяться и использоваться. В том числе красота. Женское тело, как инструмент достижения целей, Диана осваивает в совершенстве. Специальный курс гейши. Япония. Искусство обольщения и подчинения мужчин оттачивает с определенной долей маниакальности – как быстро сломается очередная жертва. Для нее не представляет трудности привлечь мужчину, завоевать внимание, манипулировать им.

Профессор бросает вызов её способностям. При первой

встрече молчаливо оценивает красоту, но не более. Не проводит взглядом, облизываясь или предаваясь сексуальным фантазиям. Диана приступает к другому варианту – разыгрывает сценку беспомощности в магазине, пристраивается в очередь, предлагает проводить до дома. С удивлением обнаруживает, что жертва искренне интересуется ее взглядами на жизнь, увлечениями, не клеится к ней. В квартире она действует по безотказной схеме – добавляет приворотное зелье в напиток. Наблюдает, как подавляется мужская воля. Как эмоции прорываются сквозь рациональность. Как бесится кровь от гормонального всплеска. Как расширяются зрачки, сбивается дыхание, как пытается сдержаться себя.

Эликсир срабатывает безотказно, подсаживает на невидимый наркотик очередную жертву. Девушка с удивлением наблюдает, как жертва борется с приворотом. Профессор не звонит и не приходит, хотя ему сейчас плохо и тело требует разрядки. За то, что тот сопротивляется, юная жрица наказывает – дразнит ароматными запахами, обворожительными позами. Дарит кулон, предварительно проводит специальный ритуал подавления воли. Древняя магия и современная медицина, соединенные в одной голове, представляют страшную разрушительную силу.

Внедриться в «научную группу» Профессора не представляет сложностей. Компаньоны «текут» от любого многозначительного взгляда или прикосновения. Подчинить их своей воле оказывается делом простым, даже скучным. С лидером

группы приходится возиться. Постоянно требует пристального внимания, словно кто-то подпитывает его волю извне. Все идёт по накатанной схеме, как и распланировал отец. Но система даёт сбой.

Объект выходит из-под контроля. Её контроля! Жрица впервые терпит поражение. Сталкивается с силой, более совершенной и могущественной. Сталкивается с достойным противником. Отец больше не ругается. Наоборот, внимательно изучает почерневший кулон, с помощью которого манипулировали Профессором, смотрит на свет, произносит заклятия, но усилия – напрасны. Противник – достойный. Значит, не она слабая, а силы неравные. Такое оправдание устраивает. Диана отправляется на остров Бали. Отдохнуть, подзагореть, помучить приезжих мужчин своей сексапильностью. Мужики теряют голову, трясутся от вожделения, пока девушка играет в дикую кошечку. В гостиничном номере роли меняются, и жрица без сожаления поглощает мужскую энергию, выкачивает из них силу и здоровье. Древний ритуал позволяет женщине быстро восстанавливать свою магическую энергию и молодость, правда, за счет разрушения мужской. Мужчины, ставшие жертвами, после возвращения домой обращаются к врачам, чувствуют, что словно постарели на десяток лет. Никак не могут связать упадок сил с сексом в гостиничном номере и полной отключкой после него.

Сеанс терапии прерывает СМС отца: «Объект появился». Два слова, и закручиваются жернова.

Подробности перелета Бали – Владивосток Диана не помнит. Чартерные рейсы. В спешке купленные билеты по бешеной цене. Перелеты выматывают. Из аэропорта заскакивает домой. Садится в машину, мчится в Арсеньев. Перелет и недосып во время бурных сеансов терапии дают о себе знать. Ночь за окном, слепящие фары встречных машин раздражают. Глаза слипаются, машина несколько раз выезжает колесами на бровку. Останавливаться не хочется.

Проскочив автозаправку перед селом Анучино, машина едва вписывается в поворот, скользит по серпантину дороги. В свете фар девушка видит, что на нее мчится олень. От неожиданности дёргает руль вправо, чтобы избежать лобового столкновения, и замирает, оцепенев, осознавая, что машина на огромной скорости летит в темноту леса.

С изумлением наблюдает, как из темноты, словно в замедленной съемке, приближается ствол дерева. Чудовищный удар. Срабатывают подушки безопасности, но огромная кинетическая энергия от мгновенной остановки бросает хрупкое тело на руль, выбивает сознание из головы. Сквозь пелену боли, в полусознательном состоянии, в котором невозможно понять – то ли явь, то ли бред, девушка слышит заунывную песню на непонятном языке и четко проговариваемые женским голосом слова: *«Рабов хотела – рабыней станешь. Любовь топтала – любимой быть захочешь. Ты предавала – останешься одна. Все отвернутся. Спасет тебя лишь тот, кто любовью сможет обогреть. Пройдешь му-*

чения и боль. Тебя спасет любовь, но ты родишься снова. То, что мое, даю тебе как испытание. Сначала дам, потом возьму. Пусть исцелит и боль причинит. Пусть сердце оживет и жизнь родится. Пусть война Избранных через него прекратится. Тебе дано понять любовь, пройти страдания и сделать выбор. Война и мир в сердце твоём».

Кровь сочится по изрезанному осколками стекла лицу. Звучит непонятная песня, и Диана теряет сознание.

От машины отделяется женский силуэт и исчезает в глубине леса.

* * *

По квартире Профессора молчаливо передвигается женская фигура. Останавливается у шкафа, кладёт среди вещей дамскую сумку. Шаманка подходит к рабочему столу хозяина квартиры, достаёт диктофон, нажимает кнопку «Del». Стирает записи. Беззвучно подходит к спящему. С любовью рассматривает черты лица, наклоняется, целует в губы. Шепчет: «Прощай, Странник», и тихо уходит.

* * *

Просыпаюсь, как от толчка, осознаю, что нахожусь в своей квартире. С изумлением смотрю по сторонам, фокусирую

взгляд на часах. Одиннадцать утра. Воспоминания о поездке в тайгу мелькают одно за другим. Что это было – сон или явь?

Беру одежду, нюхаю. Сквозь запах пота чувствую запах тайги и тонкий, почти неуловимый аромат моей лесной феи. Вспоминаю про диктофон. Иду к столу, нажимаю кнопку «Play». Тишина из динамика вызывает приступ паники. Со стеллажа с книгами достаю тетрадь с записями. Записи звуков с диктофона сохранились.

Подвожу неутешительный итог – нет доказательств того, что общался с Шаманом. Только кусочек кедра, как медальон, болтается на шее. И всё. Запахи и... воспоминания. От щемящей тоски хочется выть. Иду в ванну, долго изматываю тело контрастным душем. Интенсивная зарядка, холодный душ с жестким растиранием. Мозги работают адекватно. Варю кофе. Добавляю сахар и медленно, смакуя каждый глоток живительного обжигающего напитка, пью. Включаю сотовый телефон.

Сотовый радостно урчит, включаясь, выдаёт сообщения о пропущенных звонках. Не хочу смотреть, кто звонил, не хочу окунаться в суету. Открываю таежные записи.

Сотовый играет стандартную мелодию. Номер неизвестный. Вспоминаю, что из ГИБДД обещали перезвонить по поводу угона, нехотя беру трубку.

– Алло.

– Добрый день, – мягкий женский голос. – Вам звонят из

отделения реанимации. Утром в тяжелом состоянии поступила девушка без документов. При ней оказался сотовый телефон, в котором забит лишь один номер – ваш. Вы можете подойти на опознание?

– Она что, умерла? – думаю о Шаманке.

– Нет, жива, – слышно, как в трубке мягко улыбаются. – Но без сознания. Сможете подъехать?

Привожу себя и одежду в порядок. Иду по родным улицам, с удивлением смотрю по сторонам, заново узнавая знакомые места. Словно путешествие в тайгу заняло несколько лет. По-другому работает голова, стучит сердце – хочу обнять весь мир. Сердце переполняет любовь и нежность. Улыбаюсь встречным прохожим, ловлю удивленные взгляды. Душа наполняется блаженством от осознания того, что любим и не одинок.

В отделении реанимации встречаю хмурого полицейского. Задаёт стандартные вопросы, заполняет протокол. Фамилия, имя, отчество, данные паспорта, прописка, место работы.

– Где и при каких обстоятельствах вы познакомились с потерпевшей? – зеваает. Равнодушие злит. Человек попал в беду, а ему – плевать.

– Я еще не видел потерпевшую, – жестко отвечаю. – Сначала посмотрю на человека, потом – отвечу.

Удивленно вскинув взгляд, парень в форме хочет возразить, но, встретившись с моим взглядом, передумывает, мол-

ча открывает дверь в реанимационную палату.

Накинув на плечи белый халат и надев одноразовые бахилы, в сопровождении медсестры иду в палату. На койках лежат перебинтованные люди, некоторые – подключены к аппаратам искусственного дыхания.

Издалека вижу знакомый цвет, интуитивно чувствую, кого увижу.

Диана лежит на спине с закрытыми глазами. Лицо иссечено мелкими порезами, но голова не разбита.

– У нее болевой шок, – тихо говорит медсестра. – Ушиб внутренних органов. Сотрясение мозга. Сломана правая рука. Сейчас спит под воздействием успокоительных...

– Серьезные травмы есть? – хрипло спрашиваю.

– Нет, раны быстро заживут, но...

– Что «но»?

– Не может ничего вспомнить: кто она, как зовут, откуда приехала.

– Ее зовут Диана. Она из Владивостока, – говорю, прошеу: – Можно возьму ее за руку?

– Вообще-то нельзя, но я отвернусь, – понимающе улыбается медсестра, демонстративно отворачивается.

Осторожно беру девушку за руку, чувствую, как тихо пульсирует венка. Смотрю на израненное лицо. Чувствую непреодолимое желание прикоснуться к губам. Хочу, чтобы из её тела ушла боль. Наклоняюсь, нежно целую. Делаю так, как она любит: чуть прикусываю верхнюю губу, тяну своими.

Рука девушки чуть вздрагивает. Встречаюсь с беспомощным взглядом. Взгляд фокусируется на моём лице. Кажется, она меня узнала. Охватывает необыкновенная нежность, шепчу:

– Все будет хорошо, девочка. Я рядом. Я тебя не брошу.

Диана слабо улыбается и, закрыв глаза, погружается в сон.

– От такого лечения быстро пойдет на поправку, – слышу над ухом голос медсестры.

Выхожу из палаты в коридор.

– Ну что, опознали? – равнодушно спрашивает полицейский.

– Да. Ее зовут Диана.

– А фамилия? – будничным вопросом. С удивлением осознаю, что почти ничего не знаю, кроме имени и квартиры, которую та снимает. Так и говорю полицейскому.

– А откуда знакомы?

– Жили вместе. Свободные отношения...

– А что еще можете о ней рассказать? – с интересом уточняет страж закона. Рассказываю то, что знаю, умолчав о поисках сокровищ. Записав показания, полицейский протягивает протокол. Читаю, расписываюсь, отдаю ручку. Прошу рассказать о подробностях аварии.

– Странная авария, – бурчит. – Свидетелей нет. Скорее всего, заснула за рулем. Звонок поступил на пульт в 4.49. Из проезжающей мимо машины увидели разбитую иномарку. Остановились, спустились с обрыва. Увидели, что в машине кто-то есть, вытащили наружу. Странно, что никаких

документов и вещей не обнаружено, кроме сотового телефона и вот этой вещицы.

Чуть не теряю сознание, когда вижу в руках собеседника искореженный кулон, подарок Дианы. Который лично расплющил на дороге и выбросил в лес после общения с Шаманкой. Сейчас искореженный камнем кусок металла лежит на ладони полицейского.

– Что с вами? Вам плохо? Вам эта вещь знакома? – вцепляется взглядом, как клещ в собаку.

– Да голова закружилась, – слабо улыбаюсь. – Этот кулон Диана мне дарила. Как он у вас очутился?

– Висел у нее на шее. Странно, характер повреждений кулона не совпадает с характером аварии.

– А где произошла авария?

– Не доезжая до Анучино, со стороны Уссурийска, недалеко от АЗС.

– Понятно.

Пазл в голове складывается в неприятную картинку. Диана едет ко мне. А Шаманка за это наказывает. Мою лесную жену могут обвинить в попытке убийства. Не осуждаю её действия, но и не одобряю. Задумавшись, прослушиваю, о чем спрашивают.

– Что? – переспрашиваю. Сосредоточиваюсь, осознав, что лишнее слово может принести вред любимой девушке, ждущей от меня детей.

– Вы знаете, где живет потерпевшая?

– Знаю. Дом, где снимает квартиру, мне известен. Но ключей нет.

– Странно. Вроде живете вместе, а ключей нет. Когда виделись в последний раз с потерпевшей?

– У меня своя квартира, – резко отвечаю. – Ключей нет, потому что мне их не давали. И не надо подначивать. С Дианой виделся, наверное, неделю назад. Я могу идти?

– Скажите адрес, где снимала квартиру потерпевшая?

Называю адрес, решительно встал со стула. Оставляю визитку медсестре, иду на свежий воздух. Захотелось курить, хотя давно бросил. Несколько глубоких вдохов и выдохов. Голова работает в привычном режиме, позыв к сигарете исчезает.

Звонит сотовый. Отец спрашивает, как дела. Обещаю прийти вечером в гости.

При возвращении домой хожу по комнате, словно по лабиринту, из которого нужно найти выход.

Что гложит? То, что не могу найти доказательств пребывания в тайге? Стоп. Я знаю, что там жил. Почему должен кому-то доказывать? Самому себе? Нет смысла. Чётко помню, что происходило в гостях у Шаманов. Кусок кедра лежит на груди, обдавая необычным спокойствием. Тело помнит боль, удовольствие, ощущения, боевые движения.

Закрываю глаза, делаю движение, которое показал Шаман. Тело привычно выполняет команду. Раз, другой. Усложняю упражнение. Достаю из ниши два зачехленных

мачете фирмы Desperado. Тяжесть холодного оружия мобилизует. Смертельно отточенное лезвие при правильном движении отсечет голову врагу, хотя по классификации изделие относится к туристическому снаряжению. Не снимая защитных чехлов, выполняю вращательные движения, делаю боевые удары и блоки, выполняю вращения, описывая круги. Кисти рук ноют от нагрузки. Продолжаю делать движения, то максимально замедляюсь, напрягая каждый мускул, то, наоборот, двигаюсь с максимальной скоростью. Зазевавшись, делаю неправильное движение, сильно ударяю плечо. Матюгнувшись, разминаю ушибленное место. Принимаю душ. Сажусь за перевод таежных записей.

Технология перевода примитивная. В Интернете скачиваю словари удэгейского языка. Распечатываю сотни листов. Старенький лазерный принтер Canon обиженно нагревается от интенсивной печати, но работу выполняет, словно понимает, что это важно.

Сортирую слова и фразы. Понимаю, что никто не поможет разобраться с переводом.

Когда спину ломит от непрерывного сидения на одном месте, смотрю на часы. Занимаюсь расшифровкой записей более четырех часов! Быстро собираюсь.

В гостях у родителей наслаждаюсь тем, что нахожусь в доме, где прошло счастливое детство. Ощущение, что снова вернулся после вуза, после долгой учебы в другом городе. Поездка в тайгу даёт такое странное ощущение времени.

Прошу у отца гравер, миллиметровые сверла, маленькие тиски. Набираю на балконе с десятков кедровых шишек.

Дома, разложив на столе газету, надеваю хлопчатобумажные перчатки, счищаю с кедровой шишки живицу. Кедровая смола чарующе пахнет, напоминает о таежных приключениях. Отпиливаю от ветки круги. В одной из кругов сверлю десятков отверстий для вентиляции, а во втором – высверливаю лишнее, делаю ёмкость для смолы. Засыпаю ёмкость живицей. Проклеиваю по диаметру и плотно сжимаю две половинки. Через минуту из тонких отверстий сочится нежный запах тайги. Получается ароматизатор в автомобиль.

Аккуратно разделяю чешуйки и орешки, вручную потрошу кедровую шишку. Вспоминаю, как шишкарки в тайге перекручивают шишку на примитивном аппарате, полностью разрушая структуру.

Обмотав резиновой губкой орех, креплю в тиски. Взвизгивает гравер, делает миллиметровое отверстие в орешке. Переворачиваю орешек, снова делаю отверстие. И так 54 раза.

Наступает полночь, когда вдеваю леску в каждый просверленный орех, завязываю узелки. При свете настольной лампы с удовлетворением смотрю на результат – четки из кедровых орех. Рисую эскизы поделок из кедровых шишек: подушка из шелухи, украшение из смолы, подставка под посуду из кедровых орешек, бусы.

Уставший, но с чувством выполненного долга, забираюсь

в душ. Добравшись до постели, пробуя выполнить методику выхода из тела во сне, но усталость выбивает сознание на втором десятке внутреннего счета.

* * *

Звенит будильник. 7.30. Переодевание, бег по городскому парку. «Трешечка» даётся нелегко. Чувствую, что неделю не бегал. После пробежки на стадионе выполняю силовые упражнения на рукоходе и брусьях. По возвращении домой выполняю боевые упражнения и работу с холодным оружием. Мачете с тяжелым свистом кружится над головой, заставляет концентрироваться на каждом движении. Разгоряченное тело с удовольствием принимает холодный душ.

Плотный завтрак. Яичница с колбасой. Кофе с сырниками и медом.

Достаю из тайника рабочие тетради. Расшифровываю таежные записи.

От работы отвлекает телефонный звонок. Медсестра из клиники говорит, что Диану переводят в обычную палату.

Надев бахилы, бесшумно шагаю по коридорам поликлиники, к женской палате, куда перевели Диану. Постучавшись, вхожу. В меня впиваются пять пар женских глаз. Здоровуюсь со всеми, решительно направляюсь к кровати Дианы.

– Привет, красавица, – улыбаюсь, присаживаясь на край

койки.

– Привет, врунишка, – отвечает без улыбки. – Выгляжу ужасно, видела себя в зеркало. Можешь не врать.

– Хорошо, – улыбаюсь. – Буду резать правду-матку.

– Гинеколог будет резать, – резко обрывает. – Ты кто?

– Э-э-э-э, – теряюсь, переспрашиваю: – Ты что, не помнишь?

– Помнила бы – вспомнила бы, – беззлобно отвечает. – Кто ты такой? Почему пришел ко мне? Я тебя не знаю.

– Ну и отлично, – начинает раздражать холодный тон и враждебное отношение. – Не хочешь общаться – уйду. Будет хорошее настроение – позвонишь.

Достаю визитку, кладу на тумбочку, встаю с кровати, ухожу. Диана смотрит, не ожидая такой реакции, пытается решить, как себя вести.

– Стой. Не уходи, – слышу у дверей палаты. – Давай поговорим.

Молча возвращаюсь, сажусь на краешек койки.

– Ты всегда так поступаешь с незащитными девушками? – пытается надуть губки и сыграть очередную роль больная.

– Будешь кривляться – уйду, – сухо обещаю. – Будешь развлекаться с соседками.

– Упрямый, – обиженно поджимает губы. Молчу, выжидая. Собеседница после паузы нехотя просит: – Если ты меня знаешь – расскажи. Чувствую себя героиней в дешевом

сериале.

Спокойно рассказываю то, что знаю. Диана молча слушает. Закрывает глаза, словно переваривает услышанное. Резко открыв глаза и пристально глядя в лицо, задаёт ожидаемый вопрос: «Мы спали с тобой?».

– Да, – киваю.

– Не верю, – мотает головой, словно это дело первостепенной важности.

– Можешь не верить, – улыбаюсь, наклоняюсь, шепчу: – У тебя под левой грудью родинка и на лобке тоже, а на правой ягодице маленький шрам в виде крестика. Можешь проверить, когда уйду.

– Да могу и сейчас проверить, – злится, распахивает больничный халат, демонстративно смотрит на обнаженную грудь.

– Можешь не беситься, – миролюбиво говорю, с трудом отвлекаясь от вида аппетитной груди. – Я на тебя не претендую. Мы расстались недавно.

– Почему? – искренне удивляется.

– Я тебя недостоин, – с легкостью вру. – Ушел к другой.

– Фу, – облегченно вздыхает. – Думала, что будешь меня «топтать». А раз расстались, почему пришёл?

– Проблема в том, Диана, – спокойно, тщательно подбирая слова, отвечаю, – ты попала в автомобильную аварию и ничего не можешь вспомнить. Я – единственный, кто оказался в твоём телефоне. Мне позвонили из больницы. Кроме

меня, никто не знает, кто ты и откуда.

– А, так ты сердобольный мальчик, – усмехается, – герой на белом скакуне. Примчался спасать.

– Диана, смени тон, – злюсь. – Не хочешь, чтобы приходил, скажи. Уйду. Пришел потому, что сказали, что ты ничего не помнишь, и не могут найти родственников. Не нравится – могу уйти. Уйти?

– Чуть что, сразу в кусты, – бормочет. – Поматросил и бросил. А теперь еще и шантажирует.

– Да кто тебя шантажирует? – удивляюсь, чувствую раздражение, что приходится оправдываться перед человеком, который меня использовал в своих интересах. – Короче. Вижу, тебе нужно свое бесилово на кого-то выплеснуть. Я блевотину выслушивать не буду. Или говори нормально, или я пошел.

– С тобой невозможно разговаривать, – бормочет. – Сразу переводишь разговор в другой сценарий.

– Хочешь, чтобы расплакался, упал на колени? – сухо уточняю. – В мужья не набиваюсь. В любовники – тоже. Друзья – не отличные. Справлюсь с потерей, когда выйду из палаты.

– А за что ты меня ненавидишь? – тихо спрашивает. – Что я такого сделала? За что ты так со мной сейчас?

– Не буду отвечать, – упрямо сжимаю губы. – Вспомнишь сама. Не хочу ворошить прошлое.

– Наше прошлое? – уточняет.

– Прошлое ушло и не повторится, – твердо отвечаю. – Нужно решить, как двигаться дальше.

– Ну и какие есть варианты? – невесело интересуется, думая о чем-то.

– Вариант первый. Ухожу и больше не прихожу. Разбирайся со своими проблемами самостоятельно. Вариант второй. Признаём, что знакомы. Не строим иллюзий. Пытаемся восстановить память и найти твоих родных. Ну и третий вариант. Говорю, что незнаком с тобой, «забываю» обо всем. Не пытаюсь помочь.

– А чем первый вариант отличается от третьего?

– В первом не отказываюсь от тебя. Давай полежишь, подумаешь, как жить дальше, а я пойду. Как решишь – позвонишь. Не позвонишь – значит, третий вариант.

– Жестко ты со мной, – вздыхает, замолкает.

– А если ничего не вспомню? – спрашивает, сжав кулаки, напрягается в ожидании ответа.

– Я помогу, – твердо отвечаю: – Без истерик, пантов и выкрутасов. Вместе решим проблему. Или будешь сама барахтаться.

– А есть выбор?

– Выбор есть всегда, – встаю. – Жду звонка. Сотовый заряжен?

– Заряжен.

– Думай. Звони. Или не звони. Выбор за тобой. Пока.

– Пока.

Выйдя из поликлиники, иду в агентство недвижимости. У меня хорошая репутация в городе. После объяснения ситуации с Дианой получаю телефон хозяйки квартиры, в которой жила девушка. Звонок хозяйке. Информация, что через три дня нужно вносить арендную плату. Сообщаю, что девушка в больнице и не сможет выплатить аренду. Вместо понимания ситуации слышу набор резких слов. Прошу о личной встрече на квартире, пообещав принести часть денег.

Договорились встретиться через час. Арсеньев – маленький город, и добраться с одного конца города до другого можно и пешком за час. Хозяйка не опаздывает на встречу. Внимательно изучает паспорт, смотрит фотографии на фотоаппарате, где мы с девушкой, приглашает в квартиру. Внимательно наблюдает, как укладываю вещи Дианы в чемодан на колесах. Вещей немного. Самое необходимое для деловой женщины, направленной в командировку. В ванной собираю косметику и предметы женской гигиены, складываю в отдельный пакет. Через полчаса покидаю квартиру с чемоданом Дианы. С хозяйкой договариваюсь, что если в течение трех дней не решится вопрос с деньгами, то договор считать аннулированным.

Конечно, можно проявить благородство и заплатить за квартиру из личных средств, но с финансами – проблемы. Лето. Количество запросов на бизнес-услуги сократилось до нуля, прогнозировать поступление новых доходов проблематично.

– Что это? – строго спрашивает Диана, увидев меня в палате с пакетами.

– В одном – твои личные вещи, в другом – фрукты и вода, – миролюбиво отвечаю.

– Откуда у тебя мои вещи? – удивляется. Терпеливо объясняю ситуацию.

– А я тебе разрешила от моего имени действовать?

– Давай рассмотрим ситуацию с практической точки зрения, без эмоций. Документов у тебя нет. Денег нет. Когда вернется память или объявятся родственники – неизвестно. С этими фактами согласна?

– Да, – нехотя отвечает.

– Я – не родственник. Никто тебе сейчас не поможет.

– Меня найдут, – бурчит.

– Найдут, если ищут, – улыбаюсь. – Я хочу помочь, но в разумных пределах.

– Что значит в разумных пределах? – хмурится.

– Пока не найдешь родных и не вернется память, придётся содержать тебя, – признаюсь. – С финансами напряг, если быть честным. Гарантировать роскошную жизнь не могу и не буду. Могу помочь трудоустроиться, восстановить документы, организовать розыск родных, решить вопрос с временным жильем...

– А твоя девушка не приревнует? – перебивает. – Мне было бы неприятно узнать, что мой молодой человек проводит время с другой девушкой.

– Свои проблемы сам решаю. Меня волнует, где найти людей, знающих твою семью. Дома, наверное, волнуются.

– А как я буду расплачиваться за помощь? – хмурится. – Что мне нужно будет делать, чтобы рассчитаться? Ты сказал, что денег у меня нет. Натурой предложишь рассчитаться?

– Очень остроумно, – злюсь. – Похоже, привыкла расплачиваться телом, если ничего другого в голову не приходит.

– Подлец! – дёргается дать пощечину, задыхается от острой боли в ушибленных ребрах. От неожиданности замирает, закусывает губу. Но обида и боль оказываются сильнее и слезы каплют на подушку. Никогда не видел её слез, инстинктивно тянусь, чтобы вытереть.

– Не трогай меня! – с угрозой шипит, отворачиваясь.

– Вместо того, чтобы беситься и шипеть, подумай, как двигаться дальше и чем заниматься, – тихо говорю. – Постарайся вспомнить, что умеешь делать, что знаешь. Ты же не все забыла. Сны могут помочь вспомнить. Полицейский сказал, что ориентировка по тебе ушла во Владивосток и по краю. Постараемся найти однокурсников, одноклассников. Узнаем фамилию – найдем адрес проживания. Если машина твоя – найдем еще быстрее. Главное – не отчаивайся. Я помогу.

– Почему ты помогаешь? – тихо спрашивает. – Что ты хочешь?

– Ничего, – тихо отвечаю. – Хотя нет – хочу.

– Ну и чего же? – взгляд словно впивается в лицо.

– Хочу, чтобы, когда вернется память, ты навсегда покинула мою жизнь.

– Почему? – изумляется. – Я такая гадина, да? Так сильно доставала, что хочешь избавиться? Я тебе совсем-совсем не нравлюсь?

– Отвечу, когда вернется память. Иначе будет нечестно.

– А ты всегда такой честный и правильный? – обижается.

– Стараюсь, но не всегда получается, – вздыхаю.

– Что, тяжело соврать?

– А чтобы ты хотела услышать?

– Ну, например, что безумно меня любишь, что мы хотели жить вместе, но из-за аварии пока не получится. Что сделаешь всё, что нужно, чтобы стало, как раньше.

– Очень интересно, – хмыкаю. – Однажды ты просыпаясь и вспоминаешь свою настоящую жизнь. С ненавистью смотришь на того, кто тебя обманул и жестоко использовал. Есть вещи и пострашнее.

– Например?

– Представь, ты – певица и всю жизнь пела. Потеряла память. Внушают, что ты по жизни – доярка. Сидишь в сарае, доишь корову и чувствуешь, что это – не твоя жизнь. Что должна жить по-другому. Эта мысль будет постоянно преследовать, омрачать каждый шаг, каждый день.

– Да, невеселая перспектива, – соглашается. – Не знаю, как и поступить. Меня никто не знает. Никому здесь не нужна. Быть с тобой рядом – хоть какая-то слабая надежда, что

выкарабкаюсь из этой ситуации. Я постараюсь быть послушной девочкой.

– Маловероятно, – улыбаюсь. – У тебя взрывной характер. Не сможешь подавлять свою яркую эмоциональность и темперамент.

– Ты еще скажи, что я – монстр, – хмурится.

– Нет, не монстр. Яркая и сексуальная девушка, привыкшая быть в центре мужского внимания. Тебе это нравится. Привыкла, чтобы мужчины легко выполняли просьбы и капризы.

– Я правильно поняла, что мы встречались раньше, но ты ушел к другой? От меня?

– Правильно.

– И я не смогла удержать?

– Да.

– Что-то не сходится, – бормочет. – Говоришь, за мной мужики бегают, чтобы исполнить все капризы, лишь бы в койке очутиться. А ты отказываешься.

– Не хотел говорить. Ты меня не любила.

– Почему ты так решил?

– Не хотела иметь от меня детей.

Девушка дернулась огрызнуться, но, встретившись с моим взглядом, не выдерживает, отворачивается.

– Умеешь аргументировать, – мрачнеет. – А почему не хотела?

– Себя спрашивай. Не могу залезть в твою голову и раз-

бираться с тараканами. Говорю то, что знаю. Не хочу обманывать.

– А ведь мог притвориться влюбленным или любящим женщиной и сказать, что любишь...

– Я люблю тебя, Диана, – улыбаюсь и, встретив изумленный взгляд, добавляю: – Когда говорю – люблю, то вкладываю смысл не жить вместе, как любовники или как муж и жена, а давать свои положительные эмоции и энергию человеку, который рядом. Помогать ему радоваться жизни и получать удовольствие от каждого прожитого дня, от времени, проведенного вместе. Жизнь так коротка, и хочется потратить ее на позитив и радость. Понимаешь меня?

– С трудом, – честно признаётся. – Похоже на сказку. Привыкла жить и думать по-другому: «Ты – мне, я – тебе».

– Философия потребления, – киваю. – Мне проще. Ничего не жду взамен, когда отдаю. Думаю, как будет хорошо тому, кому отдаю свое тепло и радость. А не о том, как выкачать побольше благ из этого человека.

– Я тебе не верю, – возражает. – Так люди не живут. Так нельзя жить.

– Вот и объяснение, почему ушел, – улыбаюсь. – У нас разная философия жизни, чтобы быть вместе.

– Чувствую себя мерзкой на твоём ангельском фоне. Противно...

– И хочется немного извлекать меня в грязи, – заканчиваю фразу и, увидев удивление в глазах, добавляю: – Проще

очернить человека, живущего по-другому, чем пытаться изменить свою жизнь и жить по-другому.

– А я вегетарианка или мясоедка?

– Сердцеедка, – улыбаюсь. – Подпитываешься мужским вниманием и мужской энергетикой.

– Что, так заметно? Как определил?

– Я – мужчина, – терпеливо разъясняю. – Обращаю внимание на мелочи. Наблюдать за тобой интересно, но больно.

– Почему?

– Неприятно осознавать себя пешкой в игре, – признаюсь нехотя. – Вещью, которую используют. Мерзкое ощущение. Не хочу, чтобы ты испытала такие же чувства.

– Понятно, – замолкает, уставившись на руки.

– Есть предложение.

– Хорошее?

– Рабочее.

– Хорошо, послушаю, других вариантов-то нет.

– Пока идёшь на поправку, я – навещаю. Постепенно вернется память. Вспомнишь – решишь, как дальше жить. Не навязываюсь. Не буду потакать капризам. Помогу в трудную минуту и не брошу.

– А если попрошу, чтобы бросил?

– Сам решу, как поступить! Ты – не указ!

– То есть как?!

– Попадешь в беду – не буду стоять в стороне! Сделаю все, чтобы спасти!

– А с чего такое благородство? – пытается съязвить.

– Таким уродился, – усмехаюсь. – Принимай таким, какой есть. Другим не стану.

– А если начну себя несносно вести – будешь терпеть?

– Нет, – коротко отвечаю. – Скажу больше: подпишем договор о взаимном проживании и правилах поведения. Нарушишь – расстанемся!

– А если ты нарушишь?

– Накажешь, – улыбаюсь. – Я, прежде чем подписывать договор, всё читаю.

– Опасный ты тип гражданской наружности, – протягивает. – Огласи хотя бы пару пунктов из договора, а то, может, там условия, что легче в тюрьму, чем к тебе в кабалу.

– Ограничения по наркотикам, гулянкам, вечеринкам... – начинаю.

– Что, даже бокал вина нельзя выпить? – сердито перебивает. – Я что, девочка маленькая, чтобы так жестко?

– Ответь на один вопрос, Диана, – миролюбиво предлагаю. – Представь, ты пошла куда-то и забыла адрес. Готова ночевать в подвале или бомжатнике? Уверена, что не будет проблем с памятью?

– Ты задал не один вопрос, а целых два, – упрямо поджигает губы.

– Можешь не отвечать, – машу рукой, вставая. – Полежи – подумай, а я пойду.

– Куда?

– Договор составлять. Я не собираюсь здесь сидеть целыми днями и развлекать тебя. Книжек принести?

– Принеси, если не жалко, – сухо отвечает. Увидев, что беру пакет с фруктами, возмущается: – Куда фрукты мои понёс?!

– Мыть, – улыбаюсь. – Не хватало, чтобы наелась немых фруктов и пронесло.

– Умеешь ты девушку приободрить, – фыркает.

После поликлиники иду в гости к друзьям по поискам сокровищ, рассказываю о ситуации с Дианой. Мужики подначивают, обзывают «сутенером», «сиделкой», «везунчиком», намекая на то, что со мной потрясная красотка. Они же не знают про Шаманку. Я не стал рассказывать про таежные приключения, сказал лишь, что хорошо отдохнул на природе.

Дома расшифровываю таежные записи, засиживаюсь глубоко за полночь.

* * *

Дальше дни текут, похожие один на другой. С утра – зарядка, спортивные и боевые упражнения, расшифровка таежных записей. После обеда – больничная палата, общась с Дианой. Девушка за короткий срок наводит свои порядки в палате, и многие, включая персонал, мечтают, чтобы та поскорее выписалась.

Ушибленные ребра заживают, и раны затягиваются.

– Быстро идет на поправку, – бурчит лечащий врач, когда спрашиваю о здоровье девушки. – Здоровый молодой организм дает о себе знать. С памятью – пробелы. Какая-то часть информации заблокирована.

– А можно это как-то исправить?

– Не знаю, – сокрушается. – Человеческий мозг мало изучен. Неизвестно, что может стать катализатором для восстановления. Любая внештатная ситуация или случайная встреча.

Общаясь с девушкой, отмечаю, что та может с жаром обсуждать эпизоды из фильмов или книг, цитировать Пушкина и Лермонтова, сыпать научными терминами, но на вопрос о ней самой или родных беспомощно умолкает, сердится, что не может вспомнить.

На улице становится теплее. Гуляем вокруг поликлиники или сидим на лавочке, часами что-то обсуждаем. Рассказываю о себе, о ней, что знаю или вспомнив какой-то эпизод. Часами говорим, спорим. Такая Диана мне нравится, без пантов и пафоса.

– Забери меня отсюда, – просит, когда собираюсь уходить. – Уже на стены лезу от тоски. Может быть, можно что-то сделать?

– Могу оформить поручительство, – нехотя признаюсь.

– А что не оформляешь? – негодует.

– Ты не подписала договор.

– А без договора никак? – скулит. – С ним чувствую, что ограничена в свободе действий.

– Или подписываешь договор, или кукуй здесь! – отрезаю. – Мне не улыбается бегать тебя искать по городу. Как потом в глаза родителям смотреть, если потеряешься?

– Хорошо, твоя взяла, – тяжело вздыхает. – Я подпишу договор.

– Как подпишешь, тогда и буду оформлять поручительство, – примирительно киваю.

И вот девушка переступает порог моей квартиры.

– Кухня. Зал – будет твоя комната. Ещё комната – это моя, – показываю свою квартиру. – Согласно пунктам договора спим в разных комнатах и на разных постелях.

– В туалет и ванну – согласно живой очереди: кто первым встал, того и тапки, – улыбается. – У тебя лучше, чем в клинике.

– На кухне стандартная обстановка, – улыбаюсь. – Посудомоечной машины нет. Мою руками.

– А стиралка – автомат?

– Пулемет, – фыркаю. – Стучит так, когда выжимает белье, что бесит. Ещё вопросы?

– Вода горячая есть?

– Есть. Титан на 100 литров, а что?

– Я – в душ! – решительно заявляет. – Такое чувство, что насквозь пропахла больничной койкой.

В комнате вытаскиваю из чемодана ее вещи, раскладываю

на диване.

Девушка придирчиво осматривает их, говорит удручающе: «Похоже, совсем не думала о том, в чем ходить по квартире».

– Нет, – возражаю. – Халат и футболку ты носила в больнице. Их надо стирать. Дать на время свою футболку или рубашку?

– Ну давай, – машет рукой. – Пойдем, объяснишь, как что регулируется в ванной.

Внимательно слушает инструкцию, осматривается, крутит вентили здоровой рукой, задумывается.

– О чем думаешь? – интересуюсь.

– Есть два вопроса, – говорит. – Можно принять ванну, а не душ?

– Можно, воды хватит, только надо ванну почистить с порошком.

– Второй вопрос сложнее... – начинает и замолкает.

– Ну спрашивай, не бойся, – подбадриваю.

– Ты точно видел меня голой?

– Видел, обнимал и целовал, – серьезно отвечаю. – Не пойму, зачем эта информация?

– Да хочу помыть голову. Одна рука в гипсе, а вторая – полудохлая. Я – правша, а не левша. Всё привыкла делать правой рукой, а она в гипсе.

– Хочешь, чтобы помыл тебе голову? – уточняю.

– Да, если не против, – просит.

– Хорошо, позовешь, когда нужно будет. Помою.

– Спасибо, – бормочет.

– Посмотрим, как ругаться будешь, когда шампунь в глаз попадет, – бурчу.

Следующие полчаса чищу ванну, регулирую наполнение, взбиваю пену, готовлю банные принадлежности.

– Пробуй температуру воды, – зову девушку.

– Нормальная, – кивает, потрогав рукой воду, и решительно прикрывает за собой дверь.

Когда гостя зовёт, несколько секунд колеблюсь. Беру чистое полотенце, решительно захожу в ванную.

– Как водичка? – нарочито бодро спрашиваю. Сдерживаю желание заглянуть в воду и увидеть обнаженное тело.

– Хорошая, – улыбается с покрасневшим от жары лицом. – Давно не испытывала такого блаженства.

– Приготовься, – командую, зачерпывая ковшиком воду. Вижу неприкрытую наготу и оценивающий взгляд.

Выскочив разгоряченный из ванной, иду на кухню, начинаю готовить обед. Кипячу чайник. Заливаю воду в кастрюлю, солю, довожу до кипения, забрасываю спагетти, открываю тушенку. Выполняя простые действия, чувствую, что возбуждение постепенно исчезает. Перед глазами мелькают картины обнаженного тела.

Диана, мурлыкая, заходит на кухню в футболке на голое тело и, озорно потрясая мокрой головой, с серьезным видом спрашивает: «А где фен?»

Ржу в полный голос. Гостья недоуменно смотрит на меня, мол, чего ты.

– Ты еще педикюрный набор и эпилятор попроси, – смеюсь. – Я не пользуюсь феном.

– Ну, конечно, что тебе сушить, – соглашается. – Три пера и всё, а мне как быть с копной волос?

– Высохнет естественным путем, – миролюбиво улыбаюсь. – Позже куплю фен.

– А можно тут посидеть – посмотреть? – просит. – Не помню, как ты готовишь.

– Хорошо, сядь подальше, чтобы не зацепил.

– Эрекция прошла? – шутит.

– Да, выгнал на улицу, – беззлобно отвечаю.

– Станный ты мужик, – как бы рассуждая вслух, говорит. – У тебя в полной власти находится красивая беззащитная девушка. Можешь регулярно понуждать ее к сексу и пользоваться, но ты этого не делаешь. Более того, избегаешь близости с ней. Как-то нелогично то, что мы были любовниками. Может, ты мне мозги пудришь?

– Конечно, – усмехаюсь, помешивая кипящую воду. – Я на самом деле психопат и серийный убийца. Заманиваю невинных жертв, измываюсь и закапываю в лесу.

– А? – девушка от удивления открывает рот. Глядя на неподдельное удивление, хохочу.

– Шучу, шучу, нормальный я, – смеюсь.

– Шутник, – хмыкает. – На секунду представила себе, что

все, кобздец мне. Попала к маньяку, и никто ни хватится.

– Мне нравится шутить, так, чтоб не очень кого-то обидеть, – миролюбиво отвечаю.

– Так в чем же тогда дело? Что не так со мной? С нами? Что произошло, если сторонишься близости со мной? – тихо спрашивает. – Ответь, пожалуйста, без шуток. Это важно. Правда.

– Тебе может не понравиться ответ, – нехотя отвечаю.

– Скажи, как есть, – решительно просит, напрягается в ожидании.

– С тобой и со мной все в порядке, – начинаю объяснять. – Ты чертовски сексуальна и возбуждаешь меня.

– Это я заметила, – улыбается.

– Будешь перебивать – сама с собой будешь разговаривать! – хмурюсь. Собеседница, уловив угрозу в тоне, в примирительном жесте поднимает руки, мол, «все, молчу, молчу, продолжай».

– Я уже говорил, – продолжаю. – Я встретил другую девушку и расстался с тобой. Наши отношения считал законченными.

– И что же изменилось?

– У меня есть одна проблема, преследующая по жизни. Я очень ответственный человек. Не могу пройти мимо людей, что попали в беду. Ты попала в беду, и я решил, что помогу.

– Но ведь у тебя есть другая девушка, – удивляется. – Весь мозг тебе вынесет, если узнает, что живу у тебя. Не поверит,

что при современных нравах в обществе мы с тобой не спим.

– Она знает о тебе, – тихо отвечаю. – Просто находится сейчас далеко и полностью полагается на меня.

– Почему? Почему доверяет?

– Потому что любит, – отвечаю и, замолчав, перемешиваю с тушенкой спагетти. Пока готовлю, девушка молчит, думая о чем-то своем.

– А как ее зовут? – спрашивает.

– Не скажу. Незачем знать. Это моя частная жизнь, – сухо отвечаю.

– Упрямый, – буркает и демонстративно выходит из кухни.

Не хочу, чтобы она обижалась, но что-то внутри сдерживает от откровений. Не хочу, чтобы о моей таежной жене знали люди. Тем более что помню, кто такая Диана и какой клан представляет.

– Диана, пошли есть, – зову, стучу в дверь зала.

– Я не голодна, – бурчит, демонстративно перекладывает вещи из одной кучи в другую.

– Понятно, – чувствую, что начинаю злиться. – Не хочешь есть – не надо, уговаривать не буду. Сказал «нет» – значит, «нет»! Будешь губки надувать в детской песочнице. Не собираюсь играть роль ревнивого Отеллы или влюбленного Ромео.

– А если я её встречу на улице? Как себя вести? – тихо спрашивает.

– Не встретишь. А если не знаешь, как вести со мной – могу подсказать.

– Подскажи.

– Представь, что ты троюродная сестра, приехавшая в гости на пару недель.

– А чё только на пару недель? – удивляется.

– Надеюсь, что за две недели к тебе вернется память, а может быть, еще раньше.

– Оптимист, однако, – вздыхает. – Ну пойдем поедим твои кулинарные шедевры.

– Будешь подначивать – заставлю готовить, – незлобно угрожаю.

– Молчу, молчу, – улыбается. – Я из вредности, из-за отказа огрызаюсь.

– Доогрызаешься, девочка, – шутливо грожу кулаком.

Кормлю гостью с рук, потому что после пятой попытки намотать левой рукой спагетти на вилку Диана разозлилась.

– Не могу есть, – выдыхает, с грохотом опускает вилку на кухонный стол.

– Не нервничай, – пытаюсь успокоить. – Давай сначала покормлю, а потом сама потренируешься. Хорошо?

– Хорошо, – выдыхает, приоткрывает рот.

– Хорошая девочка, – улыбаюсь, накручивая спагетти. – Шире рот, а то промахнусь.

Посмеявшись над двусмысленностью фразы, увлеченно кормим друг друга. Вскоре кухонный стол завален спагетти.

После обеда предлагаю погулять. Успеваю прочитать журнал «Forbes» от корки до корки.

На улице девушка с молчаливого согласия берёт под руку. Не спеша идём по знакомым дорогам. По пути рассказываю интересные истории о жизни города, о себе. Диана рассказывает о себе то, что вспоминает. Словно на первом свидании – шутим, смеёмся. В магазине покупаю фен и мороженое. Никуда не хочется бежать.

Вечером, после прогулки, пьём чай, готовимся ко сну.

Пожелав друг другу спокойной ночи, разбредаемся по комнатам.

Среди ночи просыпаюсь от крика Дианы. Спросонья, обмотав полотенцем голое тело, бегу в зал.

Девушка сидит на краешке дивана и, трясась от страха, что-то бормочет.

– Диана, что случилось?

– Олень, – шепчут побледневшие губы. – Там на дороге стоял олень. Я выворачиваю руль, а потом падение и удар об дерево. Очень больно и страшно. И еще что-то...

– Успокойся, тш, успокойся, – глажу по голове девушку. – Это сон. Просто сон.

– Это не сон, – тихо бормочет. – Это происходит со мной. Так страшно.

– Ложись, успокойся, я буду рядом, покараулю твой сон, не бойся. Здесь ты в безопасности, – шепчу. Гостя покорно ложится и укрывается одеялом. Сажу рядом и поглаживаю

по голове. Через некоторое время слышу, как уснула, возвращаюсь в свою комнату.

* * *

Звенит будильник, и день закручивается в новый водоворот. Утренняя пробежка, зарядка, отработка движений, холодный душ.

Стараюсь не шуметь, но, выйдя из ванной, вижу заспанное лицо в коридоре.

– Доброе утро, красавица, – бодро здороваюсь.

– Доброе, безжалостный обманщик, – бормочет. – Выгляжу, как лахудра.

– Иди умывайся, а я завтрак приготовлю. Яичницу будешь?

– Буду, но минут через десять.

Пока девушка проводит утренний моцион, отрезаю от буханки хлеба четыре ровных куса, вырезаю по периметру мякоть, оставив одну корочку. Укладываю корочки в горячее масло, аккуратно разбиваю в каждую емкость яйцо, жарю. Посыпаю сверху солью и зеленым лучком, выкладываю блюда на тарелки. Завариваю кофе, разогреваю в микроволновке блины. Достаю мёд, ложечки, ножи и вилки.

– Выглядит аппетитно, – говорит девушка, усаживаясь за стол. – Покормишь меня? Сильно есть хочется. А что у тебя голова мокрая?

– Утром бегал на стадионе и принял холодный душ.

– О, как здорово, – с аппетитом жуя, бормочет. – Разбуди завтра, тоже хочу побегать и душ холодный принять. Фен-то теперь есть волосы сушить.

– Хорошо, – соглашаюсь. – Надо будет тебе кеды или кроссовки купить.

– Как вкусно, – бормочет. – Давай попробую себя покормить.

После нескольких неудачных попыток, сосредоточившись, справляется с поставленной задачей.

– Молодец, – хвалю, наблюдая, как аккуратно макает в мёд свернутый трубочкой блин и подносит ко рту.

– Да, я – способная, – смеётся.

После завтрака включаю компьютер, приглашаю гостью.

– Будем тебя искать, – объясняю процедуру поиска в социальных сетях. – Диана, из Владивостока, 25 лет. По этим трем параметрам и будем искать. Если зарегистрировалась под своим именем – найдем. Поняла, как искать?

– Поняла, – кивает, забивая в поисковой строке параметры.

«Одноклассники» выдают список вариантов. Facebook – свой.

Диана просматривает варианты, пристально вглядывается в лица девушек на экране монитора.

Делаю расчеты по инвестиционному проекту, по одному из последних фирменных заказов (пока компьютер занят).

Через пару часов делаю перерыв, готовлю обед. Диана с унылым лицом приходит на кухню.

– Как поиски?

– Лучше не спрашивай, – бурчит. – В памяти смутный образ, какая фотография на Фэйсбуке. Просмотрела сотню фото, а все не то.

– Может, под другим ником зарегистрировалась? – предполагаю, чистя картошку. – Например, Богиня любви, Кисуля, Красотуля?

– Ага, Повелительница Неба и Владыка Земли, – фыркает. – У тебя искаженное представление.

– Да ты просто белая и пушистая, – вспоминаю анекдот.

– Шутка? Не поняла.

– Анекдот. Встречаются лягушка и крокодил. Крокодил спрашивает: «А чё ты такая зеленая, склизкая, в пупырышках вся?». А лягушка с достоинством отвечает: «Понимаешь, длинноносый, я вообще-то белая и пушистая, а сейчас просто болею».

Хохот Дианы взрывает кухню. Искренне и от души смеётся, что невольно люблюсь.

– Прикольно, – вытирает слезы в уголках глаз. – Значит, выгляжу, как лягушка?

– Выглядишь потрясно, – улыбаюсь, закидывая в кипящую подсоленную воду почищенный и порезанный картофель. – Без косметики выглядишь живой, настоящей.

– А с косметикой – чудовищем?! – вскидывает брови, хму-

рится.

– С косметикой выглядишь богиней, – смеюсь, добавляю: – А богини не ценят любовь. Требуют поклонения, обожествления, но не любви.

– По-твоему я неспособна по-настоящему любить?! – с вызовом спрашивает, впивается взглядом.

– Думаю, что можешь. Просто однажды придётся сделать выбор: жить и порхать, как ночной мотылек, или перейти на более взрослую ответственную ступень.

– Тебя послушать, так я чувствую себя шлюшкой какой-то, – обижается. – Я что, так себя действительно веду? Как настоящая б...?!

– Я этого не говорил, – огрызаюсь, добавляя в кипящую воду гречневую крупу. – Просто как-то получается, что если девушка красивая, то тут же надевает невидимую корону. Начинает отдавать приказы своим придуманным подчиненным, давая или обещая доступ к телу. Взамен, как правило, получает бонусы в виде шуб, дубленок, машин, турпоездов, «брюликов», украшений. Список можно продолжать.

– А это разве плохо?

– Безумно плохо!

– Почему?

– Сменились ценности. На первом месте: шмотки, вещи, атрибуты красивой жизни, уводящие людей с истинного пути развития.

– Поясни поподробнее.

– Считаю, что главная задача человека на земле – оставить след в истории: открытия, дела на благо людей, продление рода, сохранение духовных ценностей. Шмотки через несколько лет выйдут из моды или сломаются, а жизнь и время на приобретение уже потрачено и никак не восполнится.

– Странная философия...

– Каждый имеет право на свой взгляд на мир и вещи, что его окружают. Поэтому в мире столько конфликтов, войн, бедствий.

– А ты считаешь, что главная задача женщины – детей рожать и дома сидеть, да? – поддевает.

– Только женщина может выносить и родить дитя, – улыбаюсь. – Так заложено Матушкой-Природой. Можно, конечно, и в пробирках выращивать, но дети будут эмоционально ущербными. Больше похожими на биороботов, чем на детей. Ребенок должен тепло и ласку с самого зачатия чувствовать и в мир с радостью приходить.

– Тебя можно слушать и слушать, – улыбается. – А если женщина не хочет детей?

– Значит, дура! – безапелляционно заявляю и, увидев злость девушки, добавляю мягче: – Или просто еще не встретила мужчину, от которого захотелось родить чудесного пупсика – девочку или мальчика.

– Понятно, – бурчит, вставая. – Значит, буду тупой!

– Я тебя не считаю тупой, – миролюбиво говорю, помещивая на сковороде зажарку из лука и моркови. – Спросила –

ответил. Не нравится – не спрашивай.

– Железная логика, – бурчит, выходя из кухни.

После обеда девушка мучает ноутбук, а я достаю инструменты, готовлю поделку из кедровых шишек.

– Что делаешь? – спрашивает, заглянув через час.

– Готовлю для мамы подарок на день рождения, – отвечаю, просверливая очередное отверстие в кедровом орешке.

– А когда день рождения?

– Завтра, – улыбаюсь. – Хочешь – пошли со мной, приглашаю.

– И как ты меня представишь? Девушка с отшибленной памятью? Б... с Владивостока?

– Тебе принципиально важно? – уточняю, уловив в голосе злость и страх одновременно.

– Очень-очень принципиально. Я бы сказала – жизненно важно. Не хочу выглядеть плохо в глазах твоих родных.

– Представлю тебя, как новую знакомую, с которой начал встречаться.

– Твои родители обо мне что-нибудь знают?

– Нет, ещё не говорил.

– А почему?

– Это моя личная жизнь, – твердо отвечаю. – Сам определяю, кого и как впускать.

– А как твои отнесутся к тому, что сначала с одной девушкой встречался, потом – с другой?

– Нормально воспримут, – бурчу. – Не хочешь идти – не

ходи. Силой тянуть не буду. Сиди дома. В компьютере или в телевизоре – выбор есть. Решай сама.

– Тебе легко говорить, – возмущается. – А мне неловко. У тебя есть кто-то, а вместо нее я приду.

– Ну и сиди дома, – машу рукой, не вдаваясь в подробности, что родители не знают о моей таежной супруге.

– Ну и буду, – обиженно поджимает губы, выходит из комнаты.

Методично сверлю кедровые орешки, вынимаю из определенного круга на столе и укладываю просверленные на те же самые места.

Закончив сверлить, достаю леску и кругами нанизываю орешки и укрепляю узлами, увеличивая диаметр изделия.

Через час завязываю последний узелок, верчу перед носом собственноручно сделанный поднос-подставку под горячую посуду. Это не авторская разработка. Идею подсмотрел у морских умельцев, делающих аналогичные изделия из ракушек.

– Пойдем за кроссовками, – заглядываю в зал к Диане. – У нас есть час, чтобы успеть купить.

В споривном магазине покупаем кроссовки и спортивный костюм для девушки. Пришлось залезть в кредитную карточку, но раз обещал – должен сдержат обещание.

– Заработаю денег – отдам, – безапелляционным тоном говорит Диана, и я не спорю. По дороге в магазин молчит, демонстративно смотрит по сторонам. В магазине не вред-

ничает, соглашается на то, что первым подходит по размеру.

– Обиделась, да? – спрашиваю на улице.

– Да, – сердито признается.

– И что я натворил? В чем виноват?

– Выставляешь душой постоянно, – бурчит. – Задаю вопросы, а ты -бесишь ответами.

– Ты хочешь, чтобы я врал или, наоборот, во всем потакал?

– Нет. Не знаю даже, – бормочет. – Сама не понимаю, почему так бесит твое поведение. Вроде дружелюбен, но держишь на расстоянии.

– На расстоянии удара? – улыбаюсь.

– Не знаю, удара или оплеухи. Чувствую невидимую стену отчуждения. Бесит, что не понимаю, из-за чего. Бесит, что игнорируешь сексуальные знаки. Ведёшь, как с сестрой, а не с девушкой. За талию не обнимешь. Руку не предлагаешь. Я чувствую себя как прокаженная какая-то. Зачем ты так со мной?

– Правду хочешь?!

– Ну... – мнётся, почувствовав в моем тоне холодную угрозу. – И хочу узнать, и боюсь. Не знаю, к чему приведет.

– Когда будешь готова узнать, тогда закатывай истерику и качай права, – улыбаюсь. – Пока не набралась смелости – ходи и дуйся.

– Какой безжалостный, – надувает губки, отворачивается.

Ночью снова просыпаюсь от крика Дианы. Заглядываю к

ней в комнату, вижу, что горит настольная лампа и девушка с побелевшим лицом сосредоточенно пишет на бумаге. Мы заранее договорились, что рядом с ней всегда будет бумага и ручка, для воспоминаний.

Закончив делать записи, девушка глухо говорит:

– Там была женщина. Говорила на странном языке. Я записала то, что поняла. Послушай: *«Рабов хотела – рабыней станешь. Любовь топтала – любимой быть захочешь. Ты предавала – остаешься одна. Все отвернутся. Спасет тебя лишь тот, кто любовью сможет обогреть. Пройдешь мучения и боль. Тебя спасет любовь, но ты родишься снова. То, что мое, даю тебе, как испытание. Сначала дам, потом возьму. Пусть исцелит и боль причинит. Пусть сердце оживет и жизнь родится. Пусть война избранных через него прекратится. Тебе дано понять любовь, пройти страдания и сделать выбор. Война и мир в сердце твоём»*. Вот такая хрентень. Что бы это могло значить?

– Очень похоже на какое-то заклинание или молитву, – говорю, представляю яркий образ Шаманки, стоявшей возле искореженного автомобиля, говорящей эти слова.

– Страшно, – тихо говорит. – А ты что полотенцем замотан?

– Голый сплю, – бурчу. – Услышал твой крик и сразу к тебе, успел полотенцем обмотаться.

– Обалдеть, – грустно улыбается. – Голый мужик рядом, а ко мне даже не притрагивается. Такое разве бывает в жизни?

Я тоже голая, а ты даже не пытаешься этим воспользоваться.

– Зациклилась на сексе? – бурчу, вставая с дивана. – Что, больше не о чем думать?

– Не уходи, пожалуйста, – крепко хватая за руку, с мольбой в глазах просит: – Посиди рядом. Мне страшно. Правда.

– Будешь беситься – уйду, – обещаю, выключая настольную лампу.

– Буду лежать тихонько, как мышка, – шепчет, не отпуская руку. – Ты только не уходи. Посиди рядом.

– Хорошо, – усаживаюсь на край дивана, беру её здоровую руку своими, поглаживаю, пою: «Спи, моя радость, усни. В доме погасли огни. Рыбки уснули в пруду. Я тебя очень люблю...»

– Странная колыбельная, – шепчет и, наклонившись, целует мою ладонь. – Так спокойно, когда ты рядом. Чувствую, что не обидеешь и не сделаешь больно. Я совсем тебя не любила?

– Почему спрашиваешь?

– Что-то не так в моей жизни, – с грустью говорит. – Мне хорошо, когда ты рядом. Но не помню, что происходило между нами раньше. Так хочется вспомнить...

– А вдруг там что-то ужасное или запретное?

– Уже думала об этом. Одновременно страшно узнать и ужасно хочется вспомнить. А ты меня любил?

– Наверное, – пожимаю плечами. – В прошлом.

– Поцелуй меня, как раньше, – просит.

– Нет, – отрезаю.

– Ну что тебе стоит? – умоляет. – Неужели нравится, чтобы упрашивала и умоляла?

– Дело не в том, что мне нравится и не нравится, Диана, – тихо отвечаю. – Между прошлым и настоящим стоит гигантская пропасть. Нужно время, чтобы я стал доверять.

– Тогда почему возишься со мной?

– Хочешь, чтобы шпынял и использовал, как рабыню?

– Нет, – качает головой. – У меня развивается комплекс неполноценности. Мужики на улице глазами съедают, а ты даже не пытаешься соблазнить. Не говоришь комплиментов. Ведёшь себя, как будто уродина какая-то.

– Ты – не уродина.

– Чувствую твое безразличие. Ощущаю себя ущербной, – бубнит.

– Ты мне небезразлична, малыш, – нежно глажу по щеке, и Диана замирает, напрягается. – Я несу ответственность за тебя. Не хочу заставлять и понуждать к сексу. Необязательно расплачиваться телом за то, что живешь здесь.

– Я тебе хоть капельку-капельку нравлюсь? – почти шепотом спрашивает, как маленький ребенок, изголодавшийся по родительской ласке.

Становится искренне жалко. Наклоняюсь поближе к лицу, шепчу на ушко: «Ты мне очень нравишься, Диана. Намного больше, чем можешь представить. Ты возбуждаешь и будишь сексуальные желания».

– Тогда в чем дело? – шепчут губы. – Почему не воспользуешься? Почему не разделяешь ложе? Почему? Я не понимаю. Правда, не понимаю.

– Не хочу так, через принуждение и зависимость, – хрипло отвечаю, чувствуя, как кровь приливает к голове и в паху. – Мне нужно обязательно любить и быть любимым. Я это тонко чувствую.

– А я смогла бы тебя полюбить? – шепчут губы.

– Не знаю, – шепчу в ответ и вздрагиваю от прикосновения.

– Железная сила воли, – уважительно произносит. – Возбуждён, но не допускаешь мысли о насилии. Хотя так просто – откинуть одеяло, навалиться и овладеть. Всё равно не смогу защититься.

– А мне не нужно, чтобы защищалась, – встаю. – Любовь не может быть через насилие.

– Поцелуй, как раньше, когда любил меня, – шепчет. – Хочу знать, что потеряла.

Медленно склоняюсь к губам и нежно целую, как делал это давно. Та сначала с удивлением замирает, с силой обхватывает здоровой рукой, прижимает к себе.

– Я не сдамся без боя, – говорит, обдавая жаром дыхания. Чувствую горячее, манящее, упругое тело, а она продолжает серьезно: – Даю слово, что смогу заслужить твою любовь.

– Зачем тебе это? – удивляюсь, разжимая бойцовский захват. – Вернется память, станешь вести прежнюю жизнь и

забудешь меня, как страшный сон.

– Мы в ответе за тех, кого приручили, – улыбается в темноте. – Чувствую, как приручаешь. Каждая минута с тобой делает меня другой. Это радует, удивляет, бесит одновременно. Понимаю, что никогда не стану прежней. Ты вошел в мою жизнь. Даже если тебя не будет рядом – все равно будешь влиять. Так что никуда не деться друг от друга.

– Утро вечера мудренее, – шепчу. – Спи давай. Завтра утром пробежка предстоит, помнишь?

– Помню.

Вернувшись в свою комнату, забираюсь под одеяло, пытаюсь расслабиться. В голову лезут неприличные мысли. Медленно дышу, полностью контролирую вдох и выдох. Незаметно задремываю. Сквозь сон слышу слабый шорох, открываю глаза. Диана, обхватив здоровой рукой одеяло, тащит в мою комнату. Уложив одеяло на пол возле кровати, выходит и возвращается с подушкой и накидкой. Устроившись поудобнее на полу, затихает. Во мне борются два человека: один готов отругать девушку и выпроводить, а второму – искренне жаль ее, хочется пожалеть и понежить чуть-чуть. Лежу и наблюдаю за ней сквозь прикрытые веки.

Девушка ворочается на жёстком полу.

– Не спится? – спрашиваю и чувствую взгляд в темноте.

– Ну, – бормочет, – страшно там. Едва закрою глаза и впадаю в дремоту – слышу голос страшный, вздрагиваю и просыпаюсь. Дурацкое состояние. И спать хочу, и не могу. Ду-

мала, хоть возле тебя на полу усну, но жестковато.

– Ладно, – подумав, говорю. – Иди ложись рядом, к стенке. Предупреждаю: будешь мешать спать – выгоню.

– Поняла, – обрадовалась и, быстро подхватив подушку и покрывало, забирается на кровать.

– Если ночью стукну локтем во сне – извини, – ворчу. – Начну храпеть – разбуди, чтоб на другой бок перевернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.